

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им Ф. Скорины
2024

УДК 94:327

Международные отношения: актуальные проблемы истории и современный этап трансформации : сборник научных статей / редкол. : Ал. А. Громыко (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – 231 с.

ISBN 978-985-32-0045-4

Сборник включает научные статьи, которые посвящены истории международных отношений и проблемам их трансформации на современном этапе. Особое внимание в материалах сборника уделено историческим процессам, происходившими на территории Беларуси и России. Рассматривается современное международное положение названных государств. Статьи, включенные в сборник, характеризуются высокой степенью научной новизны и актуальности.

Издание адресовано профессиональным историкам, педагогам, студентам и всем, кто интересуется историей.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке филиала Белгосстраха по Гомельской области.

Редколлегия:

Ал. А. Громыко (главный редактор),
С. А. Хахомов (заместитель главного редактора),
Д. Л. Коваленко, Н. Н. Мезга, С. А. Черепко

Рецензенты:

доктор исторических наук С. А. Елизаров,
кандидат исторических наук Д. М. Толочко

ISBN 978-985-32-0045-4

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Рахманов С. К. Глобальные угрозы и будущее человечества...	10
Прилуцкий С. К. Англо-американское противостояние и пограничные конфликты на северо-востоке Северной Америки в конце XVIII века – начале 1840-х годов.....	18
Сидорова И. В., Захарова О. В. Значение Венской системы в международной политике России в первой половине XIX века.	25
Сагимбаев А. В. Влияние системных изменений в сфере международной политики на формирование колониальной стратегии Великобритании после завершения Первой мировой войны..	32
Чикалова И. Р. Кто хотел войны?: внешнеполитическая мысль России о виновниках развязывания мировой войны (дискуссии 1918–1920-х годов).....	40
Мезга Н. Н. Формирование нового международного порядка на восточной периферии Версальской системы и становление белорусской государственности (1918–1921 годы).....	53
Савіч А. А. Дыпламатычная дзейнасць П. Войкава і беларускі рух у міжваеннай Польшчы: гістарыяграфія і новыя крыніцы..	66
Кротаў А. М. Вобраз Польшчы на старонках заходнебеларускага сатырычнага часопіса “Маланка” (1926–1928 гады).....	73
Бортулев В. Е. Проблема формирования внешнеполитической стратегии лейбористской партии Великобритании в первой половине 1920-х годов.....	93
Кузьмичева А. Е. Британское и итальянское направления во внешней политике Польши в 1920-е – начале 1930-х годов – была ли альтернатива польско-французскому союзу?.....	101
Дубровко Е. Н. Британская оценка места Польши в европейской политике в условиях экономического кризиса в первой половине 1930-х годов.....	110
Бароўская В. М. Пытанне экспарту дубовай клёпкі ў гандлёвых сувязях БССР і Польшчы ў 1921–1939 гады.....	125

Субботин О. Г. Крах германской политики мультилатерализма в годы Веймарской республики.....	132
Артамошин С. В. В борьбе за великое пространство: внешнеполитическая модель национал-социализма.....	139
Снапковский В. Е. Внешнеполитический механизм советского федеративного государства и союзные республики.....	147
Брянцев М. В. Представления населения Гомельской губернии о вероятном противнике в будущей войне (по материалам ГАООГО).....	157
Рожкова С. Н. Белорусская историография советско-германских отношений периода нарастания угрозы новой мировой войны (1933 – начало 1939 годов).....	164
Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Переписка В. А. Францева и Е. В. Спекторского как источник по истории международных отношений в Европе в 1930-е – начале 1940-х годов....	176
Ковяко И. И. «Пряник» превыше всего: экономическая политика союзников в Германии по материалам англо-американской историографии.....	182
Гавриловец Л. В. Договор о добрососедстве и сотрудничестве: новый этап в польско-германских отношениях.....	190
Бароўская В. М. Вызначэнне і характарыстыка ключавых актараў і практык гістарычнай палітыкі Польшчы ў 2007–2012 гады..	196
Валодзькін А. А. Беларусь і Рада дзяржаў Балтыйскага мора (РДБМ) у 1990-я – 2010-я гады.....	203
Челядинский А. А. Становление бразильского вектора внешней политики Республики Беларусь (1992–2010 годы).....	212
Космач В. А. Причины и перспективы русофобской политики Германии в отношении России и Союзного государства (России и Беларуси).....	220
Яо Цзэни Морской фактор во внешней политике Китая.....	224

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Международные отношения как особый вид общественных отношений оказывают существенное влияние на политическую, экономическую и социальную сферы жизни человечества. Понимание закономерностей и тенденций развития международных отношений имеет огромное значение для принятия эффективных решений как на государственном, так и на глобальном уровне, не только в исторической ретроспективе, но и на современном этапе.

Изучение истории международных отношений позволяет глубже осознать роль и место государств в мировой системе, выявить факторы, определяющие их внешнюю политику, а также проследить эволюцию международных институтов и механизмов регулирования межгосударственных взаимодействий. Это, в свою очередь, способствует формированию более взвешенной и обоснованной внешнеполитической стратегии, направленной на защиту национальных интересов и укрепление международной безопасности.

Особую роль в развитии международных отношений второй половины XX века сыграл Андрей Андреевич Громыко – выдающийся советский дипломат и государственный деятель. На протяжении многих лет он занимал ключевые позиции в системе внешнеполитического управления СССР, внося значительный вклад в урегулирование глобальных конфликтов, укрепление позиций Советского Союза на международной арене. Его глубокие познания, дипломатическое мастерство и твердая приверженность интересам Советского Союза снискали ему прозвище «Мистер Нет» на Западе. А. А. Громыко был одним из главных архитекторов политики разрядки международной напряженности в 1970-е годы, сыграв ключевую роль в заключении таких важных соглашений, как Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1 и ОСВ-2) и Хельсинкский Заключительный акт. Его дипломатическое искусство и твердость в отстаивании национальных интересов Советского Союза оказали существенное влияние на ход международных событий второй половины XX века. Поэтому личность А. А. Громыко входит в когорту дипломатов и государственных деятелей мирового уровня.

А. А. Громыко – уроженец Ветковского района. Не случайно поэтому память о нём не просто жива среди жителей Гомельщины, многие жители региона с гордостью вспоминают своего знаменитого земляка, чувствуя некоторую свою сопричастность к его великим

свершениям. Поэтому закономерно, что именно Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины стал местом, где учёные-международники собираются, для того, чтобы вспомнить великого исторического деятеля и обсудить те или иные проблемы в изучении международных отношений и современное их состояние. Отрадно, что именно в ГГУ имени Франциска Скорины состоялись I Громькинские чтения, которые имеют значительный научный потенциал и, вне всякого сомнения, станут заметным событием в научном мире Беларуси и России.

Представленные в данном сборнике научные статьи ведущих учёных-международников Беларуси и Российской Федерации помогут историкам, дипломатам и всем заинтересованным лицам лучше понять как динамику международных отношений в исторической ретроспективе, так и общую картину современного мира и тех геополитических процессов, которые в нём протекают.

Ректор учреждения образования
Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины
доктор физико-математических наук

С. А. Хахомов

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

«Моя родина – Гомельщина» – так пишет Андрей Громько в своих мемуарах. «Всё, что окружало Старые Громьки, я обожал: поля и леса, луга и речки». Эти места на всю жизнь остались источником его вдохновения, сформировали личность и характер, заложили несгибаемый внутренний моральный и нравственный стержень.

Андрей Громько стал дипломатом номер один во второй половине XX столетия, представлял Советский Союз на мировой арене в качестве руководителя МИД СССР с 1957 по 1985 годы. Занимал высший государственный пост – председатель Президиума Верховного совета СССР. Выдвигался депутатом в Верховный Совет СССР от Гомельского городского избирательного округа, а затем от Минских избирательных округов. Считался самым информированным и опытным министром иностранных дел в мире. Громько – великий сын советского народа, защитник интересов сверхдержавы в течение полувека.

Андрей Андреевич внёс неоценимый вклад в создание Организации Объединённых Наций, участвовал в разработке Устава ООН, который подписал от имени СССР 26 июня 1945 года, способствовал включению Белорусской ССР и Украинской ССР в число государств-основателей ООН. Дипломатию воспринимал как науку и искусство. Реализовывал выработанные им «золотые правила» дипломатии, которые превратили внешнюю политику страны в мощный инструмент продвижения и защиты интересов Отечества. На их основе было воспитано несколько поколений советских дипломатов, сложилась лучшая в мире дипломатическая школа.

Андрей Громько гордился такими достижениями, как закрепление послевоенных границ в Европе и установление военно-политического паритета с Соединёнными Штатами. Он стоял у истоков и был главным архитектором Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и процесса разрядки в целом. Выработанные при непосредственном участии А. А. Громько международные договоры до сих пор во многом определяют соотношение сил в мире. Его подпись стоит под Договором о запрещении испытания ядерного оружия в трёх средах 1963 года, под Договором о космосе 1967 года, Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 года. Андрей Громько стал основным переговорщиком СССР по вопросам заключения Договора по ПРО, ОСВ-1 и ОСВ-2. Его миротворческая роль проявилась в урегулировании Карибского кризиса, в посредничестве между Индией и Пакистаном, в возобновлении переговоров по контролю над вооружениями после встречи с Р. Рейганом в 1984 году.

Несомненна актуальность наследия дипломатического искусства А. А. Громыко, в центре которого – предотвращение большой войны между ядерными державами. Жёсткость отстаивания национальных интересов сочеталась у него со способностью добиваться взаимовыгодных решений, достигать целей с опорой на все имеющиеся ресурсы государства.

Андрей Громыко снискал уважение у друзей СССР и у его недругов. Красными линиями для него были территориальная целостность, безопасность государства и её союзников. Он всем своим существом отстаивал колоссальную роль своей страны в победоносном окончании Второй мировой войны, её право на мирное будущее, оплаченное десятками миллионов жизней советских граждан. Среди них были два его брата – Фёдор и Алексей. Память об этих жертвах была для А. А. Громыко священной. Он вспоминал, что когда вёл переговоры с западниками, то, бывало, слышал за спиной голоса братьев: «Не уступи им, Андрей, не уступи, это не твоё, а наше».

В 2024 году Союзное государство, Российская Федерация и Республика Беларусь сталкиваются с небывалыми вызовами для своей безопасности. Твёрдое и бескомпромиссное отстаивание национальных интересов и государственного суверенитета актуально как никогда. Опыт советской дипломатии и деятельности наших стран в стабилизации международных отношений и обустройстве мирового порядка после 1945 года высоко востребован и достоин пристального внимания. Громыкинские чтения на базе Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины посвящены этой крайне злободневной и востребованной проблематике.

Член-корреспондент РАН
директор Института Европы РАН
Председатель Ассоциации
внешнеполитических исследований
им. А. А. Громыко
доктор политических наук, профессор

Ал. А. Громыко

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Приветствую организаторов и участников I международных Громыкинских чтений, приуроченных к 115-летию со дня рождения Андрея Андреевича Громыко!

В современных международных условиях важно не только сохранять и укреплять плодотворные отношения между дружественными странами, но и искать точки соприкосновения и общие ориентиры там, где иногда это кажется невозможным.

Рад отметить, что тематика Чтений учитывает богатый опыт советской дипломатии и ученых-международников. Наследие министра иностранных дел Советского Союза Андрея Громыко, направленное на поддержание глобальной системы безопасности, особенно актуально сегодня в эпоху больших противоречий. Убежден, что участники постараются переосмыслить опыт нашего выдающегося коллеги с учетом современных геополитических реалий.

Россотрудничество с особым вниманием относится к сохранению и приумножению добрых человеческих связей между представителями разных стран, реализует программы детской и молодежной дипломатии «Здравствуй, Россия!» и «Новое поколение», помогает налаживать международные контакты в сфере образования, культуры, бизнеса. Непосредственное участие в подобной работе принимают представительства Агенства по всему миру, включая, безусловно, Русский дом в Гомеле.

Уверен, что участники конференции смогут найти достойные ответы вызовам современности. Желаю всем продуктивного обсуждения и верных решений!

Руководитель Федерального агентства
по делам Содружества Независимых Государств,
соотечественников, проживающих за рубежом,
и по международному гуманитарному
сотрудничеству (РОССОТРУДНИЧЕСТВО)

Е. А. Примаков

ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Среди многочисленных угроз внутрипланетарного (загрязнение окружающей среды; глобальные конфликты; экономические кризисы и другие) и космического (падение на Землю крупных космических тел; космическое воздействие на магнитосферу земли и др.) характера для нынешнего и будущего поколений глобального человечества особое значение имеет проблема самоиндуцированного расчеловечивания (дегуманизации, которая сохраняется даже в том случае, когда физическое – биологическое существование социума прямо не ставится под вопрос). При этом последовательное усиление угрозы расчеловечивания в контексте превалирования телесной (биологической, а в перспективе и механической) составляющей над социальной (духовной) составляющей определяется отсутствием реального влияния человечества на механизмы общественной трансформации. Именно трансформации, которая по определению включает как развитие (эволюцию), так и деградацию (деволюцию). Указанные механизмы продолжают носить чисто биологический характер вне зависимости от того, что человечество существует на планете Земля много тысячелетий и в теоретическом плане наиболее развитые умы целого ряда эпох, включая период древности, неоднократно ставили вопрос о необходимости сознательного изменения этих механизмов в сторону доминанты гуманизации общества.

Однако, в практическом плане из двух ветвей трансформации глобального социума (технологической и гуманистической) только первая имеет восходящий характер. Вторая имеет волнообразную траекторию и на современном этапе не только не имеет выраженной восходящей составляющей, но и характеризуется спадом. Это создает дополнительные опасности разрушительного воздействия так называемых прорывных (подрывных) технологий (сильный искусственный интеллект; редактирование генома человека; создание искусственных патогенных микроорганизмов; соединение центральной нервной системы человека с управляющими микроэлектронными устройствами; виртуальная и дополненная реальность и др.) на человеческую популяцию при отсутствии адекватного гуманистического контроля на разных уровнях (от локальных до глобального).

Соответствующим образом в мире на глобальном уровне продолжают доминировать социальные трансформации в разных формах

(в том числе уродливых и разрушительных) в рамках парадигмы социального дарвинизма, которая является одной из «интеллектуальных» основ идеологии и практики либерализма (неолиберализма, постмодернизма) с упором на индивидуализм, государственный и цивилизационный эгоизм, на потребительство и получение прибыли за счет масштабирования потребительства, на агрессивную экспансию антинаучного универсализма, на манипулирование общественным сознанием для подавления альтернатив либеральной парадигме даже в умах населения планеты, не говоря уже о соответствующих практических действиях. В этих рамках выдвигаются соответствующие концепции типа постиндустриального общества, нового релятивизма – в том числе относительности научного знания, секуляризации – с отказом от базовых ценностей, формирования нового человеческого типа в форме «человека экономического», мир-системы с ядром, полупериферией и периферией, разделения современных народов и стран по критериям дикости, варварства и цивилизованности (разумеется в пользу Запада) с позиции о сохранении неравенства как естественного состояния глобального социума – здесь и известная позиция «конца истории».

В этом контексте трансформация капиталистической (рыночной) системы была и остается биологическим процессом, а функция соответствующих «ученых» и «экспертов» состоит не в исследовании реальной картины мира в ее динамике с объективным прогнозированием будущего, а лишь в легитимизации либерализма в его разных формах и рыночных отношений «отныне и навеки». Однако на самом деле указанная система может рассматриваться и как разрушительная мутация, которая на определенном этапе своей трансформации поставила человечество на грань самоуничтожения. Это при том, что уже древние мыслители задолго до наступления новой эры рассматривали иную траекторию трансформации человечества в целях его самосохранения и развития, получившую в последствии название социализма (коммунизма). Именно в рамках этой траектории (и только в рамках этой траектории) теоретически и практически поставлен вопрос об отказе от парадигмы социального дарвинизма за счет сознательного воздействия на механизмы трансформации социума в гуманистическом направлении. Состоявшийся под влиянием и при непосредственном участии известной группы акторов развал глобальной социалистической системы (что является глобальным преступлением против человечества и человечности) – первого глобально значимого

проявления сознательного подхода к гуманистической трансформации социума при всех известных издержках, вовсе не означает отказа от такой трансформации в будущем. Основой повторения на новом историческом этапе масштабного гуманизирующего общества социалистического эксперимента является как накопленный позитивный практический опыт, так и факт существования в мире ряда народов и стран, продолжающих идти по социалистическому пути в явном или неявном виде. Их преимущество состоит в возможности анализа ошибок их предшественников и в лучшем понимании препятствий объективного и субъективного характера. Здесь и понимание ошибочности универсализма как в целом, так и в рамках данной траектории трансформации социума. При этом хорошо известно и то, что даже в ряде стран с тотальным доминированием рыночной парадигмы под влиянием социалистической теории и практики функционируют вполне определенные элементы социалистической организации общества с национальной спецификой в формах так называемого «социального государства», которые принципиально противоречат либерализму.

Либеральная, «неолиберальная», «рыночная», «постмодернистская» парадигма базируется на идее господства (фактически на идее легитимизованного паразитизма). Однако известно, что все многочисленные попытки реализации этой идеи – в том числе задолго до формирования рыночных отношений – провалились. На этой же траектории находится и нынешняя временная гегемония Запада, что связано с тем, что идея господства вступает в непреодолимое противоречие с интересами глобального социума, хотя соответствующий исторический и современный опыт игнорируется носителями либеральной идеи – в том числе с их позиционированием «избранности» отдельных западных стран и всей западной цивилизации в целом. Подобное упорство во многом определяется ресурсным паразитизмом стран Запада, что отчетливо проявилось в условиях колониализма – в том числе с геноцидом коренных народов в странах и на территориях, подвергшихся колониальному нашествию по типу истребления населения Индии и индейских племен в Северной Америке. Соответствующая практика продолжается и в настоящее время в разных формах неоколониализма под флагом продвижения «демократии», «прав человека», «помощи развитию» и др., что является естественным в рамках либеральной (рыночной) парадигмы, реализуемой в целом на принципах нарастания потребления материальных и интеллектуальных ресурсов, которых давно не хватает в странах Запада. При этом в бывших западных колониях от голода и болезней ежедневно умирает

до 15 тысяч детей в возрасте до 5-ти лет, а от голода и недоедания в целом страдают сотни миллионов человек. Однако пропагандисты либеральных ценностей не создают соответствующие кризисные штабы с необходимыми объемами ресурсного обеспечения, и проблема имеет тенденцию к нарастанию.

Тенденция расчеловечивания захватила в первую очередь страны западного мира под влиянием либеральной парадигмы, однако в силу растущей взаимосвязанности на планете она затрагивает и другие страны. Одним из проявлений этого является нарастающая технократизация общества в силу очередного сдвига соотношения биологической и гуманистической составляющих социума в пользу первой (силовой, экспансионистской, потребительской, иррациональной). Особая опасность этого сдвига в современных условиях состоит в том, что человеческий фактор на нашей планете вышел на уровень геотектоники за счет так называемого «технологического прогресса» с беспрецедентными возможностями изменения окружающей среды вплоть до возможностей ее тотального разрушения. При этом в рамках доминирующей либеральной парадигмы принципиально невозможно обеспечить адекватное глобальное управление и контроль на гуманистических принципах, что создаёт трудно преодолимые угрозы как со стороны отдельных стран – носителей потенциально разрушительных технологий, так и со стороны возрастающего числа негосударственных акторов, обладающих возможностями доступа к таким технологиям. Огромное негативное влияние на глобальный социум в среднесрочной и долгосрочной перспективе оказывает в этих условиях нарастающая технократизация образования и науки с соответствующей деградацией содержания образовательного и воспитательного процесса (сведение образования до уровня сферы услуг) и с вытеснением гуманистического начала из сферы исследований и разработок ради достижения чисто коммерческого результата.

Другая крайне опасная тенденция, захватывающая экономику и все общество в целом, – тотальная финансиализация, которая противоречит фундаментальным основам происхождения человека и социума в ходе развития трудовых (созидательных) навыков, что сопровождалось повышением уровня мыслительной деятельности и развитием коллективистских начал с формированием социумов разного уровня. Дегуманизирующая направленность финансиализации отвращает индивидуумов и социум от созидательной деятельности и поворачивает их в сторону имитации (виртуализации) труда без получения реального продукта. Уже сейчас дело дошло до того, что глобальная

экономика с соответствующими финансовыми пузырями, не обеспеченными материальными активами, неизбежно идет по пути к масштабным кризисам с катастрофическими последствиями для подавляющего большинства населения планеты. В рамках финансовых операций в мире до 90% и более сделок совершается не в сфере реального производства и торговли, а в сфере продажи, перепродажи и слияния активов, которые во все большей степени становятся виртуальными.

Под влиянием практического воплощения либеральной парадигмы с нарастающим потребительством происходит необратимое разрушение окружающей среды, без которой существование человечества невозможно. Уже сегодня уровень потребления в США таков, что при его проецировании на все население мира потребовалось бы несколько планет типа Земли. При этом в США производится значительно меньше продукции, чем потребляется – это реальный паразитизм в действии, осуществляемый с использованием соответствующих финансовых механизмов, в том числе путем печатания бумажных банкнот, не имеющих материального обеспечения. Глобальное потребление в целом перешагнуло границу естественного воспроизводства земных ресурсов, что ведет к фактическому ограблению будущих поколений, которые могут оказаться «у разбитого корыта». Проблема и в том, что для получения прибыли за счет раздувания потребительства не требуется население с высоким уровнем сознания и мировоззрения – совсем напротив. Отсюда стимулируемая и выраженная тенденция в сторону деинтеллектуализации социума для обеспечения манипулирования сознанием в рамках осуществления так называемого маркетинга. Богатые ресурсы планеты Земля были предоставлены человечеству не для их разбазаривания, а для наращивания комплексного гуманистического потенциала на соответствующей материальной основе с постепенным приобретением способности выхода в космос и способности адаптироваться к жизни за пределами земного пространства задолго до момента, когда поддержание жизни на Земле станет невозможно, что неизбежно. Вместо этого траектория трансформации глобального социума в соответствии с либеральной парадигмой (парадигмой социального дарвинизма) оставляет человечество на уровне банальной биологической системы, которая рождается, трансформируется по чисто биологическим законам и исчезает без следа.

Извращенное либеральной идеей сознание западных «интеллектуалов» в соответствии со сказанным выше, подогреваемое значительным финансированием (примитивное потребительство в действии) во

все большей степени ориентировано не на поиск выхода за рамки социального дарвинизма в интересах глобального социума, а на закрепление любой ценой случайным образом сформированного превосходства западного (особенного англосаксонского) мира над остальным человечеством – со стимулированием именно биологических механизмов (другого пути у Запада с учетом его целеполагания нет) трансформации современного общества. Налицо постоянный (и небезуспешный) поиск легитимизации подходов, ограничивающих развитие объективной аналитики и экспертизы в глобальной социально-экономической сфере. Здесь и попытки нормативного утверждения соответствующих «правил», замещающих международное право, в направлении хаотизации (релятивизации) как действительности, так и информационного пространства – при определенном управлении сознательно создаваемым хаосом («ловля рыбы в мутной воде») – в дополнение к тому, что хаотизация в целом является естественным природным процессом, в противовес стимулируемой организации. В этом контексте показательным является появление в дополнение к разного рода концепциям в интересах западного общества – концепции так называемой «злонамеренной правды», которая якобы разжигает ненависть, с которой надо бороться на нормативном уровне. То есть фактически утверждается, что правда не должна быть объективной, а должна следовать либеральной концепции (парадигме), а всякая другая «неправильная правда» должна исключаться из информационного пространства, а ее носители должны преследоваться по соответствующим законам. В целом, складывающаяся в мире ситуация (в том числе в информационном пространстве) в значительной степени определяется интеллектуальной пассивностью и реактивностью представителей незападного экспертного сообщества. Последние в худшем случае прямо следуют концепциям предлагаемым их западными оппонентами, типа «постиндустриального общества», «постмодернизма», «постправды», «мягкой силы», технократизации в разных формах, включая информатизацию, трансформацию науки и образования в сторону предпринимательства – в том числе в форме предпринимательских университетов и других. В лучшем случае осуществляется критика этих концепций с позиции их односторонности, однако практически отсутствуют альтернативные предложения конструктивного характера с приоритетом гуманистического начала в организации глобального социума при соответствующем фундаментальном обосновании с выходом за рамки деклараций. Фактически на современном этапе в руках Запада остается не только основная технологическая часть информационного пространства, но и его основная содержательная часть. Необходимы очень серьезные и долгосрочные

скоординированные усилия незападного экспертного сообщества с соответствующими стратегиям и программами действий, направленные не только на изучение западных концепций и парадигм, но и на выработку собственных подходов трансформации социально-экономической сферы, соответствующих реальным интересам большинства глобального сообщества – в том числе с ориентацией на перспективу с видением адекватного будущего.

Для объективно мыслящих людей вполне очевидно, что достижение такого будущего в рамках реализации либеральной и родственных ей парадигм и идеологий невозможно по сути, ибо все они базируются по существу на принципах социального дарвинизма с биологическими механизмами трансформации социума. Требуется прорыв (взлет) общественного сознания под влиянием постоянно работающих над собой конструктивно и прогностически мыслящих представителей человечества на уровень парадигмы приоритетности комплексной гуманистической составляющей во всех сферах жизнедеятельности. Здесь и глобальное управление – с тем, чтобы биологические механизмы трансформации социума были заменены на гуманистические механизмы и остались бы в подчиненном положении. Для этого необходимо обеспечить устойчивую тенденцию интеллектуализации и гуманизации общества посредством адекватного комплексного образования и воспитания на объективной научной основе. Это требует в первую очередь глубокого понимания на уровне ключевых акторов в сфере именно глобального управления. Нужна не конкуренция как продолжение борьбы видов за выживание, а солидаризация для достижения общих успехов глобального масштаба. Как безусловной ошибкой Запада является комплекс стремлений и действий по обеспечению мирового господства западной цивилизации, так и другой безусловной ошибкой было бы стремление к доминированию со стороны любой незападной локальной цивилизации, либо со стороны коллективного Не-Запада в целом, ибо любое доминирование противоречит принципу гуманистичности с социальной справедливостью. Однако пока мир очень далек от реального понимания этой достаточно простой истины, не говоря уже о видении реальных путей достижения социальной гармонии в глобальном масштабе, хотя данная истина была рождена по сути много тысячелетий назад. В современных условиях путь к спасению человечества от множества объективных и порождаемых им самим глобальных угроз является очень долгим и состоит в последовательном приближении к указанной истине за счет усилий как отдельных экспертов, так и целых стран, народов,

локальных цивилизаций. При этом трудный результат достигим только в условиях диалога (в том числе межцивилизационного диалога, а не столкновения цивилизаций), без которого достижение глобального успеха человечества исключается полностью. Внесение конструктивного вклада в этот диалог – миссия Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко – в контексте национальных интересов Беларуси и России, Союзного государства, которые совпадают с интересами глобально социума.

Сопредседатель Ассоциации
внешнеполитических исследований
им. А. А. Громыко, член Совета
старейшин Совета Республики
Национального собрания Республики Беларусь,
Чрезвычайный и Полномочный посол,
член-корреспондент НАН Беларуси,
заслуженный деятель науки Республики Беларусь,
доктор химических наук, профессор

С. К. Рахманов

С. К. Прилуцкий

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА – НАЧАЛЕ 1840-Х ГОДОВ

В данной статье рассматривается конфронтация на северо-восточной границе США в конце XVIII в. – начале 1840-х гг. Отношения между США, Англией и Канадой на протяжении истории неоднократно осложнялись из-за нерешенных территориальных проблем. Вопросы, связанные с малонаселенными приграничными территориями, оставались нерегулированными. В пограничных районах североамериканского Северо-Востока происходили боевые действия в ходе Войны за независимость США (1775–1783 гг.), 2-й англо-американской войны (1812–1815 гг.) и Арустукской пограничной войны (1838–1839 гг.). В 1842 г. граница на северо-востоке между Соединенными Штатами и Канадой была окончательно установлена.

Внешняя политика США в рассматриваемый исторический период была преимущественно направлена на решение двух проблем. Во-первых, необходимо было нормализовать напряженные отношения с Англией, которые часто приводили к вооруженным конфликтам. Во-вторых, необходимо было определить позицию по вопросу Техаса и других спорных территорий на Юге (которые впоследствии были приняты в качестве отдельных штатов в состав Союза). Особую роль в американо-британских отношениях играли северо-восточные пограничные регионы США (Республика Вермонт, штаты Мэн и Нью-Гэмпшир). Большую опасность представляли кризисы в отношениях между двумя англоязычными государствами в 1775–1783 гг., 1812–1815 гг., 1837–1839 гг., 1865–1871 гг. и 1901–1902 гг. Самым серьезным из этих конфликтов на североамериканском Северо-Востоке, произошедших после 2-й англо-американской войны, был пограничное противостояние 1838–1839 гг. Данный конфликт создавал реальную угрозу возникновения широкомасштабных военных действий.

Одним из специфических северо-восточных американских регионов, граничащих с Канадой, являлся Вермонт. Республика Вермонт (Vermont Republic) была одним из квазигосударств на территории современных США. Относительно небольшая по площади и малонаселенная республика функционировала с 1777 г. по 1791 г. В отношении данного государственного образования в документах конца XVIII в. чаще употреблялись термины «государство», «штат» или «содружество». Республика Вермонт возникла из-за территориальных споров 1749/1764–1791 гг. между британскими колониями – будущими американскими штатами Нью-Йорк, Нью-Гэмпшир и канадской провинцией Квебек. Жители Вермонта приняли конституцию в 1777 г., согласно которой на территории республики было запрещено рабство, вводилось всеобщее избирательное право для мужчин и предусматривалось государственное финансирование школ. Республика Вермонт имела собственного руководителя – губернатора (генерала-капитана) и выпускала свою монету. В 1791 г. Вермонт стал 14-м штатом США, поскольку никогда не стремился к реальному суверенитету. Большинство граждан Вермонта всегда придерживалось идеи тесного политического союза с остальными штатами Америки и противостояло лоялистам Канады [1].

В 1783 г. между США и Англией был подписан договор, определявший северо-восточную границу США [10, р. 335]. Но возникли разногласия по поводу территории, известной как «плоскогорье» (highlands), которая длительное время не была заселена. Спорными регионами являлись северные районы Мэна и Нью-Гэмпшира. В 1794 г. проводились работы по демаркации американо-британской границы в районе реки Сент-Круа и ее верховий, но территориальные вопросы по-прежнему оставались нерешенными. В 1827 г. был проведен конвент и достигнуты определенные договоренности между обеими сторонами по спорным территориям. Однако, в 1831 г. они были отвергнуты. Конфронтацию между США и Англией усугубляли также вопросы, связанные с борьбой с незаконным ввозом рабов в южные штаты. Английский парламент еще в 1807 г. запретил работорговлю, и начал постепенно отменять рабство в колониях в Вест-Индии [2, р. 300].

Граница между США и Британской Канадой, определенная в 1783 г., оставалась, тем не менее, предметом разногласий. Конфликтным являлся район Мадаваска, расположенный на стыке провинций Канады Нью-Брансуик и Квебек, а также штата США Мэн.

Мэн в рассматриваемый период американской истории являлся частью территории Массачусетса – «колыбели революции конца XVIII в.». Несмотря на заключенный договор о демаркации, границы спорных территорий так и остались неурегулированными. В конфликте 1837–1839 гг., который мог превратиться в большую войну, неурегулированный статус данной территории стал одной из основных причин противостояния. В течение XVIII в. регион Мадавака активно заселялся франкоязычными акадийцами, которые со временем смешались с квебекцами, ирландско-шотландскими колонистами и местными индейцами микмаками. В результате образовалась субэтническая группа франкоканадцев, известных как брейоны или мадаваки (в наши дни их насчитывается около 100 тыс. чел.). В 1810-е гг. на спорной территории начали появляться американские поселенцы. Одним из них являлся Джон Бейкер, поселившийся в Мадаваке в 1817 г. К 1830 г. в данном поселении проживали около 2,5 тыс. чел. – преимущественно французы (франкоязычные канадцы) и американцы. В ближайших населенных пунктах Арустук и Холтон поселились еще около 840 чел. Некоторые американские колонисты полагали, что пограничная территория Мадавака принадлежит штату Мэн. В 1825 г. они подали прошение властям США о ее включении в состав американского государства.

В июле – августе 1827 г. часть колонистов во главе с Бейкером провозгласили Республику Мадавака, подняв похожий на американский флаг [3]. Этот инцидент привел к усилению напряженности между странами и длительным по времени дипломатическим переговорам. Поселенцы-американцы в пограничном районе препятствовали работе представителей британских властей – служащих почтовой службы, магистратов (мировых судей) и констеблей. Сепаратисты даже сформировали временное правительство из 3-х чел. и подписали особое соглашение. Они планировали создать условия для аннексии приграничного района Мадавака штатом Мэн в течение 1 года. Местный мировой судья пытался конфисковать подписанный договор об учреждении независимой республики Мадавака и потребовал от Бейкера снять флаг новой республики и подчиниться властям Англии. Но Бейкер отверг требования британских властей и уехал в штат Мэн, где в течение 1 месяца пытался добиться от губернатора и законодательной ассамблеи (законодательной ассамблеи) гарантий безопасности. По возвращении в Мадаваку в конце сентября 1827 г. он был арестован и оштрафован. Мятежник просидел в тюрьме 13 месяцев за «сопротивление власти Его Величества и воспрепятствованию исполнению законов», а также

подстрекательству британских подданных к бунту. Вскоре известия об инциденте на северо-восточной границе дошли до Вашингтона. В ходе состоявшихся переговоров с англичанами Соединенные Штаты официально отмежевались от сепаратистов, заявив, что они не санкционировали подобные выступления, угрожавшие возникновению вооруженного конфликта в пограничных районах. В 1831 г. Бейкер вновь активизировал свои действия после того, как законодательное собрание штата Мэн предъявило претензии на спорную территорию на севере. После выдачи ордера на его арест успешно скрывался некоторое время (при поддержке соседей) в лесах на границе. В 1840 г. Бейкер вновь был оштрафован канадским судом после того, как склонил к дезертирству несколько британских солдат, расквартированных в Мадаваске.

Подобным Мадаваске самопровозглашенным квазигосударственным образованием была также Республика индейских водных потоков (Republic of Indian Stream), существовавшая в 1832–1835 гг. Она была создана американскими поселенцами, несогласными с двойным налогообложением, на спорной территории, граничившей с Нижней Канадой. Республика была конституционным государственным образованием и имела избранный совет граждан. В 1835–1836 гг. она вошла в состав американского штата Нью-Гэмпшир, а ее земли были признаны Великобританией частью территории США.

Существенное обострение отношений между двумя странами началось после восстания в Канаде в конце 1837 г. Восстанием руководил член колониальной ассамблеи Верхней Канады, журналист У.Л. Маккензи. Группировавшиеся вокруг него канадские патриоты, объединившиеся в революционную организацию «Сыны Свободы», стремились к ликвидации колониальной власти и созданию независимой демократической республики. Однако они смогли добиться только незначительных успехов. Английские регулярные войска и канадская лоялистская милиция быстро разгромили отряды повстанцев, состоящие в основном из фермеров и представителей интеллигенции. Повстанцы были оттеснены в лесные массивы на границе между США и английскими владениями в Канаде. В районе Буффало, где река Ниагара разделяет Верхнюю Канаду и США, повстанцы перешли границу, чтобы перегруппироваться. Жители пограничных штатов Нью-Йорк, Вермонт, Огайо и Мэн выразили свою поддержку канадским повстанцам и начали присоединяться к ним в качестве добровольцев [4, p. 289–290].

29 декабря 1837 г. произошел так называемый «Каролайнский инцидент», когда канадская милиция захватила небольшое американское судно, что привело к гибели нескольких граждан США [4, р. 287–288]. В январе 1838 г. начались вооруженные столкновения между американскими поселенцами и английскими войсками на границе на Северо-Востоке. Обе стороны обменялись нотами протеста. Великобритания обвиняла население пограничных штатов США в «пиратских» действиях в отношении «дружественной страны». При этом указывала, что эти действия осуществлялись «с одобрения американских властей» [4, р. 290–291]. Один из небольших американских кораблей, использовавшийся для перевозки оружия повстанцам, был потоплен. Великобритания требовала прекратить подобные агрессивные действия в отношении ее канадских владений.

США находились в то время в состоянии тяжелого финансово-экономического кризиса и не были готовы к войне. Их небольшая регулярная армия значительно уступала английским вооруженным силам и была разбросана по различным фортам на западной границе для защиты белых поселенцев от индейцев. Местное ополчение (милиция), склонное к конфронтации с Англией и поддерживавшее канадцев, насчитывало несколько десятков тысяч бойцов. Но ополченцы были плохо подготовлены, вооружены и дисциплинированы. В декабре 1837 г. правительство Америки потребовало от губернаторов Вермонта и Нью-Йорка соблюдать «строгий нейтралитет». В январе и ноябре 1838 г. президент США опубликовал декларации о нейтралитете, в которых призывал население пограничных штатов не вмешиваться в гражданскую войну в Канаде, не снабжать повстанцев оружием и продовольствием, не оказывать им любую другую помощь [5, р. 65–67]. Для поддержания порядка на границе был направлен генерал У. Скотт, который арестовал Маккензи и начал разоружение и роспуск отрядов канадцев и американских добровольцев. Однако повстанцы объявили о создании временных правительств Верхней и Нижней Канады, создали новые отряды. Они неоднократно совершали попытки наступательных действий на территорию Канады, используя территорию США в качестве базы.

Америкой были предприняты значительные усилия по нормализации отношений с Англией, а также для решения вооруженного конфликта мирными методами [6, р. 439–440]. Английское правительство неофициально обещало предотвращать новые пограничные инциденты, но, несмотря на это, осенью 1838 г. пограничные столкновения возобновились. В этот раз конфликт переместился на границу между

штатом Мэн и канадской провинцией Нью-Брансуик, где находились спорные территории, на которых американцы возвели укрепленные форты. Конфликт между Мэном и Нью-Брансуиком имел долгую историю, связанную с борьбой за пограничное поселение Мадаваска, в котором проживали как канадцы, так и американцы. Кроме того, американские власти стремились ограничить деятельность лесорубов из Нью-Брансуика на своей территории. Американцы начали их выдворять за пределы районов, в отношении которых был территориальный спор [7, р. 167–169]. Правительство Мэна выделило 0,8 млн. долл. на военные приготовления и мобилизовало 4 тыс. ополченцев для защиты штата. В конце 1838 г. – начале 1839 г. на канадской границе происходила локальная пограничная война. В связи с ней Конгресс принял законы, расширявшие полномочия президента и увеличивавшие сроки службы в милиции при возникновении серьезной военной угрозы. Было выделено 10 млн. долл. на военные приготовления [6, р. 439–440]. Война была без кровопролития, но сопровождалась перестрелками. Обе стороны понесли небоевые потери. Однако весной 1839 г. пограничный конфликт все же был урегулирован при активном участии упомянутого ранее генерала Скотта. Были предприняты дипломатические усилия для освобождения американских пленных.

В 1838–1840 гг. пограничный вопрос обсуждался в Конгрессе США. Правительство США в течение всего конфликта настаивало на мирном урегулировании конфликта путем переговоров и соблюдении строгого нейтралитета в отношении событий в Канаде [5, р. 71–72, 82, 86]. Спорная территория на севере Мэна должна быть размежевана на основе сотрудничества с Англией от Верхнего озера на северо-востоке и вплоть до Лесного озера на северо-западе [8]. В марте – апреле 1840 г. Сенат и Палата представителей приняли резолюции в поддержку Мэна и потребовали демаркации границы с учетом его интересов [9].

В конце XVIII в. – начале 1840-х гг. отношения между США, Англией и Канадой были нестабильными из-за территориальных споров. 4 апреля 1842 г. начались четырехмесячные переговоры между представителями двух стран. Их вели английский дипломат лорд Александр Бэринг, первый барон Ашбертон (1774–1848) и американский государственный секретарь Дэниел Уэбстер (1782–1852). 9 августа 1842 г. территориальный спор между Британией и США был окончательно урегулирован принятием договора Уэбстера – Ашбертона. По нему была установлена северо-восточная граница США и Канады. США приобрели более 50 % спорной территории, превышавшей

по площади 12 тыс. квадратных миль. Штат Мэн получил контроль над районом реки Арустук – притока реки Сент-Джон, а канадская провинция Восточная Канада (современный Квебек) приобрела Мадаваску, которая впоследствии (с 1851 г.) вошла в состав канадской провинции Нью-Брансуик. Новая граница в основном соответствовала линии разграничения, ранее предложенной правительством Америки [2; 10; 11]. Таким образом, произошло окончательное урегулирование территориального спора между Британией и США. В результате США получили более половины спорной территории. Эпоха территориальных конфликтов в районе Атлантического побережья и существования самопровозглашенных республик в спорных районах завершилась.

Источники и литература

1. Van de Water, F. F. *The reluctant republic; Vermont, 1724–1791* / F. F. Van de Water. – N.Y.: The John Day Company, 1941. – 344 p.
2. *The Webster-Ashburton Treaty. August 9, 1842* // *Documents of American history* / Ed. by H.S. Commager. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1963. – P. 298–300.
3. *Flags in Madawaska: then and now*. By David B. Martucci [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20040915090238/http://www.midcoast.com/~martucci/neva/madawask.html>. – Дата доступа: 10.04.2024.
4. *The Caroline affair* // *Documents of American history* / Ed. by H.S. Commager. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1963. – P. 287–291.
5. Martin Van Buren. *Chronology, documents, bibliographical aids* / Ed. by I.J. Sloan. – Dobbs Ferry (N.Y.): Oceana Publications, 1969. – 116 p.
6. Niven, J. *Martin Van Buren: the romantic age of American politics* / J. Niven. – N.Y. – Oxford: Oxford University Press, 1983. – 715 p.
7. McInnis, E. «The Unguarded Frontier»: *A history of American-Canadian relations* / E. McInnis. – N.Y.: Russell & Russell, 1942. – 384 p.
8. *Congressional Globe*. 26th congress. 1st session. Appendix. P. 1.
9. *Congressional Globe*. 26th congress. 1st session. P. 291–292, 331.
10. *Treaty with Great Britain. August 9, 1842* // *Select documents illustrative of the history of the United States 1776-1861* / Ed. by W. Macdonald. – N.Y., L.: Macmillan & Co., Ltd., 1905. – P. 335–343.
11. Усов, Д. Л. К вопросу о формировании восточной части границы между США и Британской Северной Америкой в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Д. Л. Усов // *Право: история, теория, практика. Сб. статей и материалов*. Вып. 11. – Брянск: Изд-во БГУ, 2007. – С. 235–245.

И. В. Сидорова

Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

О. В. Захарова

Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ЗНАЧЕНИЕ ВЕНСКОЙ СИСТЕМЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

После окончания Наполеоновских войн перед европейскими державами встала сложная задача – выработать такую систему международных отношений, которая позволила бы обеспечить стабильность и безопасность в Европе. Такая система была разработана в 1815 году на Венском конгрессе, где центральная роль принадлежала России, как победительнице Наполеона. В данной работе рассматривается влияние установленной Венской системы международных отношений на дальнейшую внешнеполитическую активность российских императоров.

В современном мире существует угроза обрушения, установившегося после Второй Мировой войны международного порядка – Ялтинско-Потсдамской системы. В последнее время наша страна ощущает колоссальное давление, в том числе с применением «мягкой» и жесткой силы, открыто используются различные методы гибридной войны. В этой связи нарушение правовых основ, заложенных Уставом ООН, противостояние между сторонниками однополярного и многополярного миров, нежелание вести диалог создают условия для отката назад к «кабинетной дипломатии» и «реальной политике». Поэтому особое значение приобретает умение выстраивать дипломатические отношения между государствами и межгосударственными объединениями, опираясь на традиции делового сотрудничества, основываясь, в первую очередь, на национальных государственных интересах [1, с. 143; 2, с. 7–8].

Прообразом подобного алгоритма является существовавшая практически весь XIX в. Венская система международных отношений, в установлении которой Россия играла не последнюю роль. Она основывалась на общем согласии между державами, коллективном принятии решений, праве вмешательства и поддержания статуса-кво в Европе [3, с. 18]. Основные принципы, которые включают в себя все вышеперечисленное и являются опорой для системы: легитимизм, консерватизм,

баланс сил и принцип равновесия. Соло в данной системе было возложено на «европейский концерт», который состоял из «великих держав». Это основная терминология, необходимая для понимания структуры Венской системы порядка международных отношений.

Время действия Венской системы международных отношений историки главным образом приравнивают ко времени деятельности Священного Союза, так как с момента его создания он лег в центр системы и имел те же принципы, которыми она была наделена, а именно легитимизм и «право вмешательства» [4, с. 164; 5, с. 46], что не является преувеличением, так как своей идеологией Священный Союз в точности отражал цели Венской системы – борьбу с революциями и поддержание монархического строя в странах, а так называемая «Система конгрессов» являлась ее прямым отражением на практике [6, с. 81]. Среди них выделяют несколько главных конгрессов с участием великих держав – Аахенский в 1818 году, конгресс в Троппау в 1820 году, в Лайбахе в 1821 году и Веронский конгресс в 1822 году. На всех конференциях провозглашалась одна цель – противостояние революциям и защита монархических режимов [7, с. 385].

Тогда же, на конференциях Европа была неофициально разделена на сферы влияния, – восточную и центральную, за которые отвечали три восточные державы – Австрия, Пруссия и Россия; и западную, которая попадала под ответственность Англии и Франции [8, с. 57–58]. Таким образом, можно говорить о формировании и закреплении двух противостоящих блоков – так называемый «союз трех северных дворов», включающий в себя Австрию, Россию и Пруссию, против двух морских держав – Франции и Англии [9, с. 70].

В 1815 году, после окончания Наполеоновских войн и окончательного разгрома войск Наполеона при Ватерлоо, коллективно был подписан Заключительный Акт Венского Конгресса, который определял дальнейшее развитие Европы и возлагал ответственность на каждое государство, подпись представителя которого, стояла в этом документе [10, с. 43].

Какое же значение он имел для России? Основным крупным приобретением стало присоединение Герцогства Варшавского, благодаря политике Александра I, но на этом все. Почему так? Сравнивая с приобретениями той же Пруссии, можно подумать, что нас несправедливо обделили, но так ли это на самом деле? Для ответа на интересующие нас вопросы, необходимо вернуться к самому началу обсуждений на Венском конгрессе и разобраться с целями, которые были выдвинуты Конгрессом и с которыми прибыл Александр I в Вену.

Официально было объявлено, что на Конгрессе планируется решение вопрос о благосостоянии народа и обновлении политической системы Европы для сохранения мира в будущем, но на самом деле, каждый участник стремился забрать как можно больше награды из того, что осталось от империи и в то же время не обидеть Францию [11, с. 3].

На Конгрессе главенствующую роль, что отмечали многие историки, занимал император Александр I, а значит, Россия имела определяющее значение на принятие решений [12, 4, с. 166; 11, с. 4]. Данная позиция объяснялась сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, с моральной точки зрения, Европа была обязана России своим спасением от империалистических замыслов Наполеона, так как именно она, сосредоточив огромные усилия и средства, смогла разбить французскую, считавшуюся непобедимой, армию и освободить не только свою территорию, но и Европу. Благодаря этому фактору, ясно выдвигается второй, не менее важный, объясняющий усилившуюся позицию России на международной арене – огромный военный потенциал, который в совокупности с опытом, полученным в сражениях с наполеоновской армией, являлись железным аргументом в спорах для Александра I, когда он отстаивал свою позицию на Конгрессе [13, с. 263].

Немаловажным фактором сильной позиции России на Конгрессе были личностные качества самого российского императора, проявившего себя искусным дипломатом и идейным борцом за мир и безопасность в Европе [12]. Тем не менее, этот последний аргумент может быть оспорен в том смысле, что, представляя из себя сильного дипломата, Александр I, как считают некоторые историки [14, с. 13], имел сильные амбиции, которые ограничивали Россию в рамках Священного Союза и сдерживали решение стоящих перед ней геополитических задач. Для большей ясности причин такого положения, необходимо обратиться к целям, которых добивался российский император.

Говоря о целях Александра I, необходимо привести мнение канцлера Австрии К. Меттерниха. Он писал, что для российского императора установление мира, как было провозглашено Конгрессом, являлось важным не ради спокойствия и благополучия народов и государств, а ради своего спокойствия, ради самого себя [13, с. 241]. Главной же и во многом определяющей его политику на Конгрессе целью, было присоединение большей части герцогства Варшавского, чего он яростно отстаивал и в итоге добился [13, с. 245]. Его одним его желанием было выстроить систему международных отношений, основанную на морально-религиозных принципах, среди которых Россия была бы «общехристианским центром» и «главным арбитром в Европе» – именно

с этой целью был создан Священный Союз, который изначально был воспринят остальными представителями государств довольно скептически [11, с. 5; 15, с. 50].

Если говорить о роли Александра I в формировании Венской системы, то она была, как признают многие историки, основополагающей [4, с. 166; 11, с. 4]. Он поддерживал принцип легитимизма, легший в основу новой системы международных отношений, а также настоял на том, чтобы Франция участвовала в конференциях наравне с другими державами, с чем были изначально не согласны в первую очередь Австрия и Пруссия, но в итоге им пришлось уступить. Конечно, Александру сильная Франция была нужна не просто так – таким образом он надеялся создать противовес Англии, сохраняя баланс сил [4, с. 165].

Таким образом, мы можем видеть, что российский император принимал участие в формировании основы будущей международной системы отношений и влиял на складывание правил, согласно которым в дальнейшем будет действовать взойдящий после него на престол следующий правитель России – Николай I.

Внешнеполитическую активность императоров начали изучать и сравнивать еще со второй половины XIX века, тогда же появились первые работы, стабильно подразделяемых по двум идеологическим направлениям – консервативным, к которому относились историки, ставящие под сомнение принципы, руководившие внешнеполитической деятельностью Александра I, а, следовательно, и саму Венскую систему; и либеральным, в которой политика Александра рассматривалась с позитивных сторон, но противопоставлялась политике Николая I [16].

После смерти бездетного Александра I в декабре 1825 года, престол перешел его брату Николаю вместе с построенной совместно с другими державами Венской системой международных отношений и образовавшимся по инициативе Александра Священного союза. Николай вошел в незнакомую ему доселе среду и начал активную деятельность по тем правилам, которые были установлены принципами Венского конгресса во внешней политике. Его основным направлением было выбирать следовать установившемуся принципам, подчиняя свою политическую активность интересам европейской «общности» [5, с. 55].

Современники его характеризуют как блюстителя порядка и консервативных устоев, врага революций и каких-либо изменений в Европе. Он стремился поддерживать стабильность и мир с помощью средств, являющимися для него доступными со времен Венского конгресса и установленные принципами Священного союза [17, с. 13].

В советской историографии, основанной в основном на марксистско-ленинской идеологии, популярны были точки зрения, критикующие внешнюю политику как Александра I, так и Николая I, причем последнего подвергали большим нападкам из-за его явных консервативных принципов и яростных действиям против революции. Правда, во второй половине XX века взгляды стали смягчаться [16].

В начале XXI века, стремясь избавиться от советского прошлого и навязанных идеологией стереотипов, начали активно пересматривать исторические оценки событий и явлений. Для внешнеполитической активности Александра I это имело огромное значение, так как теперь она рассматривалась с позитивной точки зрения, указывая на положительные моменты. Внешнеполитический курс Николая I не подвергся кардинальному пересмотру, данное ему прозвище «жандарма Европы» осталось без изменений.

В зарубежной историографии эпоха складывания Венской системы представляется весьма популярной для изучения. Зарубежные авторы активно анализируют деятельность российских императоров, делая упор на их экспансионистскую политику и стремление распространить свое влияние на более обширные территории. Такая постановка проблемы выглядит некорректно и может быть не понятна современному исследователю, поскольку отношения с великими державами строились на основе принципов, установленных Венскими конгрессом. Таким образом, учитывая их участие в решении восточного вопроса, который с самого начала вступления Николая I на престол и до его смерти в 1855 году имел огромное значение для стран Европы [16]. Из-за стремления Николая I к сближению с европейскими державами, в том числе с Великобританией, которая имела особый интерес на Востоке, российские интересы всегда приносились в жертву европейским, а ведущие принципы внешней политики были установлены не национальными интересами России, а Венским конгрессом и Священным союзом [5, с. 50, 55]. Во многом благодаря этому русские войска почти всегда останавливались буквально «около входа» в Константинополь [5, с. 54].

Подводя итог вышесказанному, необходимо выделить ключевую роль, которую сыграла Венская система международных отношений для внешней политики России в первой половине XIX века. Изначально она была установлена вместо устаревшей и разрушенной системы Вестфалья для поддержания порядка и мира в Европе и с этой функцией она справлялась первые 30 с лишним лет. Крымская война, которая является прямым следствием воздействия Венской системы, разрушила существовавший мировой порядок, убрала с лидирующих позиций Россию, которую она заняла после победы над Наполеоном.

На протяжении всего XIX века сначала Александр I, а затем его преемник – Николай I, вели активную внешнеполитическую деятельность, целью которой было сохранение Европы от революций и войн. Но если политику Александра I как современники, так и, если пропустить идеологически противоположную царскому режиму советскую, современная историография, давали положительные отзывы, то политика Николая I постоянно подвергалась критике по многим аспектам, в том числе и «жандармским замашкам» во внешней политике, хотя единственным, что способствовало такой активности это установленные его братом принципы и порядки, составлявшие основу Венской системы. То есть, по сути, ничего выходящего за установленные самими европейскими державами рамки и правила. Давая оценку как внешнеполитической деятельности Николая I, так и действиям Александра I, Киссинджер указывал на их несостоятельность в данной сфере. В своем труде, он отметил возможно иной исход развития в первую очередь Восточного вопроса, в случае, если бы оба императора действовали решительнее, используя все геополитические возможности сложившегося положения России, которые были ими не замечены [9, с. 73].

Политика Николая I кроме противодействия революциям и поддержания консервативных порядков, характеризуется также соблюдением европейских интересов, которые ставились даже выше национальных. В этом аспекте критике подвергался как Николай, так и его министр иностранных дел Нессельроде, особенно из-за результатов решения восточного вопроса, где Николай решил пожертвовать своей свободой и достижениями на Востоке, чтобы начать сотрудничество с Англией.

На протяжении периода от начала действия Венской системы и до Крымской войны, принципы, установленные европейскими державами часто ими же и нарушались, особенно это видно при решении таких вопросов, как дарование независимости Бельгии или признание легитимности власти во Франции европейскими державами, против чего всегда вставала Россия, за что получила в результате своей политики политическую изоляцию к началу Крымской войны.

Наконец, приведя к такому кризису, как Крымская война, Венская система способствовала созданию между союзниками глубоких противоречий и конфликтов, решение которых отодвигалось все дальше и дальше и, в конце концов, привело к еще большему кризису – Первой мировой войне. Но было ли это следствием Венской системы или просто нарушением ее принципов для достижения своих интересов со стороны европейских держав?

Источники и литература

1. Белевцева, С. Н. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений: договорные основы, трансформации и современная реальность / С. Н. Белевцева // *Американистика: актуальные подходы и современные исследования*. – 2023. – Выпуск 15. – С. 121–143.

2. Мажуга, С. Н. Характерные особенности современных международных отношений и их влияние на сотрудничество между государствами / С. Н. Мажуга, В.В. Толстых // *Военная мысль*. – 2023. – №9. – С. 6–20.

3. Лебедева, М. М. *Мировая политика: учебник для вузов* / М.М. Лебедева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с. – ISBN 978–5–7567–0428–0.

4. Макарова, Т. А. Роль Александра I в международных отношениях и предпосылки создания Священного союза / Т.А. Макарова // *Вестник Волгоградского Государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2008. – №1(13). – С. 164–169.

5. Кудрявцева, Е. П. Два канцлера: Меттерних и Нессельроде / Кудрявцева Е.П. // *Вестник МГИМО–Университета*. – 2019. – 1(64). – С. 45–58.

6. Anderson, Matthew. *Europe's Balance of Power 1815–1848* / M. Anderson // *Russia and the Eastern Question*. / Alan Sked. – 1979. – P. 79–98.

7. Потемкин, В.П. *История дипломатии*. В 3 Т. Т. 1. / Владимир Потемкин. – М.: Государственное социально–экономическое издательство, 1941. – 567.

8. Bullen, Roger. *Europe's Balance of Power 1815–1848* / R. Bullen // *The Great Power and the Iberian Peninsula, 1815–48* / Alan Sked. – 1979. – P. 54–79.

9. Киссинджер, Г. *Дипломатия* / Г. Киссинджер; перевод с англ. В.В. Львов [Послесловие Г.А. Арбатова]. – М.: Научно–издательский центр «Ладомир», 1997. – 848 с.

10. Рей, М. П. Венский конгресс как инструмент выработки новых дипломатических норм и обычаев. Пер. с французского О.В. Окуновой / М. П. Рей // *Россия и современный мир*. – 2017. – №4(97). – С. 31–44.

11. Троицкий, Н. А. Александр I и Венский конгресс / Н. А. Троицкий // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения*. – 2005. – Вып. 1/2. – С. 3–12.

12. Терениченко, А. А. Участие России в формировании институтов международного права на Венском конгрессе 1814–1815 гг. (к двухсотлетию события) / А.А. Терениченко // Современный юрист. – 2016. – №2(15). – С. 52–63.

13. Хазин, А. Л. Венский конгресс 1814–1815 годов и его участники: коммуникативные инструменты, ошибки, достижения / А. Л. Хазин, С. В. Богданов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – Вып. №40. – С. 237–271.

14. Василенко, С. А. Александр I и Николай I: личность и политика / С. А. Василенко // DINAMICA NAUKOWYCH BADAN-2012. – 2012. – С. 13–16.

15. Парсамов, В. С. Священный союз и его интерпретаторы / В. С. Парсамов // Россия и современный мир. – 2017. – №4(97). – С. 45–60.

16. Василенко, С. А. Внешняя политика Александра I и Николая I: преемственность и различия (1814-1855) / С. А. Василенко // Общество: философия, история, культура. – 2019. – №11(67). – С. 81–85.

17. Кудрявцева, Е. П. Внешнеполитические успехи и поражения Николая I (по воспоминаниям современников) / Кудрявцева Е. П. // Вестник МГИМО–Университета. – 2017. – №4(55). – С. 7–24.

УДК 942.080.1

А. В. Сагимбаев

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Формирование многих особенностей современной системы международных отношений напрямую обусловлено процессами кризиса и распада имперских систем, существовавших на политической карте мира в конце XIX-первой половине XX в. Одним из наиболее характерных примеров, демонстрирующих данное влияние, является процесс постепенной трансформации британского имперского механизма, важный этап которой

пришелся на межвоенные десятилетия. Данная статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов поиска британской политической элитой компромиссных решений в сфере колониальной стратегии на фоне складывания новых контуров международного порядка в 1920-х – 1930-х гг.

Современное развитие международной системы определяется сложными и противоречивыми тенденциями, связанными, с одной стороны, с процессами глобализации и усилением взаимозависимости государств и народов, а с другой – с ростом стремления отдельных этнических и конфессиональных образований к сохранению своей идентичности. Наиболее очевидным проявлением данной амбивалентности является наблюдаемая в ряде регионов мира тенденция к усилению этнического и религиозного радикализма, а также рост конфликтности на национальной или конфессиональной основе. Важной её составляющей остаётся сохраняющаяся дихотомия между «Западом» и «Востоком», отражающая сложившиеся на протяжении длительного исторического периода стереотипы взаимного восприятия европейской цивилизации социокультурных типов, существовавших на территории Азии и Африки. Особенности данного восприятия, а также многие из существующих до настоящего момента политических и социально-экономических тенденций, определяющих противоречивость современной глобализационной модели развития, сформировались в эпоху колониализма и были связаны с возникновением и развитием крупных колониальных империй, среди которых особое и наиболее важное место занимает история британской колониальной системы.

После завершения Первой мировой войны обозначился кризис прежних методов имперского управления, положивший начало процессу постепенной децентрализации Британской империи. На рубеже 1910-х – 1920-х гг. в обстановке сложных политических дискуссий, на фоне обострявшегося внутреннего кризиса имперского механизма, британское правительство попыталось осуществить несколько проектов, связанных с реформированием системы управления в некоторых из своих владений.

В период войны в Великобритании начались дискуссии об ограничении национального суверенитета и создании некой структуры, подобной мировому правительству. Данная идея, впервые появившись в британских антиимпериалистических кругах в конце XIX в., отражала утопическую надежду части интеллектуального сообщества на «гуманизацию и гармонизацию международных отношений» [1, р. 52]. Антиимпериалистическая идея, в данном контексте, оказалась связана и с заметным усилением позиций различного рода националистических идеологий, распространявшихся в различных регионах мира, в том числе, и в пределах Британской империи.

Как отмечает в своих исследованиях американский историк У. Р. Льюис, основные британские политические силы «очень активно восприняли идею формирования нового мирового порядка и постарались принять деятельное участие в оформлении его концепции» [2, р. 35]. В особенности значимой в данном контексте оказалась деятельность Лейбористской партии, «сыгравшей важную роль в утверждении универсального принципа международной системы» [3, р. 205]. В статье, опубликованной в июле 1920 г. подчёркивалось, что «Британская нация готова участвовать в разработке общей политики по защите мира и закона...» [4, р. 4]. В то же время, среди британской политической элиты превалировала точка зрения о том, что вильсонский принцип права народов на самоопределение применим лишь к «цивилизованным», европейским народам. Колонии же рассматривались преимущественно как необходимый экономический ресурс для послевоенного восстановления страны.

Первая попытка формирования единого мирового порядка на основании «14 пунктов» В. Вильсона и главенства Лиги Наций, воплотившаяся в оформление на рубеже 1910-х – 1920-х гг. версальско-вашигтонской международной системы, дала основание немалой части британской элиты надеяться на длительную мирную передышку. Одной из ключевых проблем, обсуждавшихся на завершающем этапе Первой мировой войны, явилась предложенная президентом США идея создания Лиги Наций. Многие из них связывали данную идею со своим давним проектом создания «мирового правительства». В частности, представители объединения «Круглого стола», оказывавшие немалое влияние на формирование официальной позиции кабинета Д. Ллойд-Джорджа в ходе послевоенных переговоров, попытались реализовать как в концепции самой Лиги Наций, так и в оформившейся вскоре схеме мандатной системы, собственные имперские взгляды и представления. В рамках возникшей вокруг данных проблем дискуссии в британской элите произошёл заметный идейный раскол между приверженцами традиционной империалистической идеологии и сторонниками реализации проекта «мирового правительства», призванного обеспечить эффективность системы коллективной безопасности и действенность механизмов по мирному разрешению международных конфликтов. К последней группе относились, в первую очередь, сторонники Либеральной и Лейбористской партий [5, с. 84–85].

Всю сложность интеллектуального поиска, происходившего в тот момент, попытался выразить в своей, получившей широкий резонанс статье под названием «Окна свободы» Л. Кёртис. Его публикация вышла в свет в журнале «Круглый стол» 21 декабря 1918 г., накануне

начала работы Парижской мирной конференции. По мнению Л. Кёртиса проект Лиги Наций мог оказаться успешным лишь в случае выполнения трёх необходимых требований. Первым из них должна была стать как можно более тесная кооперация между Великобританией и США. «Война, – подчёркивал Кёртис, – показала Америке, что мир един, и ей невозможно сохранять прежнюю политику изоляции» [6, р. 5]. Ещё одним существенным требованием, без которого Лига Наций не могла стать реальным центром мировой власти, являлась выборность представителей и наделение их функциями налогообложения государств-участников. До тех пор, пока «не сформируется структура мирового правительства, беспомощность Лиги будет представлять величайшую угрозу для человечества... Мир надеется увидеть в ней Правительство, говорящее и действующее от имени всего человечества», – отмечалось в статье [6, р. 18]. Третьим важным условием, предложенным Л. Кёртисом, являлась так называемая «система доверия», с помощью которой Лига «будет направлять некоторые страны к миру, порядку и эффективному управлению». Данная «система» должна была применяться в отношении «рас, которые ещё не могут надеяться на самоуправление в Африке и на Тихом океане» [6, р. 25].

По сути, Л. Кёртис одним из первых озвучил идеи, ставшие в последующем основой для мандатной системы Лиги Наций. После публикации статьи, лорд Сесил, являвшийся британским представителем в комитете, готовившем базовые документы будущей международной организации, пригласил Кёртиса подробнее изложить свои взгляды на заседании секции Лиги Наций. В ходе этой встречи Кёртис, в числе прочих познакомился с будущим автором итогового проекта мандатной системы, главой делегации ЮАС Я. Смэтсом.

В то же время, позиция Л. Кёртиса разделялась далеко не всеми представителями британского истеблишмента. Внутри него существовала влиятельная группа, выражавшая скепсис в отношении идеи Лиги Наций. В её состав входили А. Милнер, Л. Эмери и Ф. Керр. Наиболее значимой, с точки зрения официальной позиции британского правительства, являлась позиция Ф. Керра, занимавшего в период с 1916 по 1921 г. должности личного секретаря и советника по внешнеполитическим делам премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа. По мнению некоторых исследователей, именно под влиянием Керра, Д. Ллойд-Джордж в январе 1919 г. заставил лорда Сесила внести существенные коррективы в первоначальный проект Устава Лиги Наций [7, р. 49].

31 января 1919 г. Д. Ллойд-Джордж выступил категорически против проекта Устава Лиги Наций, предложенного лордом Сесилем и А. Милнером, потребовав внести в него ряд принципиальных изменений. Перечень данных изменений был подготовлен в меморандуме,

составленном Ф. Керром. В документе, в частности категорически отвергалась идея В. Вильсона о системе коллективной безопасности и территориальных гарантиях, а также подчёркивалось, что в случае, «если Лига наложит на участников обязательства воевать при любых не совсем ясных обстоятельствах, это способно привести лишь к её саморазрушению» [8, р. 37]. Реальной альтернативой проекту В. Вильсона, по мнению Ф. Керра, должна была стать система «постоянных консультаций» между государствами, по итогам которых решения принимались бы в зависимости от конкретной ситуации. «Фиксированные обязательства» участников Лиги Наций должны были быть при этом сведены к минимуму [9, р. 215]. Тем не менее, лорд Сесил фактически проигнорировал указания премьер-министра, и при поддержке В. Вильсона добился включения в итоговый проект Устава Лиги Наций всех его базовых идей, изложенных ещё в августе 1918 г.

Окончательное утверждение базового документа будущей международной организации означало временное поражение сторонников «империалистического» тренда среди британской политической элиты. Однако уже в марте 1920 г. ратификация Устава Лиги Наций была заблокирована в Сенате США. Известие об этом было позитивно воспринято многими британскими политиками. Ф. Керр в письме, адресованном членам объединения «Круглого стола» подчеркнул, что «утрата Лигой Наций поддержки со стороны одного из своих основных членов, со всей очевидностью доказывает, что общественные настроения <...> в настоящий момент склоняются в пользу права наций на суверенитет, а не верховенства международных законов» [9, р. 215]. В связи с отказом США от участия в Лиге Наций, он считал необходимым «пересмотр подходов Великобритании к данной проблеме» [9, р. 215]. Британское участие в деятельности международной организации должно быть обусловлено, по его мнению, тремя базовыми принципами. Во-первых, Великобритания должна была отказаться от «любых военных обязательств» [9, р. 124]. Во-вторых, «британское правительство должно воздерживаться от принятия любых обязательств, не соответствующих его реальным возможностям» [9, р. 125]. Наконец, Великобритания должна была продемонстрировать категорическое неприятие любого «военного или экономического давления», которое Лига Наций могла оказывать на «непокорные государства» [10, р. 225–226]. Альтернативы данному подходу, по мнению Керра не было, так как «влияние Лиги Наций на британские имперские отношения в настоящий момент становится опасным и дезориентирующим» [10, р. 232].

Наряду с проблемой определения базовых принципов деятельности новой международной организации, в политических дискуссиях

уделялось существенное внимание формулированию концепции мандатной системы. В статье «Окна свободы» Л. Кёртис, в числе прочего, предложил ввести в международно-правовую практику понятие «брошенных территорий», пояснив, что единственной надеждой народов, которые не могут управлять собой сами или даже учиться этому, является опека со стороны великих демократических наций» [6, р. 25]. Данная точка зрения являлась вполне типичной для чиновников и экспертов, формировавших дипломатическую позицию Великобритании на послевоенных переговорах. Мандатная система рассматривалась ими преимущественно как инструмент укрепления британского влияния и распространения его на новые территории [11, с. 165].

В оценках значения и перспектив функционирования мандатной системы в контексте стратегических приоритетов Великобритании, представители Уайтхолла проявляли принципиальное единодушие [12, р. 13]. В частности, Ф. Керр в ходе одного из предварительных обсуждений будущей судьбы германских и османских владений, заявил о необходимости установления «цивилизованного контроля над политически отсталыми людьми, ... которые не в состоянии управлять собой сами. Только европейские державы могут вмешаться и защитить их от деморализующих влияний» [13, р. 254–255].

В реализации планов «Круглого стола», касавшихся концепции мандатной системы, важную роль сыграл один из «учеников» Л. Кёртиса Дж. Л. Бир, занимавший должность эксперта по колониальным вопросам в делегации США на мирной конференции. В декабре 1918 г. он организовал встречу Кёртиса с полковником Хаузом и генералом Т. Блиссом, которые оказывали существенное влияние на формирование официальной линии США в ходе переговоров. В организации этого неформального диалога с ведома главы британского правительства участвовал и Ф. Керр.

Задача Л. Кёртиса сводилась к тому, чтобы в проекте мандатной системы был достигнут максимальный компромисс между принципами, провозглашёнными В. Вильсоном, и имперскими интересами Великобритании. В ходе этих неофициальных дискуссий Дж. Л. Бир допустил участие США в распределении будущих мандатов, и, в частности, предложил возможность установления американского управления над бывшей германской Восточной Африкой [14, р. 251].

К числу фигур, оказывавших ключевое влияние на переговорный процесс по данной проблеме, относился и А. Милнер, назначенный председателем комиссии по подготовке проекта мандатной системы. Поддерживая, в целом, предложения о выделении США подмандатных территорий, в целях установления «тесного союза между США и Великобританией» [12, р. 159], он выступал категорически

против каких-либо уступок в Африке, которые могли бы нарушить стратегические позиции Великобритании. В конечном итоге, после отказа США от участия в Лиге Наций, распределение мандатов окончательно превратилось, по словам лорда Бальфура, в «распределение наград» [12, р. 159], основанное на традиционных стереотипах колониальной политики ведущих держав-победительниц.

В контексте будущего учреждения Лиги Наций, организация «Круглого стола», Имперская Федеративная Лига, а также некоторые другие объединения сторонников укрепления единства империи, прорабатывали идею создания имперского правительства, а также имперского федеративного парламента, состоящего из избранных представителей Великобритании и доминионов, в сферу компетенции которого планировалось передать вопросы общей внешней и колониальной политики, обороны, а также руководства вооружёнными силами. Индия, Египет, а также колониальные территории должны были быть исключены из предполагаемой «тесной федерации», в силу «незрелости политических институтов» [16, р. 197]. В 1917 г. по итогам имперской конференции было принято важное решение относительно установления «нового формата конституционных отношений между составными частями империи» [17, р. 162], а созданный в марте 1917 г. Британский Военный кабинет, состоявший из пяти ключевых политических фигур, представлявших метрополию и доминионы, рассматривался, как прообраз будущего имперского федеративного правительства.

В то же время, по инициативе лорда Милнера из положения о мандатах было исключен пункт, касавшийся «флага Лиги Наций для подмандатных территорий». В конечном счете, было принято решение оставить для них национальные флаги мандатариев. Таким образом, британская сторона признала, что намерена ассоциировать с мандатной системой собственный суверенитет, а не юрисдикцию Лиги Наций. Как отмечал лорд Милнер, «население подмандатных территорий должно иметь разделённый суверенитет» [18, р. 251].

В 1922 г. лорд Лугард, характеризуя мандатную систему, отмечал, что «британский мандат имеет двойное значение. Во-первых, это ответственность перед подчинёнными, во-вторых – перед всем человеческим сообществом. По отношению к колониальным подданным – это ответственность за прогресс в развитии их морали и образования. По отношению к человеческому сообществу – право эксплуатировать их изобильные богатства» [19, р. 282]. Данная точка зрения не совпала с концепцией Л. Эмери, следующим образом, описывавшего в 1919 г. своё видение целей колониальной политики применительно к африканским владениям: «главной целью, конечно, является развитие и благополучие обитателей этого региона. Но я уверен, что мы

не сможем развивать их и помогать им без чрезмерного расходования богатств, которые могут оказать помощь стране в будущие сложные времена» [4, р. 268]. Кроме того, по мнению Л. Эмери, реализация программ развития колоний должна была «обеспечить развитие как их собственного населения, так и Британской империи в целом...» [4, р. 268].

Таким образом, процесс «встраивания» Великобритании в складывавшуюся по итогам Первой мировой войны международную систему отражал стремление большей части британской правящей элиты обеспечить сохранение основ своего колониального могущества. При этом Лига Наций, а также учреждённая в её рамках мандатная система рассматривались представителями британского истеблишмента в основном как практические инструменты реализации своих политических целей, в том числе и в сфере колониальной стратегии.

Источники и литература

1. Clayes, G. *Imperial Skeptics: British Critics of Empire / 1850–1920.* / G. Clayes. – Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2010. – 356 p.
2. Louis, Wm. R. *Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization* / Wm. R. Louis. – L., N.Y.: I.B.Tauris, 2006. – 1065 p.
3. *The Fabian Colonial Essays.* – L.: George Allen & Unwin, 1954. – 263 p.
4. Porter, B. *The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850–2011* / B. Porter. – L., N.Y.: Routledge; 6th edition, 2013. – 424 p.
5. Ходнев, А. С. Проблема создания Лиги Наций: взгляд из Лондона / А. С. Ходнев. // *Ярославский педагогический вестник.* – 2012. – №4. – С. 84–87.
6. Curtis, L. *The Windows of Freedom* / L. Curtis. // *The Round Table.* – December, 1918. – P. 5–33.
7. MacMillan, M. *Peacemakers: The Paris Conference of 1919 and its Attempt to End War.* / MacMillan M. – Oxford: Hodder Hb; New Ed edition, 2001. – 574 p.
8. Egerton, W. *Ideology, Diplomacy and International Organization: Wilsonism and the League of Nations in Anglo-American Relations, 1918–1920* / W. Egerton. // *Anglo-American Relations in 1920s: the Struggle for Supremacy* / Ed. by B.J.C. McKercher. – Edmonton, 1990. – 260 p.
9. Knock, T. J. *To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest of New World Order* / T. J. Knock. – Oxford: Princeton University Press, 1992. – 400 p.
10. Kerr, Ph. *The British Empire, the League of Nations and the United States* / Ph. Kerr. // *The Round Table.* – March 1920. – P. 225–232.

11. Ходнев, А. С. Марк Сайкс: «лучший знаток Малой Азии» / А. С. Ходнев. // Новая и Новейшая история. – 2016. – №4. – С. 157–165.
12. Pedersen, S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire / S. Pedersen. - Oxford: Oxford University Press, 2015. – 592 p.
13. Kendle, J. E. The Round Table Movement and Imperial Movement. / J. E. Kendle. – Toronto: University of Toronto Press, 1975. – 332 p.
14. Louis, Wm. R. Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization / Wm. R. Louis. – L., N.Y.: I.B.Tauris, 2006. – 1065 p.
15. Cambell, L. Empire by Mandate: Mandates, Dependencies and the Permanent Mandates Commission of the League of Nations / L. Cambell. – N.Y.: Bookman Associates, 1954. – 239 p.
16. Curtis, L. The Commonwealth of Nations: An Inquiry into the Nature of Citizenship in the British Empire, and into the Mutual Relations of the Several Communities Thereof / L. Curtis. – L.: MacMillan and Co, 1916–1917. – 786 p.
17. Hearnshaw, F. J. C. Democracy and the British Empire / F. J. C. Hearnshaw. – L.: Constable and Company Ltd., 1920. – 230 p.
18. Wenkler, H.R. The League of Nations. Movement in Great Britain, 1914–1919 / H.R. Wenkler. – New Brunswick, N.J., 1952. – 288 p.
19. Lugard, F. The Dual Mandate in British Tropical Africa / F. Lugard – L.: Routledge, 1922. – 686 p.

УДК 94(100)654

И. Р. Чикалова

Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка

КТО ХОТЕЛ ВОЙНЫ?: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ О ВИНОВНИКАХ РАЗВЯЗЫВАНИЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ДИСКУССИИ 1918–1920-Х ГОДОВ)

В статье рассматривается полемика, развернувшаяся на страницах российских печатных изданий 1918–1920-х гг. по поводу причин и виновников развязывания Первой мировой войны. Участники дискуссии (М. П. Павлович, А. М. Зайончковский, Н. П. Полетика, Е. В. Тарле, М. Н. Покровский) к ответам на ключевой вопрос («кто виноват в развязывании мировой войны?») продемонстрировали разные подходы, подчас диаметрально противоположные.

Тема подготовки и развязывания Великой мировой войны, активно обсуждавшаяся с момента ее начала, и после ее окончания продолжала оставаться в фокусе научного интереса. Участниками дискуссии о причинах, виновниках развязывания войны и соперничестве главных европейских акторов по поводу разделов сфер влияния были ученые и военачальники с дореволюционным научным или военным прошлым. В их числе М. П. Павлович, А. М. Зайончковский, Н. П. Полетика, Е. В. Тарле, М. Н. Покровский – наиболее значимые в научном плане.

М. П. Павлович одним из первых занялся изучением причин развязывания мировой войны, и шире – истории международных отношений, ей предшествовавших. Делать это он начал, опираясь на теорию империализма, когда марксистский подход к этой теме представлял собой нечто дерзновенно-новаторское. С первой работы «Что доказала англо-бурская война» (1901) и на протяжении последующих двадцати пяти лет своей научной деятельности он разрабатывал в сущности одну тему – историю внешней политики империалистических стран и международных отношений в эпоху империализма.

Павлович исходил из идеи экономической экспансии и захватнической политики империалистических держав, развивавшейся в четырех направлениях: малоазиатском, связанном с борьбой за окончательный раздел «уцелевшего наследства Оттоманской империи»; среднеазиатском, тесно связанном «с проблемой Багдадского пути» и затрагивающим, прежде всего, интересы России и Англии; африканском, в котором были «заинтересованы почти все первоклассные западноевропейские государства и некоторые второстепенные, как, например, Бельгия и Португалия»; тихоокеанском, «ставящем вопрос о гегемонии на всем побережье и в водах гигантского океана, омывающего три континента». В связи с этими направлениями экспансии Павлович остановился на теме, тесно связанной с задачами экспансионистской политики, – развитием мировых коммуникаций, за контроль над созданием которых и ведут борьбу мировые державы. Ей он посвятил книгу «Великие железнодорожные и морские пути будущего» [1]. Целиком книга вышла в 1913 г. и тогда же была опубликована на французском языке. Дважды – в 1918 и 1922 гг. – она переиздавалась в России [2; 3].

Еще в эмиграции Павлович подготовил целый ряд трудов, которые опубликовал уже в советской России. На протяжении одного только 1918 года он издал работы об экономической и колониальной политике Франции накануне войны [4; 5], выпустил труды «Азия и ее роль в мировой войне» [6], «Мировая война и борьба за раздел черного континента» [7], «Интернационал смерти и разрушения: военная индустрия в Англии, Франции и Германии до и после войны» [8], «Милитаризм, маринизм

и война 1914–1918 гг.» [9], «Что такое империализм?» [10]. После многочисленных переработок и дополнений Павлович создал свою основную серию книг «Империализм и мировая политика последних десятилетий» [11], включившую следующие части: «Империализм и борьба за мировые пути»; «Что такое империализм» (в позднейших изданиях просто «Империализм»); «Интернационал смерти и разрушения»; «Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг.»; «Французский империализм» [12]. Вся серия проникнута центральной идеей, проводимой им еще до мировой войны. Она заключается в подчеркивании роли тяжелой индустрии в экономике и внешней политике империалистических государств. Ее он подробно развил в работе «Империализм». Решительно все мировые конфликты рассматривались им с точки зрения или непосредственной борьбы за железо и соподчиненный ему уголь, или как результат так называемой «рельсовой» (т. е. той же самой металлургической) политики великих держав, в особенности в колониях или полуколониях.

В ином ключе подходил к анализу международной политики А. М. Зайончковский, на тот момент профессор военной академии имени М. В. Фрунзе. Он был безусловным пионером в разборе и оценке государственно-международных интересов России в связи с войной. Его труд на эту тему «Подготовка России к мировой войне в международном отношении» [13] вышел из печати в 1926 г. почти одновременно с его же книгой о подготовке России к войне в военном отношении [14]. Еще раньше, в 1924 г., он опубликовал общий стратегический очерк мировой войны. Эти исследования, представлявшие самую первую обработку архивных материалов с привлечением иностранных источников, выдвинули его в разряд выдающихся специалистов по теме исследования мировой войны – от ее подготовки до организации и ведения боевых операций.

Зайончковский дает последовательное изложение российской и других европейских государств внешней политики, начиная с 1815 г., но, главным образом, акцентируясь на важнейших событиях 1871–1914 гг., приведших к мировой войне. При этом, рассматривая предшествовавшие войне годы, в главе «Канун мировой войны (1913–1914 гг.)», показывает с опорой на архивные документы, что российская дипломатия исходила из весьма вероятного развития событий в направлении развязывания большой войны. «Сазонов в возможном столкновении России с Турцией оценивал политическую обстановку следующим образом: На поддержку французов можно рассчитывать до крайних пределов; Делькассе уверен, что Франция пойдет так далеко, как того пожелает Россия. В отношении же Англии дело остается невыясненным; она

безусловно примет участие в войне, но только в случае неблагоприятного для России и Франции оборота военных действий. Для Германии же не представляется особо опасным выступление только двух союзных держав, но борьба при участии Англии может явиться для немцев роковой. Необходимо поэтому обеспечить себе активное участие в войне Великобритании, что Сазонов и ставил ближайшей целью» [13, с. 305].

В итоге, заключает Зайончковский, «В предвидении мировой войны Россия еще больше, чем прежде, старалась щадить щепетильность одних держав, вызывая подозрительность других, подчиняла свои интересы на прочих фронтах государственной жизни третьим, и в результате кровопролитнейшей из войн, в течение которой вновь защищала интересы Европы, получила от своих союзников только “вексель на проливы”, данный с видимым неудовольствием Францией, и в начале 1917 года Россия пришла к печальному убеждению, что этот вексель, не поддержанный занятием проливов вооруженной силой, является также “клочком бумаги”. Но сила-то русская была к этому времени уже вся израсходована на защиту великодержавного бытия Англии и, в особенности, Франции.

Русская международная политика ввела Россию в величайшую из войн в составе наиболее сильной политической группы, но поставила ее в ней в обслуживающее чужие интересы положение» [13, с. 338].

Зайончковский не ищет виновников, не пытается определить, кто в большей, а кто в меньшей степени подталкивал мир к вооруженному противостоянию. Как отмечает он сам, отправной точкой его труда является желание выявить тот внешний политический багаж, с которым Россия вступила в величайший мировой кризис. Для этого автор «заставляет», по его же словам, «говорить самих действующих лиц этой эпохи, взяв на себя задачу только соответствующей группировки фактов и кратких личных выводов». Зайончковский заранее предупреждает читателя, что «такая программа работы, выявляющая точки зрения и взгляды деятелей описываемой эпохи, делает естественным отсутствие у автора марксистского подхода» [13, с. 9]. Павлович, написавший предисловие к этой работе, критически прошелся по тексту книги, с первой строки отмечая имеющиеся, с его точки зрения, пробелы и недостатки, но, тем не менее, признал ее громадное значение.

Зайончковский ушел из жизни в год выхода в свет его книги – в 1926 г. – и соответственно не мог участвовать в развернувшейся дискуссии о международных аспектах развязывания войны. Стержнем же полемики стал вопрос о виновности Антанты либо Тройственного союза в развязывании войны, выявлением, кто из них «напал», а кто «защищался». Исходным пунктом дискуссии была позиция самих держав-победительниц, которые после окончания войны виновником ее

развязывания объявили Германию. Статья 231 Версальского мирного договора зафиксировала: «Союзные и объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзными и объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников» [15, с. 84].

Одним из активнейших участников дискуссии был Е. В. Тарле, виднейший русский дореволюционный и советский историк. Его труд «Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814–1919» [16] имел большой успех, был переиздан под названием «Очерк новейшей истории Европы (1814–1919)» [17]. Не меньшую известность получила его монография «Европа в эпоху империализма» [18], в которой преобладающую часть составили главы о внешней политике Франции, Великобритании и Германии, складывании Тройственного союза и Антанты, международных кризисах начала XX в., о самой Первой мировой войне и ее итогах.

В развязывании войны Тарле не снимал вины с Германии и ее кайзера Вильгельма II. Он отмечал: «объявление войны явно усиливало в необычайной степени ответственность Вильгельма и перед своим народом и вне Германии. Роль нападающего окончательно осталась за Германией...» [18, с. 280]. В то же время Тарле поставил вопрос в той плоскости, что спор о «моральной вине» не нужен и научно не интересен, поскольку оба лагеря враждебных держав «были способны спровоцировать вооруженное столкновение; обе стремились к завоеваниям; обе способны были в тот момент, который показался бы выгодным, зажечь пожар, придравшись к любому предлогу, который показался бы наиболее подходящим. В этом смысле, конечно, вожди Антанты несколько не превосходили в “моральном” отношении вождей Австрии и Германии...» [16, с. 257]. Далее Тарле констатировал: «Англии и Франции невыгодно, неудобно, рискованно было начинать войну именно уже летом 1914 года, даже России, где говорилось и писалось много воинственного и легкомысленного в последние месяцы, тоже невыгодно было немедленно выступить уже летом 1914 года» [18, с. 257]. И, напротив, «Германии и Австрии... показалось совсем верным и выгодным делом раздавить Сербию»; если же Россия и Франция вмешаются в дело, то и для войны с ними лучшего времени может не найтись; не следует к этому открыто стремиться, но нечего этого и бояться: Англия, самый могучий из противников, не захочет и не сможет в данный момент воевать» [18, с. 258].

С точки зрения же военно-политической, «вопрос с конца 1913 г. собственно шел уже о том, что для кого выгодно: отложить выступление еще на некоторое время или ударить немедленно». И далее: «вся обстановка сложилась так, что соблазн поскорее "начать" (losschlagen) должен был неминуемо охватить в 1913 г. (в конце его) или в 1914 г. именно Германию и Австрию, а не Антанту». Так и случилось, но могло быть иначе: «Если бы мир продержался, например, до 1916 или 1917 г., то есть все основания думать, что не Германия, а Антанта сочла бы для себя более целесообразным выступить первой» [18, с. 238–239]. Но и при таких рассуждениях критика в лице М. Н. Покровского упрекала Тарле за разоблачение преимущественно агрессивности Четверного союза, в первую очередь, Германии. Возражения Тарле против обвинений в антантофильстве отметились.

С иной позицией на причины и предпосылки войны выступил Н. П. Полетика, недавний выпускник Ленинградского университета, работавший корреспондентом ленинградских газет и журналов, в дальнейшем – известный ученый (с 1953 по 1972 г. – профессор кафедры истории нового и новейшего времени БГУ) [см. о нем: 19]. В 1928 г. Полетика получил приглашение прочитать доклад в Ленинградском филиале Института марксизма-ленинизма о происхождении мировой войны. В более чем двухчасовом выступлении докладчик вступил в спор по поводу происхождения войны двух корифеев исторической науки – Е. В. Тарле и М. Н. Покровского.

То, что убийство Франца Фердинанда в Сараево стало поводом к войне, у исследователей сомнения никогда не вызывало. Вопрос усматривали в другом, – было ли покушение единоличным актом мести националистов или его инспирировали внешние силы, другими словами, причастны ли к нему правительственные организации Сербии и России, да и других держав Антанты. В первые годы Советской власти историки склонны были обвинять царское правительство в прямом участии в организации покушения. В научный оборот этот взгляд ввел М. Н. Покровский в ряде статей, в т. ч. «Как готовилась война», «Как возникла мировая война», «Антанта», «Происхождение и характер войны», объединенных им под обложкой неоднократно переиздававшегося сборника «Империалистская война». Покровский утверждал, что «вспыхнула война по инициативе, несомненно, Антанты», война была «нападательной» с ее стороны вообще, и России в частности. В докладе, сделанном на собрании московской интеллигенции 4 августа 1924 г. по поводу 10-летнего юбилея начала войны, он утверждал, что убийство австро-венгерского эрцгерцога спровоцировала телеграмма русского главного штаба, извещавшая сербскую разведку, что «Франц Фердинанд готовится совершить нападение на Сербию и что

маневры в Боснии, на которые должен приехать Франц Фердинанд есть лишь предлог для сосредоточения австрийской армии, которая должна это нападение на Сербию совершить» [Цит. по: 30, с. 136].

Эти взгляды Покровского поддержал Н. П. Полетика в упомянутом выше докладе, сделанном в стенах Ленинградского филиала Института марксизма-ленинизма, и сразу получивший заказ от журнала «Историк-марксист» на статью о Сараевском покушении [20]. Во ней и в своей монографии Полетика стремился доказать непосредственную ответственность России и других стран Антанты в конфликте, развязавшемся на Балканах в результате сараевского убийства австрийского наследника эрцгерцога Франца-Фердинанда. В книге 1930 г. «Сараевское убийство: исследование по истории австро-сербских отношений 1903–1914 гг.» он писал: «Сербия выполнила “социальный заказ” Антанты создать повод для войны с Тройственным союзом. Сараевское убийство являлось организованным Антантой секретным нападением на Австро-Венгрию, и поэтому тезис Германии “на нас напали” совершенно правилен». Далее следовал завершающий вывод: «вина Германии менее значительна, чем любой из других развязавших войну держав» [21, с. 411–412, 423].

Подобные взгляды Полетика высказывал и в своей главной книге «Возникновение мировой войны», работа над которой была завершена в 1931 г., но публикация задержалась вплоть до 1935 г. [22]¹: после смерти М. Н. Покровского уже громили его «школу»...

Последний же выступал непримиримым оппонентом избранного в 1927 г. академиком АН СССР Е. В. Тарле – историка старой

¹ В ней он утверждал, что сербские националисты подготавливали покушение против Франца-Фердинанда с полным пониманием, что оно ведет прямым путем к общеевропейской войне, и, тем не менее, поставили убийство эрцгерцога в программу деятельности сербских патриотических обществ, как ударную задачу политического момента. Сербское же правительство было осведомлено о работе тайных националистических организаций, но предпринимавшиеся им меры должны были лишь снять подозрение в причастности к планировавшемуся покушению [22, с. 279, 280, 285]. Виновицей Полетика считал и Россию. Объявленная ею всеобщая мобилизация, по его утверждению, «превращала австро-сербский конфликт в европейский, т. е. создавала необходимую предпосылку для “игры союзов”, которая должна была бы вызвать европейскую, точнее, мировую войну» [22, с. 444].

В трактовке Полетики, ничего не сделала для предотвращения войны и Франция. Свой вывод он основывает на предположении о целях визита президента Пуанкаре в Россию, состоявшегося спустя две недели после сараевского убийства. Т.е. французские правящие круги, предпринимая визит, «не могли не знать о том, что австрийцы готовят нападение на Сербию». Зная это, «если французский империализм действительно не хотел войны, следовало сидеть спокойно дома и переждать тревожный период» [22, с. 392]. В свою очередь, «английский империализм не мог пропустить даже такого ничтожного и невесомого, с точки зрения его интересов, повода, как сараевское убийство, для организации мировой войны в 1914 г.» [22, с. 605]. Безусловные виновники войны – Австро-Венгрия и Германия. Относительно первой Полетика замечает: «только уверенностью австрийских империалистов в помощи германских штыков, в случае если дело дойдет до мировой войны, следует объяснить истинную причину решимости Вены довести австро-сербский конфликт до военной развязки, несмотря ни на что» [22, 380]. Что касается Германии, то «германское правительство искало в 1914 г. “великого решения”, к которому оно готовилось десятки лет, и считало необходимым развязать именно в этот год “большую войну”..., используя для этой цели такой предлог как сараевское убийство» [22, с. 497, 499].

дореволюционной школы, сохранявшего либеральные взгляды. Ведь в отличие от Тарле, Покровский – «глава марксистской исторической школы в СССР» (именно так его представили при избрании в Академию наук в 1929 г.), большевик, во время Октябрьской революции 1917 г. комиссар Московского военно-революционного комитета по иностранным делам и редактор газеты «Известия Московского Совета рабочих депутатов». Этот революционный облик и определил его историко-политические воззрения и классовое неприятие коллеги по историческому цеху.

Проблема международных отношений и внешней политики России привлекла Покровского еще до Октябрьской революции. Первая статья по этой теме («Русский империализм в прошлом и настоящем») была им опубликована в 1914 г. Затем последовали другие, они были многочисленны и разнообразны по жанрам. Наиболее значимые статьи были собраны воедино и переизданы в сборниках [23–26]. Переиздания, по признанию самого Покровского, объяснялись «устарелостью» некоторых статей: они освещали международные отношения не столько в плане «реальных экономических интересов различных социальных групп», сколько в плане их идеологии [24, с. 390]. Последний из изданных сборников (1934), наиболее полный, включил статьи из предыдущих сборников и несколько новых, ранее не публиковавшихся [27]. Кроме того, в него включены четыре лекции, прочитанные в Свердловском университете и на курсах партийных работников и опубликованные впервые в 1926 г. под заглавием «Внешняя политика России в XX веке».

Стремление обличить царский режим, возложить первоочередную ответственность за войну на Антанту, особенно на царскую Россию, сквозит уже в его ранних работах [28]. Обвинения в адрес России в развязывании войны он повторял во многих работах. Например, во вступительной статье к книге К. Каутского «Как возникла мировая война» он утверждал: «война непосредственно была спланирована русской военной партией» [29, с. 29]. Германию, по его мнению, спровоцировали на войну. Стремясь в очередной раз доказать, что «царская Россия есть главная виновница войны», Покровский в то же время признавал, что в основе международных противоречий, вызвавших мировую войну, лежал англо-германский конфликт, за которым следовал германо-французский, «наконец, самым слабым из всех конфликтов был конфликт, по существу, не русско-германский, а русско-турецкий из-за проливов», однако за спиной Турции при этом стояла Германия [30, с. 403, 407].

Концепцию первоочередной виновности царского правительства в развязывании войны Покровский обосновывал трактовкой сущности российского капитализма, который не был монополистическим [30, с. 379, 381, 400]. Он оперировал понятием «торговый капитализм», в системе которого царское самодержавие являлось его «политической организацией». Разразившийся политический кризис в стране Покровский объяснял столкновением интересов торгового и промышленного капиталов – торговая буржуазия, по его мнению, склонялась к миру с Германией, промышленная же требовала войны до победы, даже путем смены режима [31, с. 185]. Сам же царизм проводил внешнюю политику, которая «отвечала интересам той общественной группировки, которую представляло самодержавие внутри страны, – интересам блока крупного землевладения с купеческим капиталом. Появляющиеся в последнее время в нашей литературе попытки доказать, что в последние десятилетия своего существования самодержавие представляло собою политически не эту группировку, но интересы нового общественного слоя, промышленной буржуазии, не кажутся автору ни в малой степени убедительными» [30, с. 375].

Позже Покровский пересмотрел свои взгляды на проблему империализма, признав, что Россия накануне 1914 г. все же была «страной монополистического капитала, страной империалистической», хотя и сопровождал это признание оговоркой: российский крупный капитал «был опутан всякого рода докапиталистическими пережитками», «самые наиновейшие формы капитализма перепутывались с формами весьма примитивными» [32, с. 20]. Последнее, несомненно, было отзвуком его теоретических построений о торговом капитализме.

Отсюда и сведение внешней политики дореволюционной России к борьбе за торговые пути. Под этим углом зрения он и рассматривал мировую войну, которая, по его мнению, велась за торговые пути, в частности за черноморские проливы. Эта тема настолько овладела Покровским, что он посвятил исследованию дипломатических демаршей России относительно соглашения с Англией и Францией о проливах Босфор и Дарданеллы специальный раздел «Царская Россия и война» в указанном выше сборнике об империалистической войне.

Рассматривая историю вопроса, Покровский приводит записку министра иностранных дел Сазонова, который еще в ноябре 1913 г. доказывал Николаю II необходимость захвата проливов. Он писал: «тот, кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах»

[33, с. 8]. Желание получить проливы Россия надеялась удовлетворить при поддержке стран Антанты, дипломатическая переписка между ними – Покровский приводит тексты нот – завершилась благоприятным для России результатом: российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов 7 марта 1915 г. секретной телеграммой поручил послу в Лондоне выразить благодарность английскому правительству. Покровский приводит ее текст: «Благоволите высказать Грею глубокую признательность императорского правительства за полное и окончательное согласие Великобритании на разрешение вопроса о проливах и Константинополе согласно желаниям России» [33, с. 85]. К Англии присоединилась и Франция, по окончательному соглашению Великобритания и Франция согласились передать Константинополь с черноморскими проливами России в обмен на земли в азиатской части Османской империи. По поводу этого соглашения Покровский иронизирует: «Фактически, это была только бумага. До Царьграда англичанам было так же далеко, как и русским». Конечно, говоря его же словами, в марте 1915 года «ни Николаю, ни Сазонову не могло придти в голову», что империя рухнет, а Брестский мир выведет Россию из войны.

Но это случилось в 1917–1918 гг., когда расчеты царской России были похоронены, а накануне войны, в другой ситуации, заинтересованная в приобретении проливов, Россия и стала, по Покровскому, главной виновницей войны, она знала о подготовке убийства австрийского эрцгерцога в Сараево, но не предотвратила его. Покровский недооценивал степень виновности других участников конфликта, агрессивные устремления Германии в Европе и колониях, равно как и экспансию Австро-Венгрии на Балканах, не принимал в расчет британо-германский антагонизм, даже полагал, что Германия боится начать войну. Подход Покровского был явно тенденциозным, он не учитывал многосторонности европейской в целом и российской, в частности, внешней политики. Россия и сама, кроме притязаний на проливы, Константинополь и другие турецкие территории, добивалась присоединения польских территорий, входивших в состав Австро-Венгрии (Галиции) и Германии (земель по нижнему течению Немана, Познани и Силезии).

С этих позиций Покровский вступил в полемику с Е. В. Тарле, осудив взгляды ученого на происхождение мировой войны. В статье «"Новые" течения в русской исторической литературе» в журнале «Историк-марксист» [34] он значительное место уделил критике взглядов Тарле, изложенных, в частности, в его работе «Европа в

эпоху империализма». Тарле ответил своей статьей в том же журнале с возражениями по всем пунктам обвинения: «я убежден, что М. Н. Покровский приписывает мне взгляды, тенденции и концепции, с которыми я ровно ничего общего не имею» [35, с. 101]. Объяснения Тарле во внимание не приняли, наоборот, редакция «Историка-марксиста», вмешавшись в полемику, недвусмысленно в редакционной статье осудила ученого: «Не будучи марксистом, Е. В. Тарле не в силах, конечно, понять вообще нашего отношения к трактуемому им сюжету. Он обиделся на тон заметки “Историка-марксиста”. Извините, это – тон, каким мы всегда разговариваем с нашими классовыми противниками. Случайно или намеренно, вольно или невольно вы попали в их число, это вопрос столь же праздный, как и вопрос о моральной ответственности за войну Вильгельма или Грея. Мы не можем относиться к столь живому для нас факту, как империализм, с “академическим” бесстрашием. “Ах, вы защищаете точку зрения антантовского империализма? Мы не согласны с этим мнением!”» [36, с. 109]. Надо ли удивляться после этого истокам гонений на известного ученого.

Инициатором чисток в Академии наук СССР и «Академического дела» 1929–1930 гг. был сам Покровский. После его смерти в 1932 г. был организован уже разгром т. н. «школы Покровского». А спор историков о виновности то ли Тройственного союза, то ли Антанты был разрешен волевой партийной установкой. «Краткий курс истории ВКП(б)», составленный при личном участии И.В. Сталина и не допускавший никаких произвольных толкований, относительно мировой войны утверждал: «эта война подготовлялась Германией и Австрией, с одной стороны, Францией, Англией и зависимой от них Россией – с другой» [38]. Вся последующая советская историческая литература о Первой мировой войне исходила из этого положения.

Источники и литература

1. Павлович, М. П. (Мих. Вельтман). Великие железнодорожные и морские пути будущего / М. П. Павлович. – СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1913. – 234 с.

2. Павлович, М. (Вельтман). Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего: (к вопросу о причинах Мировой войны). 2-е изд., доп. / М. П. Павлович. – М.; Пг.: Коммунист, 1918. – 36 с.

3. Павлович, М. (Вельтман). Основы империалистической политики и Мировая война. Кн. 1. Ч. 1. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. [3-е изд.] / М. П. Павлович. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 163, [1] с.: карт.

4. Павлович, М. П. Франция накануне мировой войны: (Отрывки из дневника политического эмигранта) / М. П. Павлович. – М.: Коммунист, 1918. – [9], 154 с.

5. Павлович, М. П. Французский империализм и экономическое развитие Франции в XX столетии / М. П. Павлович. – Пг.: Жизнь и знание, 1918. – 79 с.

6. Павлович, М. П. Азия и ее роль в мировой войне / М. П. Павлович. Пб.: Изд. газеты «Новая жизнь», 1918. – VIII, 72 с.

7. Павлович, М. П. Мировая война и борьба за раздел черного континента: (Монополистический капитализм) / М. П. Павлович. – М.: Изд-во ВЦИК Сов. р., с., к. и к. д., 1918. – 112 с.

8. Павлович, М. П. Интернационал смерти и разрушения: военная индустрия в Англии, Франции и Германии до и после войны / М. П. Павлович. – М.: Коммунист, 1918. – 138 с.

9. Павлович, М. П. Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг.: (Военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны) / М. П. Павлович. – М.: Жизнь и знание, 1918. – 128 с.

10. Павлович, М. П. (Мих. Вельтман). Что такое империализм? (железный вопрос в мировом конфликте): империализм, милитаризм и великая война 1914–1918 г. / М. П. Павлович (Мих. Вельтман). – Пг.: Жизнь и знание, 1918. – 173 с.

11. Павлович Мих. Собр. соч.: Империализм и мировая политика последних десятилетий. – Л.: Гос изд-во, 1925–1927.

12. Павлович, М. П. Французский империализм / М. П. Павлович. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 260 с., с карт.; 3 л. карт.

13. Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении / предисловие и под ред. М. П. Павловича. – [Л.]: Воен. тип. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. – 398 с.

14. Зайончковский, А. М. Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов: По архивным документам / А. М. Зайончковский; Вступ. ст. М. Н. Тухачевского; Штаб РККА, Упр. по исслед. и использованию опыта войн. – М.: Гос. воен. изд-во, 1926. – 446 с.

15. Версальский мирный договор / полный пер. с фр. подлинника; под ред. проф. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина со вступ. статьей проф. Ю. В. Ключникова и предметным указателем. – М.: Изд. Литиздата НКВД, 1925. – XXXI, 199 с.

16. Тарле, Е. В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814–1919 / Е. В. Тарле. – Пг.: Сеятель, 1924. – 200 с.

17. Тарле Е. В. Очерк новейшей истории Европы. 1814–1919 / Е. В. Тарле. – Изд. 2-е [3-е]. – Л.: Прибой, 1929. – 208 с.

18. Тарле, Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. / Е. В. Тарле. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – 483 с.
19. Давидсон, А. Б. Николай Павлович Полетика (1896–1988) / А. Б. Давидсон // Российские и славянские исследования: научн. сб. – Минск: БГУ, 2009. – Вып. 4. – С. 287–297.
20. Полетика, Н. П. Сараевское убийство как дипломатический повод к войне / Н. П. Полетика // Историк-марксист. – 1929. – Т. 11. – С. 49–82.
21. Полетика, Н. П. Сараевское убийство: Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. / Н. П. Полетика; предисл. К. П. Шелавина. – Л.: Красная газета, 1930. – 443 с.
22. Полетика, Н. П. Возникновение мировой войны / Н. П. Полетика. – М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 728 с.
23. Покровский, М. Н. Внешняя политика: сб. ст. (1914–1917) / М. Н. Покровский. – М.: Денница, 1918. – 192 с.
24. Покровский, М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. статей / М. Н. Покровский. – М., 1923. – 392 с.
25. Покровский, М. Н. Империалистская война. Сб. статей. 1915–1927 / М. Н. Покровский. – М., 1928. – 296 с.
26. Покровский, М. Н. Империалистская война: сб. ст. 1915–1930. Изд. 2-е, доп. / М. Н. Покровский. – М., 1931. – 336 с.
27. Покровский, М. Н. Империалистская война: сб. ст. / М. Н. Покровский. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. – 448 с.
28. Покровский, М. Н. Виновники войны / М. Н. Покровский // Покровский М. Н. Внешняя политика. Сб. ст. (1914–1917). – М.: Денница, 1918. – С. 162–191.
29. Покровский, М. Н. Как же возникла мировая война? / М. Н. Покровский // Каутский К. Как возникла мировая война: по документам германского министерства иностранных дел / пер. с нем. А. Пригожина; под ред. С. Шерера; с предисл. и вступ. ст. М. Покровского. – М.: Красная новь, 1924. – С. 7–38.
30. Покровский, М. Н. Внешняя политика России XX в. / М. Н. Покровский // Покровский М. Н. Империалистская война: сб. ст. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. – С. 373–446.
31. Покровский, М. Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. / М. Н. Покровский. – М.: Красная новь, 1924. – 232 с.
32. Покровский М. Н. По поводу некоторой путаницы // Историк-марксист. – 1932. – Т. 1–2 (23–24). – С. 13–25.
33. Покровский, М. Н. Царская Россия и война / М. Н. Покровский. – М.: Гос. изд-во, 1924. – 87 с.

34. Покровский, М. Н. «Новые» течения в русской исторической литературе / М. Н. Покровский // Историк-марксист. – 1928. – Т. 7. – С. 3–11.

35. Тарле, Е. В. К вопросу о начале войны. Ответ М. Н. Покровскому / Е. В. Тарле // Историк-марксист. – 1928. – № 9. – С. 101–107.

36. Ответ редакции «Историка-марксиста» // Историк-марксист. – 1928. – Т. 9. – С. 108–109.

37. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. – М.: Госполитиздат, 1938. – 352 с.

УДК 94:327(4-11):94:321.01(476)«1918-1921»

Н. Н. Мезга

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА НА ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ И СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1918–1921 ГОДЫ)

В статье показано, что в Центрально-Восточной Европе значительное влияние на образование новой системы международных отношений имела политика не только ведущих государств Запада, но и стран региона, прежде всего Советской России и Польши. В результате ряд элементов международного порядка в регионе оформился вопреки планам стран ядра Версальской системы. Государствообразующие процессы на Беларуси развивались под сильным воздействием внешнего фактора. Он в решающей степени обусловили как образование и сохранение БССР, так и раздел белорусских территорий между несколькими государствами.

В числе народов, для которых по итогам Первой мировой войны и в результате Русской революции 1917 г. открывалась перспектива создания своего государства, были и белорусы. На государствообразующие процессы на белорусских землях существенное влияние оказывало формирование в Европе Версальской системы международных

отношений. Специфика региона Центрально-Восточной Европы заключалась в том, что здесь международная ситуация определялась не только Версальским и сопутствующими ему договорами, но и Рижским договором. Формирование нового международного порядка на восточной периферии Версальской системы по времени совпало с процессом становления белорусской национальной государственности. Нижний хронологический рубеж данного исследования связан с началом формирования Версальской системы и государствообразующих процессов на территории Беларуси. Верхняя хронологическая граница исследования определена временем подписания Рижского договора, который зафиксировал на международном уровне существование БССР как формы белорусской национальной государственности.

Поражение Германии Первой мировой войне открывало путь к пересмотру международного порядка, который существовал в Центрально-Восточной Европе после заключения Брестского мира. Советская Россия аннулировала этот договор, и Красная Армия стала продвигаться на Запад. Большевики стремились установить свою власть на территории, которая была бы максимально близка к границам бывшей Российской империи. В Декларации прав народов России, обнародованной 15 ноября 1917 г., говорилось, что политика царизма по национальному вопросу «должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России». Это было необходимо, чтобы объединить рабочих и крестьян народов России в «одну революционную силу, способную устоять против всяческих покушений со стороны империалистически-аннексионистской буржуазии» [1, с. 40]. В статье в «Известиях» от 9 февраля 1919 г. нарком по делам национальностей И. Сталин объяснял право народов на самоопределение в понимании большевиков как «добровольный союз трудящихся всех независимых советских республик» через установление федеративной связи с Советской Россией [2, с. 228]. В резолюции по национальному вопросу III Всероссийского съезда советов говорилось, что национальная политика советского правительства будет способствовать превращению бывшей Российской империи «в братский союз свободно соединившихся Советских Республик России» [3, с. 94]. Следовательно, советское российское правительство, провозглашая право наций на самоопределение, не собиралось допустить распада бывшей Российской империи на национальные государства.

Учитывая популярность лозунга самоопределения народов в то время, правительство Советской России активно его использовало в своей политике. Как реализация народами права на самоопределение

большевиками позиционировалось создание на национальных окраинах бывшей Российской империи советских национальных республик. 29 ноября 1918 г. В. Ленин и И. Сталин направили телеграмму главнокомандующему Красной Армией И. Вацетису, в которой предписывали всячески поддерживать советские правительства Латвии, Эстонии, Украины и Литвы [4, с. 180]. В данном документе не упоминается Беларусь. В тот момент большевики не рассматривали вариант создания Советской Беларуси. Политика советского правительства по вопросу белорусской советской государственности изменилась в самом конце декабря 1918 г. Эти изменения в белорусской историографии справедливо связываются с назреванием польско-советского конфликта [5].

18 января 1919 г. начала свою работу Парижская мирная конференция, которая должна была создать новую послевоенную систему международных отношений. Ведущие государства Антанты к началу работы конференции рассматривали Беларусь как неотъемлемую часть России [6, с. 130]. Поэтому как самостоятельный белорусский вопрос на конференции не обсуждался. В наибольшей степени интересы Беларуси затрагивались при рассмотрении в Версале вопроса о польской восточной границе. Восстановление независимого Польского государства существенно изменило геополитическую ситуацию в Центрально-Восточной Европе. Политическая элита Польши при определении её границ исходила из «исторических прав» на все земли Речи Посполитой до разделов. Правда, в новых условиях правящие круги Польши готовы были отказаться от этих «прав» на часть территорий с учетом произошедших на них за время после разделов процессов формирования новых наций. Выработанная поляками к моменту обретения Польшей независимости линия границы получила название «линия Дмовского» и считалась компромиссной, так как часть земель бывшей Речи Посполитой оставалась в составе России [7, с. 76]. Именно эту границу намеревалась отстаивать на Парижской конференции польская делегация. Проведение польской границы по «линии Дмовского» не оставляло возможности для создания Белорусского государства.

Уже в начале работы мирной конференции обозначились принципиальные расхождения между той системой международных отношений, которую планировала создать в Центрально-Восточной Европе Антанта, и системой международных отношений в этом регионе, к которой стремилась Польша. Это касалось и польской восточной границы. Для решения вопроса о границе Польши на конференции была создана комиссия Камбона. Польская делегация в Версале обращалась к данной комиссии, чтобы добиться благоприятного для Польши решения вопроса о ее восточной границе. 25 февраля, руководивший

польской делегацией Р. Дмовский направил ноту к комиссии Камбона, в которой заявил, что исходным пунктом своих требований Польша принимает границу 1772 г. «и считает своим святейшим правом вернуть то, что силой забрали государства, которые сейчас лежат в руинах». При этом в ноте заявлялось, что Польша не собирается полностью использовать это право, так как осознает, что в течение «прошедших 150 лет с момента разделов Польши на наших восточных границах произошли изменения, с которыми мы должны считаться». Соответственно, она «отказывалась» от всей Киевской, почти всей Подольской, большей части Волынской, от всей Могилевской, большей части Витебской, двух уездов Виленской губернии [4, с. 228]. 3 марта польская делегация обратилась к мирной конференции нотой, в которой подчеркивалось, что Польша, «хотя и с сожалением», отказывается от восточной части Беларуси, так как «присоединение этих провинций к Польше нарушило бы ее целостность» [4, с. 252]. Таким образом, Польша стремилась в рамках новой системы международных отношений включить в свой состав большую часть белорусских территорий.

В ходе работы конференции в Париже был затронут вопрос об образовании новых государств на окраинах бывшей Российской империи. Р. Дмовский в выступлении перед Советом десяти 29 января указал на слабость белорусского национального движения, и, признав возможность создания Литовского и Украинского государств, ничего не сказал о такой перспективе для белорусов [4, с. 215]. Но уже 22 мая в ходе заседания польского сейма была принята резолюция, в которой заявлялось о признании принципа самоопределения в отношении народов бывшего Великого княжества Литовского. Выступая в ходе обсуждения этого вопроса, премьер-министр И. Подеревский заявил, что Польша не отказывает Литве и Украине в праве на независимость и Польша «абсолютно не противоречит этим благородным стремлениям белорусского народа к самостоятельному индивидуальному развитию», готова оказать им искреннюю и действенную помощь. Но при этом глава польского правительства подчеркнул, что окончательную границу Польши определит мирная конференция. [4, с. 301, 303]. Однако в любом случае речь не шла о Белорусском государстве в его этнических границах, так как западную часть Беларуси предполагалось включить в состав Польши.

Заявления польских политиков о праве народов бывших «восточных кресов» на самоопределение были предназначены для сторонников данного принципа в государствах Антанты. Усиление декларирования федералистской концепции как основы польской восточной политики в тот момент было связано с завершающим этапом работы над

Версальским договором, в связи с чем Польша стремилась продемонстрировать Антанте свою преданность принципу самоопределения народов. 8 апреля 1919 г. Ю. Пилсудский заявил своему близкому соратнику Л. Василевскому, что не хочет быть ни империалистом, ни федералистом и пока не имеет возможности говорить об этих делах [8, с. 59]. Можно предположить, что «пока» означало время работы Парижской конференции. Неспроста упомянутую выше резолюцию сейма с положением о признании права народов бывших «восточных кресов» на самоопределение И. Падеревский 4 июня 1919 г. представил руководителям государств Антанты на Парижской конференции [9, с. 15–16]. Следует согласиться с мнением современного польского историка А. Чубиньского, который считает, что идея федерализма имела более пропагандистское значение. Ю. Пилсудский не желал, чтобы на Западе его политику рассматривали как империалистическую. Он учитывал негативное отношение Антанты к расширению Польши за ее этнические границы и сделал вывод, что большую пользу Польше принесёт политика свершившихся фактов. И весной 1919 г. создавал эти факты с помощью польской армии и маскировал их идеей федерации [8, с. 61, 119, 135]. В инструкции МИД Польши от 7 июля 1919 г. говорилось, что вопрос присоединения земель ВКЛ к Польше следует решать с согласия местного населения, «а это согласие представляется несомненным. При этом необходимо постараться, чтобы это согласие было доказано Антанте» [4, с. 330].

Однако добиться изменения позиции ведущих государств Запада по вопросу о границах в пользу Польши на Парижской конференции полякам не удалось. Польская политическая элита связывала обеспечение безопасности своей страны с включением в ее состав земель на востоке, на которых было значительное польское население, и ослаблением России через создание федерации Польши с Украиной, Беларусью, а при благоприятных условиях, и с Литвой [10, с. 39–40]. Антанта же рассматривала украинские и белорусские земли как часть России. Это и нашло отражение в принятом в Париже 8 декабря 1919 г. решении об установлении временной восточной границы Польши.

Тем самым четко обозначились расхождения между Польшей и странами Антанты относительно международно-политического устройства в Центрально-Восточной Европе, в том числе и на территории Беларуси. Ю. Пилсудский, зная отрицательное отношение Антанты к идее создания «Великой Польши» с включением в нее белорусских, украинских и литовских земель, пытался решить вопрос о польской восточной границе с помощью наступления на фронте. Он пытался поставить западные государства перед фактом, что земли, на

которые претендовала Польша, уже заняты польскими войсками, и с этим необходимо считаться. Надо признать, что западные государства практически ничего не сделали, чтобы противодействовать такой политике Пилсудского, хотя она и противоречила их позиции, обозначенной на Парижской конференции. Ответ на вопрос почему так произошло следует из содержания бесед находившегося в Варшаве деятеля БНР Ф. Верниковского с дипломатами стран Антанты. В ответ на высказанное белорусским представителем недовольство польской оккупацией Беларуси, ему было заявлено, что белорусы должны быть благодарны полякам за освобождение от большевиков [11, л. 13]. Антанта рассчитывала использовать Польшу как антибольшевистскую силу, поэтому закрывала глаза на оккупацию польскими войсками территорий, расположенных восточнее линии, установленной комиссией Камбона. Тем не менее, юридически Антанта оставалась на позиции проведения польской восточной границы в соответствии с этническим принципом и это нашло отражение в решениях Парижской конференции. Данные решения Антанты предусматривали сохранение территориальной целостности Беларуси. Однако они не повышали шансы на создание независимого Белорусского государства, так как белорусские земли должны были полностью войти в состав России.

Летом 1920 г. в условиях наступления Красной Армии на Варшаву вновь вышли на поверхность расхождения между Польшей и странами Антанты относительно того, какой международный порядок должен быть создан в Центрально-Восточной Европе. Страны Антанты на конференции в Спа продиктовали польскому правительству свои условия относительно польской восточной границы. Премьер-министр В. Грабский, осознавая всю тяжесть военного положения Польши, 10 июля подписал договор, предусматривавший признание в качестве восточной границы Польши «линии, установленной мирной конференцией 8 декабря 1919 г.» [12, с. 75]. Казалось, позиция Антанты, зафиксированная в соглашении в Спа, дает шанс вновь провозглашенной БССР включить в свой состав все этнические белорусские земли на западе. В целом, формирование Версальской системы создало ряд благоприятных факторов для формирования белорусской государственности. Одним из принципов, на котором формировалась данная система, было право наций на самоопределение. Страны Антанты не поддержали претензии Польши на восточную границу, которая должна была бы включить в ее состав этнически не польские земли. Однако формирование международного порядка в Центрально-Восточной Европе не всегда происходило в соответствии с решениями стран Антанты, да и сами они не особо отстаивали ими же провозглашенные принципы применительно к указанному

региону. Что касается таких активных участников формирования международного порядка на восточной периферии Версальской системы как Польша и Советская Россия, то они стремились осуществить свои внешнеполитические планы, часто шедшие в разрез с решениями, принятыми создателями Версальской системы.

Вскоре после конференции в Спа началась подготовка Советской России и Польши к мирным переговорам, результатом которых будет подписание Рижского договора. Он станет вторым после Версальского мира международно-правовым компонентом формирования международного порядка в Центрально-Восточной Европе. А его влияние на государствообразующие процессы на территории Беларуси будет превосходить влияние решений, принятых в Париже. Именно в ходе подготовки к переговорам с Польшей правительство Советской России пошло на второе провозглашение БССР 31 июля 1920 г. Это важное в истории белорусской государственности событие следует рассматривать в контексте польско-советской войны. В связи с успешным наступлением Красной Армии летом 1920 г. советское руководство вернулось к политике подталкивания мировой революции. В этих условиях меняется значение Беларуси в планах большевиков. Она превращается в важнейший плацдарм для распространения на запад социалистической революции. Для того, чтобы этот плацдарм стал более надежным, руководство Советской России посчитало целесообразным пойти на новое провозглашение БССР. Это было связано с желанием получить более широкую поддержку со стороны населения Беларуси по отношению к наступающей Красной Армии, так как среди него уже были распространены настроения в пользу создания собственного государства. 4 мая политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад члена реввоенсовета Западного фронта И. Уншлихта, который высоко оценил развертывание партизанского движения на территории Беларуси против польской оккупации, но в то же время отметил рост стремления к независимости среди «мелкобуржуазных элементов оккупированной части Литвы и Белоруссии» [9, с. 22]. На июльском 1920 г. пленуме ЦК РКП(б) было принято решение о создании белорусского ревкома и четко указано для чего он создается: «Подчинив на ближайший период времени вопросы организации правительственной власти в пределах Белоруссии военным нуждам на фронте» [13, с. 303]. Восстановление Советской Беларуси, как надеялись большевики, должно было превратить Красную Армию в глазах польского и других народов в освободителя угнетенных наций, и она могла бы рассчитывать на их поддержку, неся на своих штыках социалистическую революцию.

В Декларации о провозглашении БССР относительно границ заявлялось, что республика «определяет свою западную границу по этнографической границе между Белоруссией и примыкающими к ней буржуазными государствами». Что касается границ с Советской Россией и Советской Украиной, то ее следовало определить «свободным выражением воли белорусского народа на уездных и губернских съездах советов в полном согласии с Правительствами РСФСР и ССРУ» [14, с. 74]. Таким образом, БССР на этническую линию границы могла претендовать только на западе. Восточные этнические белорусские земли оставались в составе РСФСР. Однако решение вопроса и о западной границе БССР как этнической не представлялось столь однозначным. Руководство Советской России готово было делать территориальные уступки Польше за счет белорусских земель исходя из интересов своей внешней политики. В. Ленин в условиях успешного наступления Красной Армии планировал осуществить советизацию Польши, что и нашло отражение в решениях июльского 1920 г. пленума ЦК РКП(б). Решение вопроса о границе должно было подтолкнуть, как рассчитывали в Москве, рабочих и крестьян Польши к социалистической революции. В. Ленин писал 15 июля И. Уншлихту: «Мы заявляем очень торжественно, что обеспечиваем польским рабочим и крестьянам границу восточнее той, которую дает Керзон и Антанта» [15, с. 355]. Эти ленинские положения нашли отражение в решениях пленума, где отмечалось, что «РСФСР пойдет в отношении условий мира навстречу всем интересам и потребностям Польши, чем быстрее и наиболее решительно трудящиеся массы Польши установят у себя такой строй, который освободит их от роли инструмента французских, английских и других капиталистов и создадут основы для действительно братских отношений между Раб.-Крестьян. Польшей, Россией и Украиной» [16, с. 142]. Следовательно, еще до начала советско-польских мирных переговоров для БССР перспективы получить западную границу, которая соответствовала бы этнической границе, выглядели весьма сомнительными.

Вопрос о западной границе БССР в тот момент оказался тесно связан со стремлением большевиков ликвидировать только начавшую устанавливаться Версальскую систему. Борьба с Польшей рассматривалась руководством Советской России как часть более широкой борьбы против Антанты, против международного порядка, который создавался в соответствии с Версальским договором. Наступление Красной Армии на Варшаву В. Ленин оценивал, как удар по всей Версальской системе в целом. При этом подчеркивалось, что Польша является важнейшим оплотом этой системы [17, с. 282]. Глава советского

российского правительства делал вывод, что если бы Польша стала советской, то Версальский мир был бы разрушен, и Антанта больше не имела бы тарана против Советской России [18, с. 324–325].

Подход Москвы и Варшавы к формированию международного порядка в Центрально-Восточной Европе, при котором они действовали вопреки решениям, принятым на Парижской конференции, отчетливо проявился в ходе подготовки Рижского договора и в его положениях. Уже начало мирных переговоров между советскими Россией и Украиной, и Польшей показало, что обе стороны не намерены считаться с территориальной целостностью Беларуси. 27 августа 1920 г. на заседании Совета обороны государства (СОГ) было принято решение, что Польша будет добиваться границы по линии Двинск – Вильнюс – Барановичи – Лунинец – р. Горынь – р. Збруч, поскольку на ней находятся готовые инженерные сооружения. Данная линия границы была подтверждена на заседаниях СОГ 11 и 25 сентября. Причем, на последнем заседании была сделана оговорка, что это линия минимальных польских территориальных требований [19, с. 116, 120, 121]. В качестве альтернативы предлагался вывод всех иностранных войск с территории Беларуси и провозглашение ее независимости с западной границей по «линии Керзона». Это предложение было отклонено советской стороной [20, с. 10].

С другой стороны, Советская Россия уже на минском этапе переговоров проявила готовность пойти на территориальные уступки Польше. Прибывший в Минск К. Радек заявил, что с границей проблем не будет при условии признания Польшей Советской Украины [21, с. 51]. С начала сентября Москва взяла курс на так называемый соглашательский мир с Польшей, в основе которого были территориальные уступки за счет Беларуси. Этот курс был окончательно закреплен в заявлении ВЦИК РСФСР от 23 сентября 1920 г. [22, с. 400–401]. Несколько позже в выступлении на сессии ВЦИК по вопросу ратификации прелиминарного договора с Польшей Г. Чичерин дал следующую характеристику советской позиции на переговорах: «Мы предложили Польше территориальные приращения за отказ Польши от политики буферизма» [12, с. 213–214]. В результате в подписанном 12 октября советско-польском прелиминарном мирном договоре была зафиксирована граница, предусматривавшая передачу Польше Западной Беларуси. Тем самым были нарушены подписанные польским правительством соглашения в Спа, которые предполагали прохождение восточной границы Польши по «линии Керзона». С другой стороны, участниками соглашения было проигнорировано положение Декларации 31 июля 1920 г. о провозглашении БССР, в котором речь шла о западной границе Советской Беларуси, совпадающей с этнической границей.

Ход мирных переговоров с Польшей решающим образом влиял и на позицию Советской России по вопросу восточной границы БССР. Москва считала в условиях того времени нецелесообразным присоединение к Советской Беларуси Витебской и Гомельской губерний. Г. Чичерин в ноябре 1920 г. писал в этой связи: «Мы еще не знаем, через какие перипетии может пройти судьба Беларуси и увеличивать заранее ту территорию, которая через эти перипетии будет проходить, было бы крайне неосторожно» [12, с. 221]. В тот момент большевики не были уверены в прочности своих позиций в Беларуси, в том, что БССР сохранится. В письме В. Ленину от 25 августа 1920 г. Г. Чичерин доказывал невозможность для Советской России выступить с предложением о выводе всех иностранных войск из Беларуси и Украины, т. к. для большевиков на этих территориях есть риск потерять власть в случае ухода Красной Армии [23, с. 4–5]. 11 ноября на заседании ЦБ КП(б)Б А. Червяков заявил: «Население не терпит поляков, но и особой любви не испытывает к коммунистам» [24, с. 139, 140]. 17 ноября в Москве состоялось совещание с участием руководителей БССР А. Червякова, В. Кнорина, на котором рассматривался вопрос «О территории Советской Белоруссии». В принятом решении констатировалось: «Признать в настоящий момент несвоевременность решения этого вопроса» [25, с. 140].

На мирных переговорах компромисс между Советской Россией и Польшей во многом достигался за счет белорусских территорий. Это предопределило негативное отношение участников переговоров к допущению на них белорусских представителей. Для Москвы наиболее подходящим вариантом решения вопроса о представительстве БССР на Рижской конференции стало постановление ВРК БССР от 10 сентября 1920 г. Согласно ему, Советская Беларусь выдавала РСФСР самый широкий мандат на ведение мирных переговоров «с Польшей по вопросу, главным образом, об определении границ Белоруссии» [12, с. 195]. Позиции большевиков по вопросу участия БССР в рижских переговорах была объяснена Г. Чичериным. 30 декабря он писал в политбюро, что участие БССР в переговорах нежелательно, так как оно могло нарушить достигнутые на них комбинации. Связывалась такая возможность с ростом национального самосознания белорусов, их неудовольствием в связи с намечавшимся разделом Беларуси [26, с. 240]. В результате договор, имевший чрезвычайно важное значение для белорусского народа, был подписан без участия его представителей. Положения Рижского договора существенно ухудшали международные условия для формирования белорусской государственности, т. к. Беларусь была разделена и части ее этнической территории оказались в составе различных государств.

В то же время необходимо отметить, что Рижский договор имел определенные положительные моменты для формирования белорусской государственности. В ст. 2 договора говорилось, что подписавшие его стороны «согласно принципу самоопределения народов, признают независимость Украины и Белоруссии». Далее в этой статье речь шла о восточной границе Польши с Россией, Беларусью и Украиной. Тем самым международное признание получила государственная граница БССР на западном направлении. Беларусь упоминалась и в ст. 3 Рижского договора, согласно которому Польша отказывалась в пользу Украины и Беларуси от всяких прав и притязаний на земли, располагавшиеся к востоку от установленной границы [22, с. 619, 623]. Эти положения Рижского договора означали, что БССР формально приобретала статус субъекта международных отношений. Договор открывал возможность для установления дипломатических отношений между Польшей и БССР в соответствии со ст. 24. [22, с. 642]. Польша становилась первым государством (за исключением советских республик), юридически признавшим БССР.

Заключение Рижского договора объективно способствовало укреплению Версальской системы европейских отношений, хотя ряд его положений противоречили программе мирного урегулирования в Центрально-Восточной Европе, которую предлагала Антанта. Это в первую очередь касается вопроса о границах. Они были определены в Риге вопреки тем решениям, которые были приняты на Парижской мирной конференции. Тем не менее, Рижский договор как бы достраивал Версальскую систему в центрально-европейском регионе. Через Рижский договор Советская Россия, не подписывавшая Версальский договор, фактически превращалась в одного из акторов восточной периферии Версальской системы. Созданный Версальским и Рижским договорами международный порядок определил те внешнеполитические условия, в которых шел процесс дальнейшего становления белорусской государственности в ее советской форме.

Для Беларуси определяющим моментом нового международного порядка стало то, что было зафиксировано разделение белорусских территорий. Западная Беларусь была включена в состав Польши, а восточная часть Беларуси по-прежнему находилась под контролем Советской России. При этом белорусские земли остались полем жесткого противостояния РСФСР / СССР и Польши и после Рижского договора. В основе этого противостояния было, в том числе, различное отношение двух государств к Версальской системе. В. Ленин говорил еще во время подготовки Рижского договора: «Основная политика наша остается такая же. Мы используем любую возможность, чтобы перейти от обороны к наступлению. Мы уже надорвали Версальский договор

и дорвем его, как только представится удобный момент» [27, с. 31]. Это должно было привести к разрушению послевоенного международного порядка в Центрально-Восточной Европе, следствием чего стало бы воссоединение Западной Беларуси с БССР.

Источники и литература

1. Декреты Советской власти : в 18 т. – М. : Изд-во полит, лит-ры, 1957. – Т. 1. – 625 с.

2. Сталин, И. В. Сочинения : в 18 т. / И. В. Сталин. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1947. – Т. 4. – 488 с.

3. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. – Т. 1. – 772 с.

4. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991). Зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. – Мінск : «Юніпак», 2008. – Т. 1, ч. 1. – 540 с.

5. Лазько, Р. Р. Беларуская буферная рэспубліка ў палітыцы савецкай Расіі ў пачатку 1919 года / Р. Р. Лазько // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2006. – № 2. – С. 3–10.

6. Дубровка, Е. Н. Место «Белой Руси» в английских проектах территориального устройства Восточной Европы (1918–1921 гг.) / Е. Н. Дубровка // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы международной научной конференции «Россия и Беларусь на историческом перепутье, 1917–1922 гг.» (Смоленск, 19–21 октября 2017 г.) / под ред. Е. В. Кодина. – Вып. 2 – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2017. – С. 127–133.

7. Dmowski, R. *Polityka Polska i odbudowanie Państwa* / R. Dmowski. – Warszawa : Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1926. – 534 s.

8. Czubiński, A. *Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921* / A. Czubiński. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marczałek, 2002. – 444 s.

9. Снапкоўскі, У. Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2017. – 287 с.

10. Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага дагавора 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. Зборнік навуковых прац III міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі. Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. / навук. рэд. Е. Расоўска, А. Вялікі. – Мн. : Ковчег, 2011. – 343 с.

11. Национальный Архив Республики Беларусь. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 49.

12. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.). Зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. – Мінск : ЮНПАК, 2008. – Т. 1, ч. 2. – 394 с.

13. Краснов, В. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления / В. Краснов, В. Дайнес. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 510 с.

14. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. – Т. 3. – 723 с.

15. В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 607 с.

16. Польско-советская война 1919–1920. (Ранее не опубликованные документы) : в 2 ч. – М. : Институт славяноведения и балканистики, 1994. – Ч. 1. – 224 с.

17. Ленин, В. И. Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции 22 сентября 1920 года / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 281–285.

18. Ленин, В. И. Речь на XI выпуске красных командиров первых московских пулемётных курсов 12 мая 1920 года / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 54. – С. 426–427.

19. Гамулка, К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фармаванняў (1918–1922) / К. Гамулка. – Вільня : ЕГУ, 2008. – 256 с.

20. Лазько, Р. Р. Польска-савецкія мірныя перагаворы 1920 г. і лёс Беларусі / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 12. – С. 5–11.

21. Wojdyło, W. Traktat w Rydze w koncepcjach obozu narodowego ze szczególnym uwzględnieniem roli Stanisława Grabskiego / W. Wojdyło // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach. – Toruń : Wydawnictwo naukowe UNK, 1998. – S. 47–61.

22. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. – М. : Издательство «Наука», 1965. – Т. 3 – 609 с.

23. Польско-советская война 1919–1920. (Ранее не опубликованные документы) : в 2 ч. – М.: Институт славяноведения и балканистики, 1994. – Ч. 2. – 236 с.

24. Государственные границы Беларуси. Сборник документов и материалов : в 2 т. / сост.: В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – Т. 1. – 495 с.

25. Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск : Выд-ва БДУ, 2003. – 307 с.

26. Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. – Мн. : БелНДІДАС, 1997. – Т. 1. – 398 с.

27. Лазько, Р. Р. Перад патопам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939) // Р. Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 404 с.

УДК 930. 1(476)''1921/39''

А. А. Савіч
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. С. Пушкіна

ДЫПЛАМАТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ П. ВОЙКАВА І БЕЛАРУСКІ РУХ У МІЖВАЕННАЙ ПОЛЬШЧЫ: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ І НОВЫЯ КРЫНІЦЫ

Артыкул прысвечаны адлюстраванню ў беларускай гістарыяграфіі дыпламатычнай дзейнасці і забойства савецкага пасла ў Польшчы П. Войкава ў кантэксце беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў складзе міжваеннай Польшчы. Адзначана, што савецкая гістарыяграфія ідэалізавала дыпламатычную дзейнасць Войкава, а яго забойства падавала як праўгу варожасці капіталістычнага свету і акт тэрору ў адносінах да савецкай дзяржавы з боку рускіх белагвардзейска-эмігранцкіх колаў. Погляды сучасных беларускіх аўтараў з негатывнай канатацыяй падаюць Войкава як неразборлівага ў сувязях, авантурнага і няўдалага дыпламата. У артыкуле выяўленымі аўтарам архіўнымі дакументамі пацвярджаецца версія аб дачыненні савецкіх спецслужбаў да ліквідацыі П. Войкава, выяўлена наяўнасць канфліктных адносін унутры супольнасці прадстаўнікоў савецкіх палітыка-дыпламатычных і разведвальных структур у Польшчы як перадумовы фізічнай ліквідацыі П. Войкава.

Дыпламатычная дзейнасць і забойства 7 чэрвеня 1927 г. савецкага пасла ў Варшаве П. Войкава ў кантэксце беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў складзе міжваеннай Польшчы не атрымала прадметнага навуковага асэнсавання. Савецкая гістарыяграфія асвятляла забойства Войкава як праўгу варожасці капіталістычнага свету і акт тэрору ў адносінах да савецкай дзяржавы з боку рускіх белагвардзейска-эмігранцкіх колаў. Пры гэтым асоба Войкава ідэалізавалася і падавалася як нявінная ахвяра “рускага манархіста” [1].

Беларускія савецкія навукоўцы не надавалі прадметнай увагі на датычнасці Войкава да беларускага руху ў міжваеннай Польшчы і на

яго забойстве. Нівеліраванне фактару беларускага нацыянальнага руху ў разгляданых падзеях, асабліва гістарыяграфіяй 1920–1930-х гадоў, тлумачыцца, у першую чаргу, неабходнасцю канспірацыі ва ўмовах функцыянавання савецкай дыпламатычнай прысутнасці як актыўнага суб’екта працэсаў рэвалюцыянізацыі Польшчы з апорай на беларускі нацыянальны рух, асабліва яго рэвалюцыйнае крыло – Кампартыю Заходняй Беларусі (КПЗБ). Любое згаданне ў савецкіх выданнях і нават намёкі на сувязь савецкага пасла з беларускімі радыкальнымі дзеячамі было немагчыма ў сувязі з наяўнасцю Рыжскага пагаднення 1921 г., якое артыкулам V забараняла любое ўмяшанне дагаворных бакоў ва ўнутраныя справы суседняй краіны [2, с. 821–822].

Беларуская савецкая гістарыяграфія тэмы падкрэслівала агрэсіўна-тэрарыстычную стылістыку паводзін прадстаўнікоў антысавецкіх белагвардзейскіх эмігранцкіх колаў і ігнаравала фактар беларускага нацыянальнага руху ў падзеях, звязаных з забойствам П. Войкава. Характэрнай у гэтым сэнсе з’яўляецца пазіцыя С. Кабяка, які сцвярджаў, што “по замыслу империалистов, убийство Войкова должно было втянуть СССР в военный конфликт с Польшей” і стала адным “из проявлений систематической и планомерной борьбы против Советского Союза со стороны темных сил мировой реакции и противников мира”. Пры гэтым, забойца Войкава – Б. Каверда, нягледзячы на яго ўцягнутасць у беларускія нацыянальна-культурныя арганізацыі, не згадваўся аўтарам [3, с. 110].

У адрозненне ад савецкай, сучасная беларуская гістарыяграфія больш уважліва звяртаецца да дзейнасці Войкава ў Варшаве і яго смерці, у асноўным з негатыўнай канатацыяй характарызуе яго як неразборлівага ў сувязях і сродках дыпламата, арганізатара нерацыянальных разведвальных і нават дыверсійных дзеянняў на тэрыторыі Польшчы. Адным з галоўных аспектаў сучаснага беларускага погляду на абставіны забойства Войкава ў кантэксце беларускага нацыянальнага руху ў Польшчы з’яўляецца асоба Б. Каверды і нязгоду з яго характарыстыкай як “рускага эмігранта”, “белагвардзейца” і “манархіста” [4; 5; 6]. Сапраўды, несправядліва назваць эмігрантам чалавека, які нарадзіўся на Віленшчыне і пастаянна пражываў там усё жыццё да моманту замаху на Войкава, за выключэннем перыяду бегства яго сям’і ў Расію ў гады Першай сусветнай вайны. Што тычыцца статусу “белагвардзейца”, то відавочна, што юны Б. Каверда не мог быць удзельнікам названага ваеннага антыбальшавіцкага супраціву ў гады Грамадзянскай вайны, хоць у гэты час ён разам са сваёй сям’ёй і знаходзіўся ў Расіі. На думку навукоўцаў, не пацвярджаецца яго прыхільнасць да ідэалогіі манархізму і да якіх-небудзь манархічных арганізацый, сам ён адзначыў падчас суда “Я не манархіст”

[4, с. 74]. Што тычыцца яго нацыянальнай прыналежнасці і датычнасці да беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі ў сярэдзіне 1920-х гадоў, то тут маем супрацьлеглыя выказванні. У прыватнасці, Н. Стужынская на падставе факту знаходжання на працягу нейкага часу Б. Каверды ў ліку вучняў Віленскай беларускай гімназіі, аднаго з цэнтраў беларускага нацыянальна-культурнага жыцця Заходняй Беларусі ў 1920–1930-я гады, загадвання яго маці беларускім сіроцкім прытулкам і дачыненне яго бацькі да беларускай палітычнай партыі “Зялены дуб”, зрабіла выснову аб тым, што “беларуская справа была сямейнай справай Кавердаў” [6, с. 134].

У супрацьвагу названай пазіцыі В. Грыцкевіч скептычна ацаніў «беларускасць» Б. Каверды, спасылаючыся на словы арганізатара забойства Войкава, аднаго з правадыроў беларусіх паланафілаў А. Паўлюкевіча аб тым, што нацыянальная самасвядомасць забойцы Войкава не акрэслілася. Больш за тое, аўтар адназначна сцвярджае, што забойства Войкава да беларускага руху і беларускіх спраў не мае ніякага дачынення і сувязь “адчайнага ўчынку” Каверды не звязаная з “беларускім супрацівам”. Сваю пазіцыю В. Грыцкевіч падмацаваў звесткамі аб рашуча негатыўным стаўленні Б. Каверды да “Беларускай сялянска-работніцкай Грамады” (БСРГ) – радыкальнай масавай беларускай арганізацыі, створанай у 1925 г. пры падтрымцы Кампартыі Заходняй Беларусі (КПЗБ) [4, с. 82; 5, с. 128].

Вяртаючыся да прычын скупага адлюстравання Войкава ў беларускай гістарыяграфіі ў 1920-я гады, адзначым нежаданне яго ўсхвалення з-за адмоўнага ўспрымання П. Войкава арганізатарамі беларускага рэвалюцыйнага руху ў сувязі з актыўным удзелам у наладжванні польска-савецкага прымірэння. І наадварот, польскі друк, канстатуючы вялікую зацікаўленасць Расіі ў эканамічным абмене з Польшчай, згадвала пры гэтым у пазітыўным ключы П. Войкава: “Полномочный представитель высказал мнение, что эта заинтересованность... даст значительный результат. Экономическое сближение двух стран должно идти все более быстрыми темпами. Экономическая взаимосвязь обеих стран находит свое выражение также в ряде совместных хозяйственных проектов, среди которых грандиозный проект соединения Вислы с Днепром. К реализации этого плана г. Войков уже приложил много усилий” [7, с. 43].

Паляпшэнне адносін паміж суседнімі краінамі перакрэслівала надзеі беларускіх камуністаў на ўз’яднанне Заходняй Беларусі з БССР у выніку антыпольскага паўстання з падтрымкай СССР. Адпаведныя мерапрыемствы ў 1923–1938 гг., у перыяд існавання КПЗБ, ажыццяўляліся пры арганізацыйна-тэхнічным кіраўніцтве першапачаткова Бюро дапамогі КПЗБ пры ЦК Кампартыі большавікоў

Беларусі (КП(б)Б), а з 1925 г. Прадстаўніцтвам ЦК КПЗБ пры КП(б)Б (далей Прадстаўніцтва КПЗБ). Гэтая інстанцыя была фактычна савецкай спецслужбай, адным з падраздзяленняў НКУС, накіроўвалася і кантралявалася organамі, якія разам з разведкай генштаба і камінтэрнаўскай агентурнай сеткай забяспечвалі насычэнне заходне-беларускага камуністычнага падполля падрыхтаванымі кадрамі. У гістарыяграфічным плане важна адзначыць, што пад кантролем Прадстаўніцтва КПЗБ функцыянавалі ўсе асноўныя навукова-даследчыцкія і выдавецкія цэнтры па Заходняй Беларусі, якімі ў 1920–1930-я гады былі Камісія па вывучэнні Заходняй Беларусі пры Інстытуце беларускай культуры (з 1929 г. Беларуская Акадэмія Навук), заходні сектар Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б, а таксама Цэнтральная рэдакцыя КПЗБ на тэрыторыі Польшчы, а тым больш замежная рэдакцыя КПЗБ, якая знаходзілася ў Мінску. Усе яны, як і само Прадстаўніцтва КПЗБ, па прызнанні М. Арэхвы, аднаго з кіраўнікоў КПЗБ, існавалі “з ведама і пры поўнай падтрымцы Камінтэрна, ЦК КП(б)Б і органаў тагачаснага НКУС” [8, арк. 72]. Прычым супрацоўнікі названых устаноў былі асноўнымі пастаўшчыкамі інфармацыі і аўтарамі публікацый аб Заходняй Беларусі ў навуковыя і перыядычныя выданні БССР, вызначаючы, такім чынам, афіцыйны погляд беларускай савецкай улады на Заходнюю Беларусь і Польшчу [9, с. 14–27].

Ставячыся з павагай да навуковай пазіцыі В. Грыцкевіча, мы павінны выказаць рашучую нязгоду з яго меркаваннем аб адсутнасці сувязі паміж забойствам Войкава і беларускім рухам у Польшчы. Беларускі фактар у забойстве Войкава пацвярджаецца шматлікімі крыніцамі [10, с. 29–30; 11, с. 78–79; 12, арк. 69].

Разважаючы пра матывы забойства П. Войкава як найбольш яскравую і вядомую падзею яго дыпламатычнай кар’еры, мы не будзем агучваць у якасці такіх зацікаўленасць “цёмных антысавецкіх сіл” і варажай Польшчы, якія ў савецкі час фігуравалі ў якасці заказчыкаў дадзенага злачынства, і абмяжуемся згаданым вышэй меркаваннем С. Кабяка. Найбольшую ўвагу прыцягвае версія, выказаная неўзабаве пасля смерці Войкава, аб зацікаўленасці і датычнасці да яго ліквідацыі прадстаўнікоў савецкіх спецслужбаў. Гэтая версія фігуравала і на судовым працэсе па абвінавачванні Каверды, аднак падчас яго не атрымала свайго пацверджання. Менавіта на гэтую версію як асноўную робіць упор беларускі аўтар змястоўнай інтэрнэт-публікацыі С. Крапівін, які зыходзіць з пераканання аб крайняй ступені дыскрэдытацыі П. Войкавым свайго партыйнага і дыпламатычнага статусу [13].

Падтрымліваючы гэту версію, адзначым, што П. Войкаў, з’яўляючыся прадстаўніком лініі на мірнае ўрэгуляванне польска-савецкіх адносін, сваёй пазіцыяй выклікаў недавер і раздражненне з боку

штаба рэвалюцыйнай барацьбы ў Заходняй Беларусі – Прадстаўніцтва КПЗБ і падкантрольных яму беларускіх дзеячаў у Польшчы. Адзначым, што ў бытнасць П. Войкава паслом у Варшаве, верагодна ў выніку яго прыхільнасці польска-савецкаму прымірэнню і, магчыма, з яго актыўным удзелам адбыліся дзве адмоўныя для беларускага рэвалюцыйнага руху падзеі. Па-першае, у 1925 г., у выніку ціску правадыроў кампартыі Польшчы, падтрыманых кіраўніцтвам Камінтэрна, адбылося згортванне партызанскага руху ў Заходняй Беларусі, накіраванага на вызваленне Заходняй Беларусі ад польскай акупацыі ўз’яднанне яе з БССР. Па-другое, рэвалюцыйны ўздым у Заходняй Беларусі вясной 1927 г. у сувязі з поспехам беларусаў у ходзе выбараў у гмінныя рады і свавольствам польскіх улад, якія адмовіліся прызначаць гмінных войтаў-беларусаў, не быў выкарыстаны кіраўніцтвам КПЗБ для “распальвання крэсаў”, у тым ліку і з-за адсутнасці арганізацыйна-фінансавай падтрымкі з СССР. У 1927 г. кіраўніцтва Польшчы асцерагалася вяртання да стану першай паловы 1920-х гадоў, калі “ўсходні крэсы” былі ахоплены партызанскай барацьбой супраць польскай акупацыі і палітыкі асіміляцыі і паланізацыі, у тым ліку і ў выглядзе “актыўнай вайскавай выведкі”, арганізаванай савецкімі спецслужбамі [14]. Задоўга да забойства Войкава ў польскіх турмах у чаканні суда ўжо сядзелі героі беларускага рэвалюцыйнага руху, правадыры знакамітай легальнай статысячнай беларускай партыі парламенцкай тыпу “Беларускай сялянска-работніцкай Грамады”, разагнанай польскім урадам у пачатку 1927 г. у парушэнне законаў Польшчы.

Аналіз гістарыяграфіі і новых архіўных матэрыялаў даюць падставы сцвярдзальна ставіцца да версіі фізічнай ліквідацыі П. Войкава ў выніку спецаперацыі з удзелам прадстаўнікоў савецкіх спецслужбаў, ангажаваных у беларускі рэвалюцыйна-вызваленчы рух у Польшчы ў сярэдзіне 1920-х гадоў. Гэта пацвярджае і выяўленая аўтарам перапіска савецкіх дыпламатычных прадстаўнікоў у Варшаве, дарадцаў П. Войкава, – А. Ульянава і А. Загорнава, якая захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь у фондзе Прадстаўніцтва КПЗБ. Дакументы пацвярджаюць версію аб зацікаўленасці савецкіх спецслужбаў у ліквідацыі «хозяина» – П. Войкава, як характэрна яго называлі аўтары лістоў, – з прычыны яго нядобразычлівых адносін да перспектывы рэалізацыі палітычнай лініі партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва БССР і прадстаўніцтва КПЗБ у Мінску на ўзброенае паўстанне ў Заходняй Беларусі [15]. Прычынай фізічнай ліквідацыі П. Войкава прадстаўнікамі беларускага рэвалюцыйнага супраціву польскай уладзе верагодна і стала яго імкненне да польска-савецкага прымірэння і неспагада да

палітычнай лініі на радыкальнае вырашэнне пытання аб Заходняй Беларусі ў выніку ўзброенага антыпольскага паўстання пры падтрымцы СССР, якое рыхтавалі беларускія камуністы.

Такім чынам, відавочнай з’яўляецца ўцягнутасць у беларускія справы савецкага пасла П. Войкава, актыўнага ўдзельніка наладжвання польска-савецкага прымірэння і нівелявання вастрыні беларускага ваенна-палітычнага, паўстанцкага фактару. Спецыфікай дзейнасці П. Войкава на пасадзе кіраўніка савецкага прадстаўніцтва ў Варшаве з’яўляецца яго імкненне не толькі кантраляваць, але стрымліваць агентурныя дзеянні дыпламатычных супрацоўнікаў, уцягнутых у арганізацыю беларускага рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі. Архіўныя дакументы выяўляюць наяўнасць канфліктных адносін унутры супольнасці прадстаўнікоў савецкіх палітыка-дыпламатычных і разведвальных структур у Польшчы, якія маглі стаць прычынай фізічнай ліквідацыі П. Войкава. Яго забойства, з аднаго боку, ліквідавала яго як нязручнага кіраўніка, які стварае перашкоды для агентурна-разведвальнай дзейнасці, а з другога боку садзейнічала актывізацыі барацьбы з унутранай і знешняй контррэвалюцыяй і адначасова забяспечыла ўзмацненне пазіцый СССР ва ўзаемаадносінах з Польшчай. Выгада ад забойства савецкаму боку праглядаецца і ў магчымасці рашуча вінаваціць Польшчу ў развязванні тэрору і пераследу савецкіх дыпламатычных службоўцаў. “Варшавский выстрел и ответственность Польши”: такой назвай сваёй перадавіцы газета “Праўда” ад 11 чэрвеня 1927 г. недвухсэнсоўна намякала Варшаве на магчымыя для Польшчы праблемы ва ўмовах ўмацавання адносін на платформе Рапальскай дамовы паміж галоўнымі патэнцыйнымі ворагамі Польшчы – Германіі і СССР.

Крыніцы і літаратура

1. Жуковский, Н. Полномочный представитель СССР / Н. Жуковский. – М. : Политиздат, 1968. – 214 с.
2. Traktat pokoju między Polską a Rosją i Ukrainą, podpisany w Rydze dnia 18 marca 1921 roku // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 49. – S. 814–867.
3. Кобяк, С. В. Под знаменем пролетарской солидарности : Компартия Западной Белоруссии в борьбе за сплочение трудящихся (1923–1929 гг.) / С. В. Кобяк. – Минск : Беларусь, 1979. – 142 с.
4. Грыцкевіч, В. Барыс Каверда – забойца паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы Пятра Войкава (да 80-годдзя замаху) / В. Грыцкевіч // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2007. – № 27. – S. 69–83.

5. Грыцкевіч, В. Справа аб замаху Барыса Каверды на Пятра Войкава. Яшчэ адзін міт пра пра этнічнага беларуса / В. Грыцкевіч // АРСНЕ Пачатак. – 2006. – № 11. – С. 116–128.

6. Стужынская, Н. І. Беларусь мяцежная: з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву ў 20-я гг. XX стагоддзя. Выданне другое, пашыранае / Н. І. Стужынская. – Вільня : Наша будучыня, 2011. – 384 с.

7. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. V. Май 1926 г.-декабрь 1932 г. / Ин-т славяноведения АН СССР, Ин-т истории польско-советских отношений Польской АН; Отв.ред. И.А. Хренов, Т. Цесляк. – М.: Наука, 1967. – 616 с.

8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 1116. Орехво Н.С. Заявление по вопросу об истреблении руководящих кадров Компартии Западной Белоруссии в 1937 году и некоторых последствиях этого. Л. 70–77.

9. Савіч, А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў : манаграфія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2019. – 300 с.

10. Илькевич, Н. Н. Александр Ульянов и версия НКВД об анти-советском подполье в БССР (фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937–1938 гг.) / Н.Н. Илькевич, Р.П. Платонов. – Минск : БелНИИДАД, 1997. – 100 с.

11. Валахановіч, А. І. Сповідзь у надзеі застацца жывым: аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча / А. І. Валахановіч, У. М. Міхнюк; рэд. А. С. Ліс. – Мінск: БелНДІДАС, 1999. – 200 с.

12. НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 116. Информационные письма советника Полпредства СССР в Польше (представителя ЦК Компартии Белоруссии) и др. лиц в Представительство Компартии Западной Белоруссии о положении в Западной Белоруссии, о работе партии и по организационным вопросам. Январь 1927 – октябрь 1927. 152 л.

13. Крапивин, С. Товарищ «У» и двойное убийство 7 июня 1927 года [Электронный ресурс] // Экспресс новости. Страницы истории. 25.05.2007 <https://voiks.livejournal.com/151225.html>. – Дата доступа: 19.03.2023.

14. Линдер, И. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна. 1919–1943 / И. Линдер, С. Чуркин – М. : РИПОЛ классик, 2005. – 686 с.

15. НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 86. Письма (советников НКВД) Ульянова и Загорного из Варшавы в Представительство компартии Западной Белоруссии о работе Компартии Западной Белоруссии, о распространении литературы, по финансовым и другим вопросам. 03.01.1926 – 01.01.1927. 264 л.

16. Савич, А. А. Белорусский след в убийстве Войкова в историографии и новых источниках // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2024. – Т. 69. Вып. 1. – С. 152–164.

УДК 930:94:316.647.8(=162.1):070:329.17(476-15)«1926-1928»

А. М. Кротаў

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Ф. Скарыны

ВОБРАЗ ПОЛЬШЧЫ НА СТАРОНКАХ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАГА САТЫРЫЧНАГА ЧАСОПІСА “МАЛАНКА” (1926–1928 ГАДЫ)

У артыкуле разглядаецца вобраз Польшчы, сфарміраваны на старонках заходнебеларускага сатырычнага часопіса «Маланка». Аўтар прыходзіць да высновы, што гэты вобраз меў негатыўны характар, што стала вынікам палітыкі, накіраванай на поўную інкарпарацыю Заходняй Беларусі ў склад польскай дзяржавы і асіміляцыю беларусаў, якая праводзілася польскім урадам. Укараненне гэтага вобраза ў свядомасць беларусаў, якія з’яўляліся грамадзянамі Польшчы, садзейнічала іх этнацыянальнай кансалідацыі і працавала на карысць захаванню пачуцця іх еднасці з беларусамі БССР, ствараючы тым самым неабходныя эмацыянальна-псіхалагічныя і ў пэўнай ступені ідэалагічныя перадумовы для ўз’яднання Беларусі і беларускага народа ў верасні 1939 г.

У другой палове 20-х гадоў мінулага стагоддзя, калі ў жыццё людзей толькі пачалі масава ўваходзіць радыё і кіно, а пра тэлебачанне і інтэрнэт ніхто нават і не марыў, перыядычны друк выконваў выключна важную ролю ў фарміраванні грамадскай думкі. У адноўленай у 1918 г. польскай дзяржаве, якая прэтэндавала на статус «дэмакратычнай» і павінна была гэтыя свае прэтэнзіі пацвярджаць на практыцы, у тым ліку і ў стаўленні да свабоды друку, адны перыядычныя выданні, з’яўляючыся «рупарам» дзяржавы, даводзілі да свайго чытача афіцыйную інфармацыю, займаліся яго ідэалагічным выхаваннем, прывівалі і тлумачылі ідэі, якія адпавядалі праводзімай унутранай і знешняй палітыцы. Другія ж, прыналежачы да розных палітычных партый, групавак, у тым ліку і апазіцыйных, падавалі сваім чытачам іншыя інтэрпрэтацыі падзей, са сваімі тлумачэннямі, якія адпавядалі палітычным перакананням грамадскіх колаў, так ці інакш не згод-

ных з палітыкай, якая праводзілася ў польскай дзяржаве, распаўсюджвалі ідэі пэўнай палітычнай накіраванасці, прывівалі свайму чытачу стэрэатыпы, якія адпавядалі гэтым ідэям, пацвярджалі іх, падмацоўвалі, імкнучыся дасягнуць нейкага ідэалагічнага і палітычнага эфекту. І ў першым, і ў другім выпадку размова ідзе аб імкненні прадставіць рэчаіснасць у патрэбным ракурсе, у залежнасці ад мэтаў і задач, якія вырашалі мадэратары так званага «сацыяльнага заражэння» (сацыяльнае заражэнне – распаўсюджванне поглядаў, меркаванняў, ідэй, эмоцый, мадэляў паводзін і г. д. у грамадстве – А. К.).

Традыцыйна, калі ідзе размова аб якіх-небудзь падзеях і з’явах гістарычнай значнасці, вынікам развіцця якіх з’яўляецца перафармаванне жыцця ў краіне ці нават ў цэлым рэгіёне, пра працэс арганізацыі грамадскай думкі ніхто размову, тым больш размову спецыяльную, не вядзе. Маўляў, гэта «тэхнічны» бок справы, не варты асобнай ўвагі. У выніку ў абывацеля, які з’яўляўся і з’яўляецца сталым аб’ектам уздзеяння з дапамогай тэхналогіі сацыяльнага маніпулявання, ствараецца скажонае ўяўленне аб ходзе гістарычнага працэсу і аб фактарах, якія на яго ўплываюць.

Прыкладам таму з’яўляецца сітуацыя, звязаная з падзелам Беларусі ў 1921 г. і аднаўленнем яе тэрытарыяльнай цэласнасці і ўз’яднаннем беларускага народа у верасні 1939 г. ў выніку вызваленчага паходу Чырвонай Арміі. Яна парознаму ацэньвалася і ацэньваецца у айчынай і польскай гісторыяграфіі.

Польскія гісторыкі (і не толькі гісторыкі) лічаць гэта актам агрэсіі з боку СССР і прэтэнзіі Польшчы на Заходнюю Беларусь, якія нікуды не дзеліся, яны намагаюцца абгрунтаваць нейкімі «гістарычнымі правамі», крывёю і потам, пралітымі тут ў мінулым палякамі многіх пакаленняў. Гэтыя прэтэнзіі моцна звязаны з нацыянальнай традыцыяй палякаў, з вобразам іх мыслення, з існасцю іх нацыянальнага характару і менталітэту, з польскімі нацыянальнымі міфамі, якія нарадзіліся яшчэ ў час, калі этнагенез беларусаў знаходзіўся ў пачатковай сваёй фазе.

Амбіцыі палякаў, якія заўсёды былі немалымі, а пасля аднаўлення незалежнасці Польшчы і адраджэння польскай дзяржавы сталі ўвогуле максімалісцкімі, перашкодзілі ім заўважыць і ацаніць неабходным чынам змены, якія адбыліся ў Беларусі. Экзатычны «крэсавы» этнас, няздольны, як лічылі палякі, да самастойнага існавання, які з іх пункту гледжання меў патрэбу ў апецы з боку цывілізаванай еўрапейскай нацыі – г. зн. польскай, ператварыўся ў малады народ, які не толькі заявіў аб сваіх правах на існаванне, але і на ўласную дзяржаўнасць.

У 1921 г. Польшча не праявіла ніякага спачування да нацыянальных амбіцый беларусаў. Яна спакусілася на лёгкую здабычу і

адарвала ад Беларусі яе заходнія землі. Грамадзянамі Польшчы сталі, па дадзеным перапісу 1921 г., 1034,6 тыс. беларусаў, якія пражывалі ў чатырох ваяводствах: Віленскаму, Палескім, Беластоцкім і Навагрудскім [1, с. 123]. «Значная частка насельніцтва Заходняй Беларусі, – як піша Н. В. Самасюк, – ўвогуле не магла вызначыць сваю этнічную прыналежнасць – напрыклад, у Палескім ваяводстве ў ходзе перапісу 1931 г. 707 тыс. чалавек (62,4% усіх жыхароў ваяводства), назвалі сваю родную мову “тутэйшая”» [2, с. 28]. Няздольнасць палешукоў да этнічнага самавызначэння давала польскім уладам магчымасць для падтасоўкі дадзеных перапісу, якой яны не маглі на скарыстацца – «тутэйшыя» абвешчаліся дыялектнай групай польскай нацыянальнасці. Я. Купала ў сваёй п’есе «Тутэйшыя», напісанай у 1922 г., на прыкладзе дзейнасці «Заходняга вучонага» прадбачліва паказаў, якім спосабам гэта адбывалася.

Жыццё «пад белым арлом» пераканала беларусаў далучаных да Польшчы тэрыторый, што ў новай, «дэмакратычнай» Польшчы яны з’яўляліся грамадзянамі «другога гатунку». Хаця Версальскі (арт. 93 Прылажэння) [3, с. 45–46] і Рыжскі (арт. 7) [4] мірныя дагаворы, а таксама канстытуцыя Польшчы (арт. 109–110) [5] і прызнавалі за беларусамі права на самастойнае палітычнае, культурнае і эканамічнае развіццё, польскія правячыя колы ўзялі курс на іх паланізацыю з дапамогай адміністрацыйных мер. Гэтая палітыка наткнулася на адпор апошніх, які прымаў розныя формы.

Адной з іх стала дзейнасць гумарыстычнага часопіса «Маланка», накіраваная, з аднаго боку, на выкрыццё рэпрэсіўнай палітыкі польскай дзяржавы, нацэленай на паланізацыю беларускай меншасці, перад сумленнай часткаю польскага грамадства, а таксама на прыцягненне ўвагі да гэтай праблемы Лігі Нацый. З другога ж боку часопіс уносіў значную лепту у справу захавання ў заходніх беларусах этнічнай самасвядомасці, культуры, традыцый і інш., а таксама пачуцця адзінства з беларусамі, якія з’яўляліся грамадзянамі БССР.

Часопіс выдаваўся ў Вільні з 15 студзеня 1926 г. па 26 снежня 1928 г. раз у два тыдні. Усяго выйшла 43 нумары. Асобныя з іх былі канфіскаваныя польскімі ўладамі. Замест іх выйшлі аднадзёнкі «Пякучая маланка» і «Новая маланка» (абедзве ў 1928 г.). Выданне часопіса было спынена па прычыне рэпрэсій польскіх уладаў, што красамоўна сведчыць аб той шкодзе, якую наносіла яго дзейнасць ажыццяўленню палітыкі, якая проводзілася імі ў стаўленні да беларускага насельніцтва «крэсаў».

У «Маланцы» публікаваліся творы беларускіх пісьменнікаў і паэтаў. Як вядомых – Ф. Багушэвіча, Я. Купалы, Я. Коласа, так і пачы-

наючых – М. Засіма, М. Касцевіча (М. Васілька), Г. Леўчыка, І. Дварчаніна, К. Крапівы і іншых. Паэт і мастак Іван Маразовіч (Янка Маланка) публікаваў у часопісе пад рознымі псеўданімамі і крыптанімамі не толькі свае вершы, жарты, фельетоны і палітычныя частушкі, але і шматлікія малюнкi. Ён жа быў і аўтарам многіх тытульных лістоў.

Асобнай увагі заслугоўваюць апублікаваныя ў часопісе ў значнай колькасці карыкатуры і гумарыстычныя малюнкi аднаго з заснавальнікаў беларускага нацыянальнага гістарычнага жывапісу – Язэпа Драздовіча (Народніка), іншых таленавітых мастакоў – Язэпа Горыда, Івана Маразовіча, Васіля Сідаровіча, Мікалая Васілеўскага, якія адрозніваліся прафесіяналізмам, надзённасцю, вострым палітычным падтэкстам.

У публікуемых у часопісе невялічкіх творах (сатырычных вершах, фельетонах, анекдотах, візуальных вобразах) не толькі выказвалася стаўленне іх аўтараў і рэдакцыі часопіса да тых ці іншых мерапрыемстваў польскіх уладаў у Заходняй Беларусі, давалася ім ацэнка, але і ішла праца над стварэннем ва ўспрыманні чытачоў негатыўнага вобраза Польшчы. Дарэчы, час ад часу ў нумарах часопіса ішла гаворка і аб падзеях у Кітаі. Гэта – своеасаблівая даніна «модзе». У гэты час «кітайскія» і «індыйскія» матывы даволі часта выкарыстоўваліся пісьменнікамі як Заходняй, так і Савецкай Беларусі. Падставаю для гэтага было тое, што жыццё ў Заходняй Беларусі з пункту гледжання аўтараў вельмі нагадвала жыццё ў іншых каланіяльных і залежных краінах. Мэтаю ж гэтых параўнанняў былі сацыяльнае і нацыянальнае разняволенне беларусаў – падданых Польшчы, іх духоўнае абуджэнне, недапушчэнне таго, каб яны прынялі прадвызначаны для іх польскай уладай лёс.

Адным з галоўных напрамкаў крытыкі палітыкі, якая праводзілася польскімі ўладамі на каланізуемых землях Заходняй Беларусі, стала зямельная рэформа («Закон аб парцэляцыі і асадніцтве» быў прыняты 28 снежня 1925 г.) [6], адпаведна якой буйныя зямельныя надзелы падлягалі драбленню – парцэляцыі. Зямельны максімум для адной гаспадаркі, які не падвяргаўся адчужэнню, у Заходняй Беларусі быў узняты да 300 га (у Польшчы – 60 га ў прыгарадзе і 180 га ў астатніх мясцовасцях). Высокапрадукцыйныя маёнткі наогул не падлягалі парцэляцыі. Памер парцэл (надзелаў) для Заходняй Беларусі вызначаўся ў сярэднім у 25 га. Ва ўласнасць дзяржавы пераходзілі лясныя масівы плошчай звыш 50 га, а таксама рыбныя сажалкі плошчай звыш 3 га. Закон прадугледжваў штогадовую парцэляцыю ў памеры 200 тыс. га і рэалізацыю рэформы на працягу 10 гадоў.

Нічым новым для беларусаў парцэляцыя зямлі не з'яўлялася – яна праходзіла ў Заходняй Беларусі з 1921 г., адпаведна з зямельнай рэформай 1920 г., і была звязана з выкананнем закона аб каланізацыі, па якому

ваенныя каланісты (удзельнікі савецка-польскай вайны 1919–1920 гг.) атрымлівалі зямлю бясплатна (пры ўмове, што яны праслужылі ў войску мінімум 4 месяцы). З 1923 г. мясцовыя ўлады пачалі распрадаваць так званыя «адрэзкі», якія заставаліся пасля нарэзкі надзелаў каланістам, ужо і карэнным жыхарам. Аднак толькі палітычна добранадзейным і лаяльным у адносінах да польскай дзяржавы.

«Закон аб парцэляцыі і асадніцтве» 1925 г. даваў польскім памешчыкам шмат магчымасцей у выпадку, калі ў іх не было жадання пазбавіцца ад зямлі, утрымаць яе ў сваім валоданні. Зямля прадавалася па высокім рынковым кошце, таму куплялі яе заможныя сяляне, а беззямельныя і малазямельныя не мелі для гэтага фінансавай магчымасці. Асноўная мэта, якую ставілі польскія ўлады, праводзячы гэтую рэформу, складалася ў тым, каб забяспечыць сабе палітычную падтрымку на акупаваных землях Заходняй Беларусі. З тою ж мэтай праводзілася і рассяленне тут каланістаў-асаднікаў.

«Маланка» падсумоўвала вынікі аграрных мерапрыемстваў польскай дзяржавы ў Заходняй Беларусі, «вянцом» якіх стала рэформа 1925 г.:

«Доўга нас за нос вадзілі,
Абяцалі злоты горы,
Абяцалі даць зямелькі,
Як тае вады ў моры.
Доўга сойм, паны, міністры,
Нас рэформай пацяшалі
І, нарэшце, ах! Нарэшце,
Сваё “цуда” паказалі.
Што зямля адным багатым,
То ўласнасць іх святая,
А табе, бядняк – галота,
Толькі доля праклятая!
<...>
А па ўсім зямлі абшары,
Дзе дзяды, бацькі гаралі,
Запануюць новы людзі –
“Познанякі і гуралі”.
Дык “зямельная рэформа”
Гэта – крыўда твая, браце,
Твая рана незажыта,
Новы вораг у тваёй хаце!...» [7].

Апошняя фраза ў вершы не патрабуе тлумачэнняў. Аднак нельга не адзначыць, што «новым ворагам» для беларусаў стаў учорашні сусед-паляк, які быў для іх яшчэ зусім нядаўна амаль сваім. Цяпер жа ён, як прадстаўнік цывілізаванай еўрапейскай нацыі, стаў «сапраўдным гаспадаром» на беларускай зямлі, якая ператварылася ў польскія «ўсходнія крэсы» (малюнак 1).

Малюнак 1 – «Эндэк: – Нарэшце за сем гадоў існавання далі «ўдзячнаму насельніцтву» нашу зямельную рэформу.

А цяпер, браце пэпэсе, дай пыска і пойдзем у скокі, бо аркестр даўно ўжо наладжаны, – хай бачаць беларускія сяляне, што мы і пра іх дбаем!» [8]

Якімі наступствамі пагражала гэтая рэформа беларусам, было відавочна, аднак часопіс звяртаў увагу менавіта на тое, што было наперад усяго звязана з штотдзённым жыццём простага чалавека, што было яму найбольш важна і цікава. І гаварыў пра гэта на яго ж мове:

«Пытаецца малы Панас у бацькі:

– Татка, а татка, чаму гэта паны ўсё збожжа за граніцу вывозяць, а чым-жа мы будзем карміцца, як свайго не стане?

– А ці-ж не чуў, як ксёндз у касцёле казаў: “Прывыкайце, дзеткі, жыць духам святым!...”» [9].

У тым жа нумары часопіса ў графічным выглядзе быў прадстаўлены ганлёвы баланс Польшчы, з якога кожнаму было зразумела, у чым складаецца сэнс «умелага гаспадарання» (малюнак 2).

Малюнак 2 – «Увага рэдакцыі: Самі недаядаем, а вывозім свіней, авечак, кароў, а прывозім ласункі для задавальнення апетыту яснавяльможных...» [10]

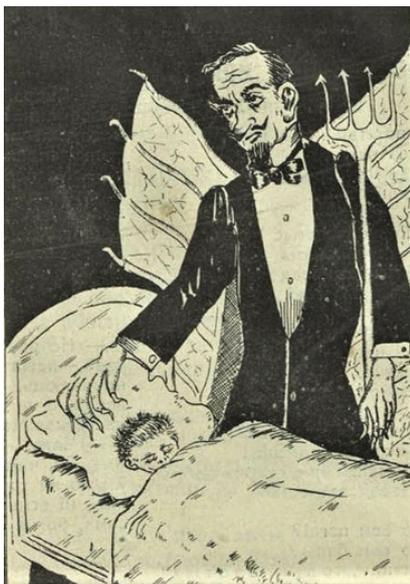
Часопіс называў «яснавяльможнымі», наперад усяго, менавіта тых, хто на самым высокім дзяржаўным узроўні планаваў развіццё польскай гаспадаркі і адказваў на наладжванне знешнегандлёвых сувязяў – міністраў. Ацэньваючы вынікі іх працы, ён прыходзіў да несучасальнай высновы: «<...> У Польшчы міністраў яшчэ шывчэй пякуць, як бліны, яны таксама выходзяць “недапечанымі”, а аднак іх ніхто не бракуе» [11]. Між тым, гэтыя міністры – эліта грамадства, яго «найшаноўнейшыя» прадстаўнікі і, разам з тым, – твар польскай дзяржавы.

Яшчэ адзін напрамак дзейнасці часопіса па фарміраванню ва ўспрыманні сваіх падпісчыкаў і выпадковых чытачоў вобраза Польшчы быў звязаны з асіміляртарскай палітыкай польскай дзяржавы ў адносінах да беларусаў. Вастрыве яе было накіравана на беларускую школу, якая з’яўлялася месцам навучання і выхавання дзяцей з беларускіх сем’яў (малюнак 3).

Малюнак 3 – «Міністр асветы Станіслаў Грабскі: У імя ашчаднасці трэба зменшыць лік школ амаль напалову, а беларускіх школ зусім не адкрываць, бо на што мужыку тая навука, калі яго справа капацца ў зямлі і гнаі...» [12]

Таму барацьба за захаванне школ з беларускай мовай навучання стала барацьбой за будучае саміх беларусаў (малюнак 4).

Малюнак 4 – «Дзіця праз сон, убачыўшы цень міністра асветы Станіслава Грабскага:

– Адчапіся ад мяне, страшная мара. Не вырвеш сваімі кіпцюрамі маёй маладой душы. Я беларусам быў, беларусам ёсць і беларусам буду, а твае моўныя ўставы і ўтраквістычныя (двухмоўныя) школы знікнуць, як туман, разам з табою» [13]

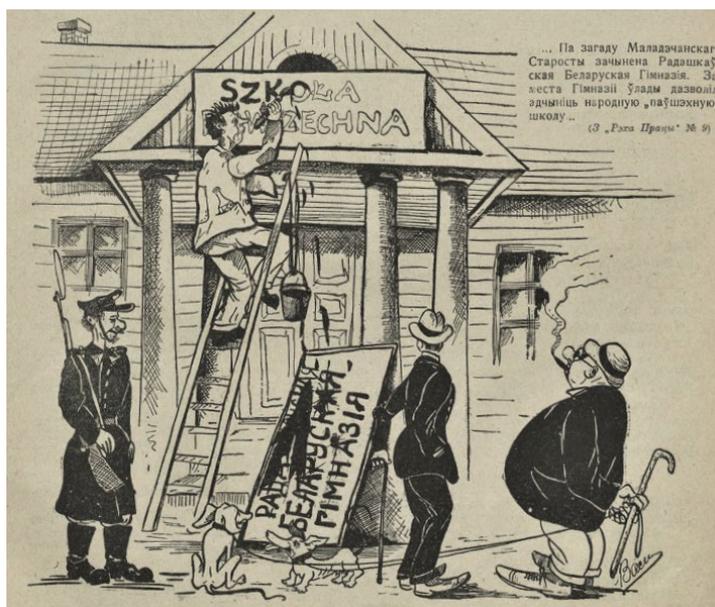
На якія будучыя вынікі і, галоўнае, у якой перспектыве, маглі разлічваць польскія асімілятары – цяжка сказаць. Аднак відавочна, што яны былі ўпэўнены ў станоўчых выніках сваёй працы. Што ж тычыцца саміх беларусаў, то часопіс падказваў ім самы эфектыўны спосаб супрадзеяння асімілятарскім намаганням польскіх уладаў – ігнараванне. У ім пад рубрыкай «жарты» публікаваліся невялічкія тэксты гумарыстычнага зместу, у якіх для дасягнення канчатковай, у дадзеным выпадку зусім не гумарыстычнай мэты антыпаланітарскага ўздзеяння на этнічную самасвядомасць чытачоў, аўтары выкарыстоўвалі іронію, сарказм і іншыя метады. Напрыклад, у лютым 1926 г. у чарговым нумары «Маланкі» выйшаў наступны «жарт»: «На лекцыі географіі настаўнік чытае на польскай мове, дзеці не разумеюць таго, пра што ён ім гаворыць. Ён не можа знайсці з імі хоць якога-небудзь паразумення. І, нарэшце, махнуўшы безнадзейна рукой, адправіў іх дадому: “Ідзіце, дзеці, до дому. На дзісяй выстарчы!”» [14].

Праўда, часопіс такім жа спосабам – спосабам жарту – прадбачліва даводзіў да разумення сваіх чытачоў інфармацыю аб магчымай рэакцыі польскіх уладаў на такое ігнараванне:

«– Што трэба зрабіць, каб спаланізаваць беларусаў?

– Перад усім трэба іх зазнаёміць прымукова з нашай высокай асветай і нашымі заходнееўрапейскімі інстытуцыямі, а калі гэта будзе немагчыма, можна будзе пашыраць асвету ў крмінале, турмах, Лукішках, паліцэйскіх і вайсковых пастарунках, дый у іншых установах і ўсюды трэба старацца, каб ясна ў вачах рабілася беларусам...» [15].

Перашкоды ў постаці ігнаравання беларусамі паланізацыйных новаўводзін у сферы адукацыі, а таксама фармальна існаваўшых правоў нацыянальных меншасцей на ўласную адукацыю і гарантый захавання гэтых правоў, якія ніхто не збіраўся выконваць, не маглі прымусіць польскія ўлады адмовіцца ад курсу, узятага на асіміляцыю беларусаў праз школьную асвету. У 1928 г. аднаднёўка «Пякучая Маланка», якая выйшла замест чарговага нумару «Маланкі», канфіскаванага польскімі ўладамі, паведаміла аб новым этапе рэформ у галіне адукацыі ў Заходняй Беларусі – увядзенні так званых «szkół powszechnych», якія ўяўлялі сабой адукацыйныя ўстановы найніжэйшага ўзроўню. Наведванне іх дзецьмі было абавязковым (малюнак 5).

Малюнак 5 – «Першы пан: І нашто дзеці цёмных беларускіх мужыкоў будуць забіваць сабе галовы ў нейкай там гімназіі!?

– Вось школа «powszechna» для іх самы раз!

Другі пан: Рацыя, пане, рацыя! Ад тых гімназіяў у беларускіх дзяцей толькі шкадлівыя ідэі нараджаюцца...» [16]

Скаргі беларускай меншасці, як і іншых меншасцей, якія таксама сталі ахвярай асімілятарскай палітыкі польскай дзяржавы, да нейкага часу былі для Польшчы небяспечнымі, таму як выкрывалі тое, што

рэальная палітыка, якая праводзілася ёю ў стаўленні да нацыянальных меншасцей, цалкам не адпавядала тым фармальным абавязацельствам, якія яна на сябе ўзяла ў 1918 і 1921 гг. Тэарэтычна, невыкананне гэтых абавязацельстваў павінна было пагоршыць адносіны Польшчы з яе заходнімі апекунамі і прымусіць апошніх рэагаваць. На гэта, уласна кажучы, і разлічвалі беларускія публіцысты. Аднак даволі хутка польскія ўлады зразумелі, што ніхто з тых, хто верхаходзіў у Лізе Нацый, на справе не будзе перашкаджаць ім рэалізоўваць на «крэсах» тую палітыку, якую яны запланавалі. Карыкатура, змешчаная на тытульнай старонцы нумару «Маланкі» за 1 сакавіка 1926 г., красамоўна паказвала сітуацыю, якая склалася (малюнак 6).

Малюнак 6 – «Польскі дыпламат: Пусціце мяне, “хамы праклятыя”, – я прадстаўнік вялікай 27-мільённай Польшчы, а дзеля таго павінен заняць сталае месца ў Лізе Нацый!

Нацыянальныя меншасці: Дудкі, браце, – дай нам перш за ўсё, што нам па праву належыць, а то фрак падзяром, а не пусцім» [17]

Візуальную інфармацыю (польскага дыпламата не пускаюць у Лігу Нацый нацыянальныя меншасці) дапоўніла песенка на матыў рускай «Каробачкі», аб мрыях польскага ўраду:

«<...> ў Лігу я гатоў.
Там сядзець я буду з Англіяй,
На немца скоса паглядаць,
Мусаліяга крывавага
У чорны ручкі цалаваць.

Як нядоўга там рассядуся,
На ўвесь свет я закрычу:
“Ціха, меншасці праклятыя,
Бо галовы вам скручу!”» [18].

У польскіх правячых колах у той час ужо добра разумелі, што дзеля свайго найвышэйшага інтарэсу – аслаблення СССР – вялікія дзяржавы гатовы прынесці ў ахвяру што заўгодна, не кажучы ўжо аб правах нейкіх там беларусаў. А лепшага барацьбіта з «бальшавіцкай пагрозай», чым антыкамуністычная і русафобская Польшча, у іх на той час не было. Таму яе трэба было падтрымліваць усялякімі спосабамі, найперш за ўсё – фінансава (малюнак 7).

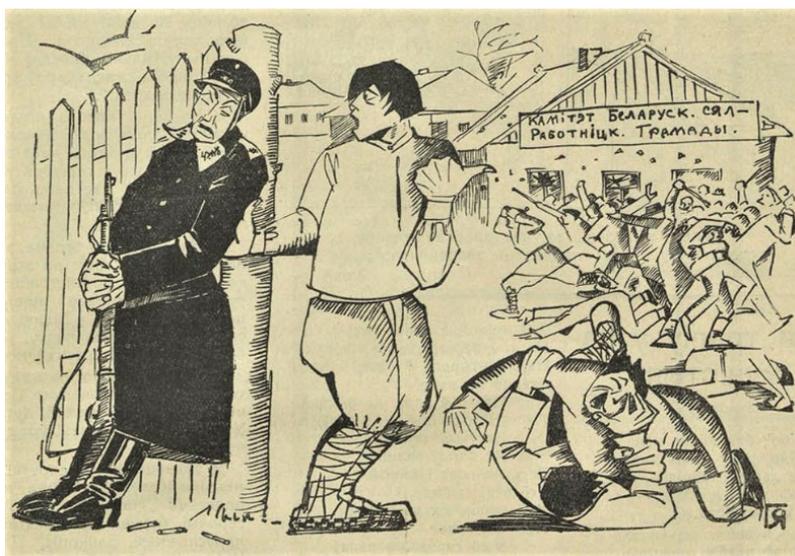
Малюнак 7 – «Французскія капіталісты пачалі старанні перад амерыканскімі банкамі аб пазычцы для Польшчы Брыян да амерыканца: Не дайце сіраце загінуць; хлопчык здольны, старанны» [19]

Сітуацыя, звязаная са станам нацыянальных меншасцей і аховай іх правоў, заходнімі апекунамі Польшчы літаральна была аддадзена на водкуп кіруючым колам апошняй. Адчуўшы сябе поўнымі гаспадарамі на беларускай зямлі, нікім і нічым не стрымліваемыя ў жаданні гэты свой статус давесці да яе непольскага насельніцтва, яны ўносілі ўсё новыя і новыя рысы ў фарміруемы ва ўспрыманні беларусаў вобраз Польшчы.

Польская дзяржава, як паказвала «Маланка», абাপіралася ў справе каланізацыі Заходняй Беларусі на людзей, сярод якіх было нямала закаранелых злачынцаў. Напрыклад, яна паведамляла, што на судовым працэсе ў Варшаве аб пераглядзе справы аб забойстве 8 красавіка 1913 г. князя Уладзіслава Друцкага-Любецкага польскім баронам Янам Біспінгам (у 1914 г. суд прызнаў яго забойцам, канфіскаваў

маёмасць, пазбавіў ўсіх правоў і прывілеяў ды накіраваў на чатыры гады ў арыштанцкія роты, але праз тыдзень пасля прысуду дзякуючы старанням жонкі і фантастычнаму закладу ў 100 000 рублёў Біспінг апынуўся на свабодзе; у 1924 і 1926 гадах Біспінг падаваў на перагляд справу аб забойстве Друцкага-Любецкага, аднак кожны раз яго суддзі прызнавалі яго вінаватым [20]) адрыліся новыя факты з крымінальнай біяграфіі барона. Её сам прызнаўся, што ў канцы 1918 г. асабіста падпаліў вёску Рымуцеўцы (ў Горадзеншчыне), у якой было 27 хат і ўласнаручна застрэліў з рэвальвера аднаго селяніна. Яшчэ адзін селянін, хворы на тыф, згарэў у падпаленай Біспінгам хаце [21].

У тым жа нумары «Маланкі» быў прадстаўлены яшчэ адзін «крэсавы гаспадар» – абшарнік-паляк Канстанты Развадоўскі, валадар маёнтку Людвікова, Драгічынскага павета Палескага ваяводства, які, даведаўшыся аб тым, што сялянка Матруна Кравец адтрымала з Амерыкі значнае адшкадаванне за свайго забітага на вайне мужа, уварваўся разам з фурманам увечары ў яе хату ў в. Ялоча, калі яна была там адна. Гэты «прыраджоны валадар» як звычайны бандыт напаў на Кравец і, схапіўшы яе за горла, загадаў свайму фурману «шукаць даляраў» [21].

Малюнак 8 – «Селянін да паліцыянта:

Чаму вы людзей не бароніце? – Бачыце, нейкія жулікі на нас напалі:

Паліцыянт: Гэта не жулікі, а конфідэнтны і асаднікі, а бараніць вас –

«грамадзістаў» мне не сказана» [22]

Не толькі на месцах, але і ў сталіцы, стаўленне да беларусаў, а дакладней – да прадстаўнікоў беларускай меншасці ў сейме, было не лепшым. Яе прадстаўлялі там спачатку дэпутаты (паслы) ад беларускай нацыянальнай францыі (Беларускага пасольскага клуба), а з 24 чэрвеня 1925 г., пасля расколу фракцыі па прычыне пераходу на згодніцкія пазіцыі часткі яе членаў, – дэпутаты Б. А. Тарашкевіч, С. А. Рак-Міхайлоўскі, П. П. Валошын, П. В. Мятла, якія стварылі пасольскі клуб БСРГ (Беларускай сялянска-работніцкай грамады). Карыстаючыся дэпутацкай недатыкальнасцю, яны разгарнулі актыўную і даволі паспяховую дзейнасць па стварэнні масавай арганізацыі працоўных для барацьбы супраць сацыяльнага і нацыянальнага прыгнёту, якой стала БСРГ. Такая дзейнасць не магла не выклікаць крайне негатыўнай рэакцыі польскага ўраду. У студзені–лютым 1927 г. члены пасольскага клуба БСРГ былі арыштаваныя, а сама БСРГ 21 сакавіка 1927 г. была афіцыйна забаронена польскімі ўладамі. Многіх з яе актывістаў асудзілі на розныя тэрміны турэмнага зняволення. «Маланка» не магла не звяртаць увагі на тое, што адбывалася. Цкаванне дэпутатаў ад БСРГ іх польскімі «калегамі», створаная апошнімі ў сейме атрутная маральна-псіхалагічная атмасфера, найшлі сваё адлюстраванне на карыкатуры, якую рэдакцыя часопіса, дарэчы, запазычыла з адной з польскіх газет, на што звярнула ўвагу чытачоў спецыяльна: «Як памятку аб арыштаваных паслах “Грамады” падаём карыкатуру з адной польскай газеты, дзе беларускіх паслоў сілай выносяць з залі пасяджэнняў сейма за абструкцыю (малюнак 9). Дзеялася гэта ўлетку мінулага года пасля майскага перавароту: 1) пас. Тарашкевіч, 2) пас. Мятла, 3) пас. Валошын, 4) пас. Ваявудзкі (з «Т Р.Сh. »))» [23].

выносяць з залі пасяджэнняў сейма за абструкцыю [23]

Любыя скаргі беларусаў на сваё жыццё, з пункту гледжання польскіх уладаў, не мелі пад сабой ніякіх падстаў, і былі вынікам бальшавіцкай прапаганды. Таму з незадаволенымі трэба было паступаць жорстка, як з тымі, хто супрацоўнічаў з ворагам. А лепш за ўсё, ажыццяўляць прэвентыўныя меры:

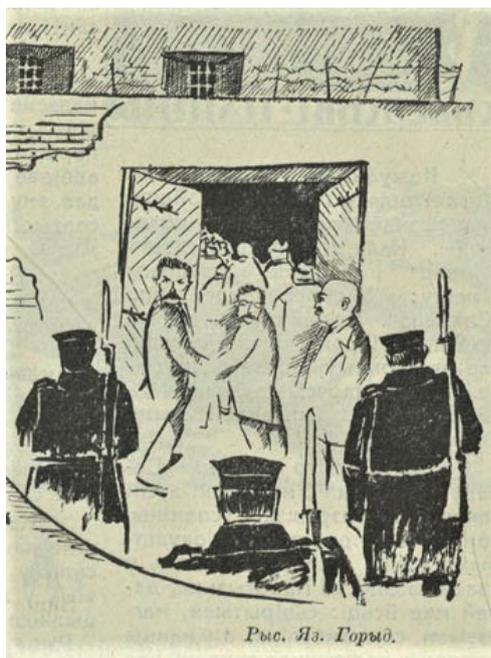
«Доўга я вачам не верыў,
Як ад солтаса паперу
Атрымаў учора зрання
Каб ісці ўраз на баданне.
Хоць не хочаш, ісці трэба.

Ускінуў, вось, на плечы клунак
І пайшоў на пастарунак.
Як прыйшоў я, – прывітаўся,
Ды ніхто не адазваўся,
Паглядзелі, як на звера

<...>

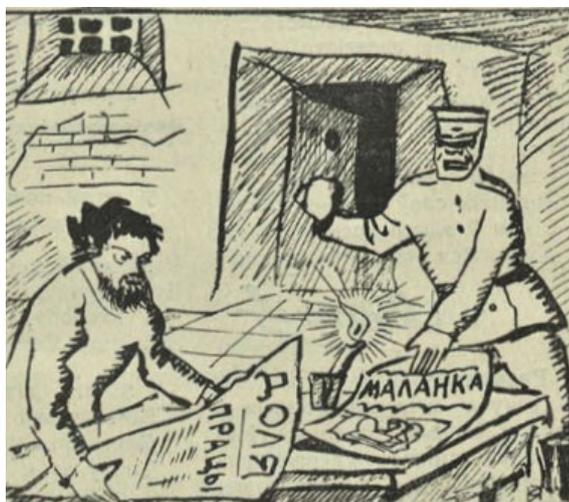
Завялі мяне ў пакоі
І дзяругаю якоюсь
Мне накрылі твар і вочы, –
Стала цёмна, як уночы.
Завалілі на падлогу;
Адзін б’е, двух на падмогу
Мяне кіем акладаюць
І “прызнайся!” ўсё пытаюць.
Далей памяць адабрала.
Як прагнуўся, ужо світала,
Гляджу ўвесь, як клёцка збіты,
Крывёй ўласнаю абліты.
Толькі мала аглядаўся –
За дзвярмі хтось адазваўся:
Калі я не вінаваты, –
Каб ішоў сабе да хаты...» [24].

Асноўным месцам канцэнтрацыі палітычных вязняў-беларусаў стала Лукішская турма, якая знаходзілася ў цэнтры Вільна. Дзякуючы ўмовам знаходжання там яна набыла вельмі змрочную рэпутацыю і стала своеасаблівым сімвалам рэпрэсіўнай палітыкі польскага ўрада да беларускага нацыянальнага руху і да беларусаў увогуле. Гэта давала беларускім публіцыстам аб’ектыўныя падставы перафразавання вядомы выраз «Расія – турма народаў», які тычыўся некалі царскай Расіі, у новы: «Польшча – «карцэр народаў». У стварэнне адпаведнага вобраза сваю лепту ўнесла і «Маланка» (малюнак 10).

Малюнак 10 – «Бедныя Лукішкі ніколі не пустуюць...» [25]

Перспектыва апынуцца ў Лукішках мелася перад усякім беларусам, які не быў згодны прыняць накіраваны яму польскай ўладай лёс. У тым ліку і за чытанне беларускіх перыядычных выданняў. Аб гэтым папярэдзваў сам часопіс (малюнак 11).

Малюнак 11 – «... І цяпер, калі я сяджу ў “Лукішках”, вострожны стораж цягне мяне да адказнасці за чытанне беларускіх газет і часопісаў» [26]

У серыі карыкатур «Хто і як спатыкае вясну» (Селянін, Работнік, Пан, Вучань, «Часовая Рада», Беларускі журналіст) і суправаджаючых тэкстаў пад імі, якія выйшлі ў №9 за 1926 г., асобна выдзяляецца пара, прысвечаная беларускаму журналісту (малюнак 12).

Малюнак 12 – «Людзям радасць, першы май, / А мне кажучь: “Адчыняй!” /

<...>

Ды такі ўжо цяпер час – / Wróg, bolszewik кожны з нас» [27]

Малюнак 13 – «На лекцыі “Справа нацыянальных меншасцяў у Польшчы”.

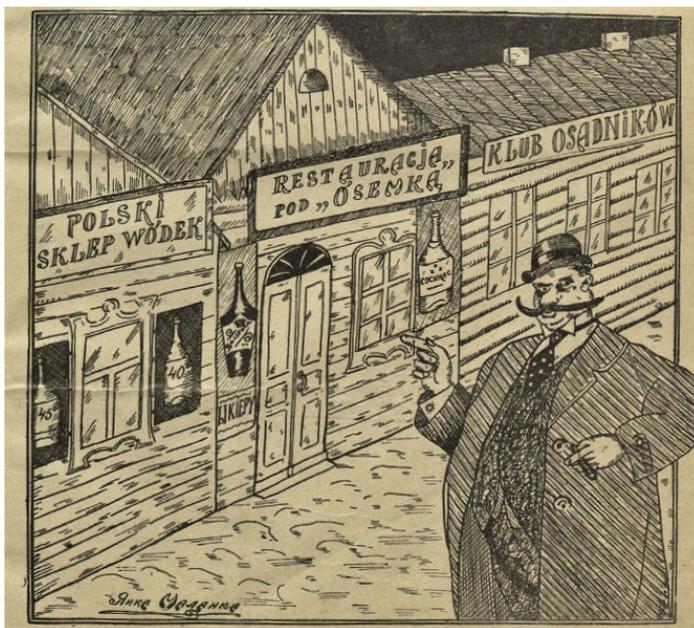
Лектар: Галоўным заданнем нашай палітыкі ў справе меншасцяў – адцягнуць іх увагу ад дзікага Усходу і звярнуць яе на культурны Захад.

Першы чын у гэтай справе ўжо зроблены.

Беларусы ўжо знаёмяцца з дабрадзействамі культуры на Захадзе» [28]

Аднак усе культуртрэгерскія намаганні «носьбітаў» еўрапейскай культуры вельмі нагадвалі культуртрэгерства каланізатараў на Ўсходзе. Невыпадкова «Маланка», як ужо вялася размова вышэй, змяшчала матэрыялы аб падзеях у Кітаі, настойліва выклікаючы ў сьвядомасці сваіх чытачоў адпаведныя параўнанні.

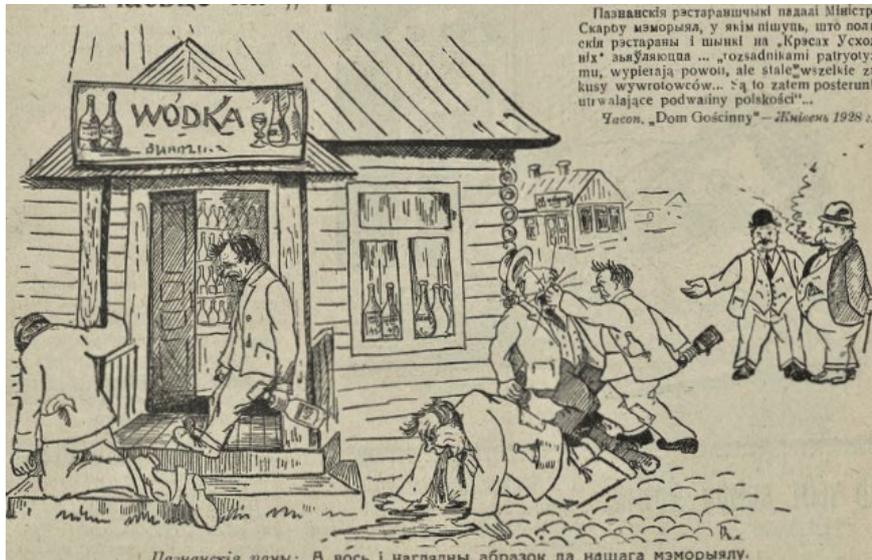
Прыкметы паказной «еўрапейскасці» ў Заходняй Беларусі сапраўды з'яўляліся. Аднак на агульным фоне яны выглядалі вельмі ненатуральна. «Маланка» змяшчала даволі шмат карыкатур, якія пераіначвалі лубачныя карцінкі вынікаў польскага культуртрэгерства на «крэсах». Напрыклад, на адной з іх, апублікаванай на тытульнай старонцы 4-га нумара часопіса за 1926 г., прадстаўлены эндэк – член Нацыянальна-дэмакратычнай партыі, (імкнулася да інкарпарацыі часткі Беларусі ў склад Польшчы), задаволены вынікамі польскай «культурнай» працы на «крэсах» (малюнак 14).

Малюнак 14 – «Эндэк: – Хамы, а не людзі гэтыя «białorusini», чаго яны скардзяцца, чаго ім усё мала? Вось як мы дбаем аб падняцці іхняй культуры,

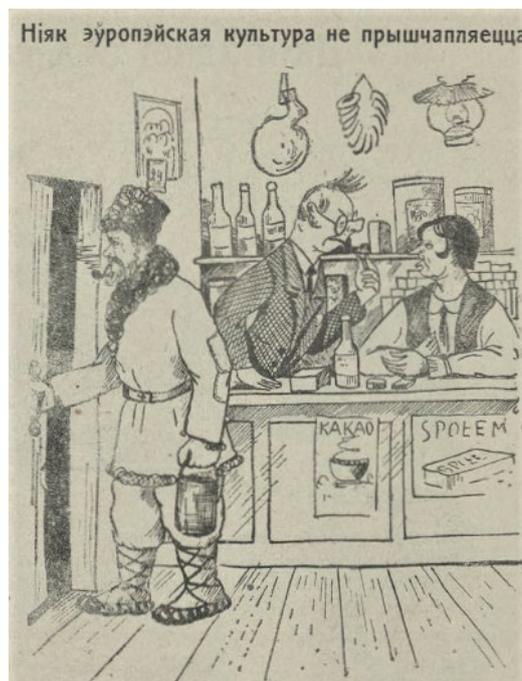
У 11-м нумары за 1928 г. «Маланка» прыводзіць з тлумачэннем цытату з польскага часопіса «Dom gościnny» (часопіс для рэстаратараў, атэльеў і аматараў кавы): «Польскія рэстаратары падалі міністру скарбу мемарыял, у якім пішуць, што польскія рэстараны і шынкi на “крэсах усходніх” з’яўляюцца ... “Рассадыкамі патрыятызму, якія павольна, але стала нейтралізуюць усе падкопы

падрыўнікоў... Гэта, такім чынам, фарпосты, якія ўвекавечваюць асновы польскасці» [30]. Цытата ж прыкладаецца да карыкатуры, якая паказвае, што на самой справе адбывалася ў гэтых «расадніках патрыятызму» (малюнак 15).

Малюнак 15 – «Шчасце на “крэсы” плывець з ўсіх бакоў» [30]

П’янства, мардабой, рознага роду злачынствы сталі іх «візітнай карткай». Таму не дзіўна, што такая «культура» не прышчаплялася (малюнак 16).

Малюнак 16 – «Ніяк эўрапейская культура не прышчапляецца» [31]

Беларускі селянін не меў да яе інтарэсу, перш за ўсё таму, што ў яго ўспрыманні яна была чужой і асацыявалася с палякамі, стаўленне да якіх было негатыўным.

Хаця і не без выключэнняў. Такое «культуртрэгерства» усё ж такі знаходзіла сваіх ахвяр... Так, у №2 часопіса за 1926 г. ў рыбрыцы «Жарты» быў змешчаны зусім не вясёлы жарт, які тычыўся гэтай тэмы:

«— Андрэй, Андрэй! Як табе не сорамна? У хаце хлеба а ні троху, дзеці галодныя, а ты гарэлку смокчаш!

Такім чынам, заходнебеларускі часопіс сатыры, гумару і жартаў «Маланка» ўнёс вельмі важную лепту ў стварэнне ў свядомасці беларусаў вобраза Польшчы, які меў выразны негатыўны характар. Яго падмуркам стала іх эмацыянальна-псіхалагічная рэакцыя на каланізатарскую і асімілятарскую палітыку, якая праводзілася польскім урадам на далучанай да Польшчы тэрыторыі Заходняй Беларусі. Найбольш вострыя праблемы, якія выклікалі крыўду беларусаў, абуджалі ў іх асяроддзі пратэстныя настроі, былі звязаны з несправядлівай, адкрыта дыскрымінацыйнай палітыкай у аграрнай сферы, закрыццём беларускіх школ, жорсткай барацьбой з арганізаваным беларускім нацыянальна-вызваленчым рухам, пераследам беларускіх перыядычных выданняў, зняважлівым стаўленнем да беларускай культуры. Гэты вобраз садзейнічаў развіццю ў свядомасці беларусаў, якія з'яўляліся падданымі Польшчы, пераканання, што такая палітыка з'яўляецца несправядлівай і, больш таго, злачыннай з пункту гледжання міжнароднага права, таму рана ці позна ёй павінен быў прыйсці канец. Разам з тым, ён садзейнічаў росту іх этнанацыянальнай свядомасці, усведамленнем імі часовасці свайго грамадзянскага стану, а таксама адчування аднасці з беларусамі БССР, ва ўспрыманні якіх Польшча з'яўлялася баявым авангардам варожых СССР заходніх дзяржаў. Успрыманне Польшчы не проста як чужой дзяржавы, а як дзяржавы, якая ўвогуле адмаўляла беларусам у праве на існаванне, аб'ядноўвала іх, незалежна ад грамадзянства. Таму гібель польскай дзяржавы ў верасні 1939 г. стала для яе беларускіх падданых не толькі часам вызвалення ад польскага прыгнёту, доўгачаканым момантам уз'яднання са сваімі ўсходнімі братамі, але і часам нараджэння надзей на справядлівае і таму больш шчаслівае будучае, у якім, прынамсі, не будзе не толькі польскага, але і ўвогуле ніякага нацыянальнага прыгнёту.

Крыніцы і літаратура

1. Шевченко, К. «Нас считают то москалями, то большевиками...» Пресса Западной Беларуси о положении белорусов в возрождённой Польше / К. Шевченко // Родина. – 2012. – № 7. – С. 120–123.
2. Самосюк, Н. В. Изменение национальной идентичности в контексте деятельности православной церкви в Западной Беларуси в межвоенный период / Н. В. Самосюк // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – 2014. – № 2 (22). – С. 26–32.
3. Версальский мирный договор / полный перевод с фр. подлинника под ред. Ю. В. Ключникова, А. Сабанина ; вступ. ст. Ю. В. Ключникова. – М. : Изд. Литиздата НКВД, 1925. – 198 с.
4. Мирный договор между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей с другой, подписанный в Риге 18 марта 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pswar.rusarchives.ru/mirnyu-dogovor-mezhdu-rossiey-i-ukrainoy-s-odnoy-storony-i-polshey-s-drugoyu-podpisannuu-v-g-rige>. – Дата доступа : 25.09.2023.
5. Конституция Польской республики (17 марта 1921 года с изменениями по закону 2 августа 1926 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=742>. – Дата доступа : 24.09.2023.
6. Гресь, С. М. Аграрные реформы польских властей на территории Западной Беларуси в межвоенное время (парцелляция и хуторизация) [Электронный ресурс] / С. М. Гресь // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 1. – Режим доступа : <https://human.snauka.ru/2014/01/5579>. – Дата доступа : 21.02.2024.
7. М., Я. «Зямельная рэформа» / Я. М. // Маланка. – 1926. – № 2. – С. 2.
8. Зямельная рэформа (карыкатура) // Маланка. – 1926. – № 2. – С. 1.
9. Сыч. Жывеце духам святым! / Сыч // Маланка. – 1926. – № 2. – С. 3.
10. «Муча». Ілюстраваны гандлёвы баланс Польшчы. Паводле слоў пана міністра гандлю / «Муча» // Маланка. – 1926. – № 2. – С. 4.
11. Сыч. Добра адказала / Сыч // Маланка. – 1926. – № 2. – С. 3.
12. Маланка – 1926. – № 7. – С. 8.
13. Страшны сон беларускага дзіцяці // Маланка. – 1926. – № 2. – С. 4.
14. «Утраквістычная школа» // Маланка. – 1926. – № 2. – С. 3.
15. Кун. ??? / Кун // Маланка. – 1926. – № 5. – С. 3.
16. Змянілі быка на індыка. (Беларуская пагаворка) // Пякучая Маланка : аднаднёўка гумару, жартаў і сатыры. – 1928. – 22.10.1928. – С. 1.

17. Маланка. – 1926. – №5. – С. 1.
18. М., Я. Рад бы ў рай, ды грахі не пускаюць! (Сучасная «Каробачка») / Я. М. // Маланка. – 1926. – №5. – С. 2.
19. У дабрадзея // Маланка. – 1927. – № 1. – С. 7.
20. Захватывающий детектив Беларуси и Польши XX-го века. Почему Конан Дойл отказался расследовать убийство князя Друцкого-Любецкого?! [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dzen.ru/a/Y8lNBI6lug> СХКТАС. – Дата доступа: 01.04.24.
21. Сучасныя бандыты // Маланка. – 1926. – № 5. – С. 5.
22. Мая хата з краю... // Маланка. – 1926. – № 17. – С. 5.
23. Усюды ганяюць, усюды смяюцца... // Маланка. – 1927. – № 3. – С. 8.
24. М., Я. З бадання / Я. М. // Маланка. – 1926. – № 5. – С. 6.
25. Бедныя Лукішкі ніколі не пустуюць... // Маланка. – 1928. – № 6. – С. 4.
26. Цярністым шляхам (эвалюцыя чытання ў абразках) // Маланка. – 1928. – № 8. – С. 4.
27. Хто і як спатыкае вясну // Маланка. – 1926. – № 9. – С. 4–5.
28. Зварот на Запад // Маланка. – 1928. – № 7. – С. 8.
29. Маланка. – 1926. – №4. – С. 1.
30. Шчасце на «Крэсы» плывець з усіх бакоў // Пякучая Маланка : аднаднёўка гумару, жартаў і сатыры. – 1928. – 22.10.1928. – С. 5.
31. Ніяк эўропэйская культура не прышчапляецца // Маланка. – 1928. – №11. – С. 5.
32. М., Я. Патрыёт / Я. М. // Маланка. – 1926. – № 2. – С. 3.

УДК 94:327:329.14(410)«192»

В. Е. Бортулев

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Межвоенный период оказался сопряжен с важными изменениями в жизни британского общества, которые затронули, в том числе, стереотипы восприятия и механизмы формирования международной политики.

Морально-психологические последствия, связанные с потерями, понесёнными в военный период, а также серьёзные социально-экономические и политические проблемы, с которыми Великобритания столкнулась после завершения войны, побудили британскую политическую элиту к поиску новых механизмов сохранения собственного международно-политического влияния. Данный процесс был сопряжён с существенной трансформацией идеологических установок основных политических партий в сфере международной политики.

В результате Первой мировой войны происходят существенные изменения и в политической системе британского государства. Они были связаны, в том числе со значительным ростом влияния Лейбористской партии, окончательно выдвинувшейся к тому моменту на роль одной из ключевых политических сил Великобритании. Основные программные установки лейбористов, оформившиеся ещё в предвоенный период, нуждались в существенной корректировке с учетом изменений, происходивших как на международной арене, так и во внутренней жизни британского государства. Вплоть до завершения войны в политико-идеологическом плане по ключевым вопросам внутренней и международной повестки лейбористы были вынуждены чаще солидаризироваться с либералами.

Возникнув в 1900 г. как конгломерат ряда небольших общественно-политических объединений социалистического характера, находившихся под большим влиянием фабианства, Лейбористская партия вплоть до периода Первой мировой войны не пользовалась существенным политическим влиянием. В годы войны, несмотря на декларируемую приверженность социалистическим принципам, лейбористы отказались от прежних пацифистских лозунгов, поддержав военные усилия Великобритании. Данная позиция позволила партии добиться участия в коалиционном кабинете Д. Ллойд-Джорджа.

На выборах, состоявшихся в ноябре 1922 г., позиции Лейбористской партии заметно улучшились, она смогла добиться увеличения своего представительства в Палате общин до 142-х депутатов. С учетом сохранявшегося кризиса и раскола внутри Либеральной партии, лейбористы окончательно превратились во вторую ведущую политическую силу в Великобритании [1, p. 40].

Внешнеполитическая проблематика долгое время находилась на периферии идеологических интересов лейбористов. Однако, по мере роста своего политического влияния, руководство Лейбористской партии было вынуждено уделять все более значимое внимание меж-

дународно-политической повестке. В предвыборном манифесте партии 1922 г. содержался призыв к пересмотру условий мирных договоров и предусматривающий, в частности, выплату Германией репараций в пределах, исключительно соответствующих ее платежеспособности. Особое место в обеспечении международного порядка и безопасности руководители Лейбористской партии отводили недавно созданной Лиге Наций, которая, по их мнению, должна быть «наделена полномочиями разрешать международные споры методами судебного арбитража и примирения», а также обеспечивать эффективную реализацию программ в области ограничения вооружений [2, р. 54].

Схожие идеи отражались в предвыборном манифесте 1923 г., содержащим призыв к «политике международного сотрудничества» путем укрепления и расширения полномочий Лиги Наций, урегулирования международных споров «посредством примирения и судебного арбитража», а также пересмотра условий Версальского договора, особенно в части, касающейся выплаты Германией репараций [3, с. 141].

В ходе своего выступления на ежегодной партийной конференции в 1923 г. один из известных идеологов британского лейборизма С. Уэбб заявил, что Версальский договор не выполнил своей задачи, поскольку его условия «игнорировали как экономику, так и мораль», и в связи с этим выступил с призывом к осуществлению внешней политики, «основанной не на том, что мы предполагаем считать нашими правами, а на том, что... отвечает общим интересам всего мира» [4, р. 84].

В конце 1923 г. в условиях политического кризиса, связанного с тарифной реформой, премьер-министр С. Болдуин принял решение о внеочередных парламентских выборах. По их итогам лейбористы увеличили число своих представителей в Палате общин до 191 человека. Несмотря на то, что Консервативная партия по-прежнему сохраняла наибольшее количество мест, она уступала совокупному представительству либералов и лейбористов. По итогам сложных переговоров руководства двух партий, 22 января 1924 г. было сформирован первый в истории Великобритании кабинет министров, в котором ключевые позиции, в том числе пост премьер-министра заняли представители Лейбористской партии [5, р. 135].

Способность лейбористского правительства влиять на изменения как во внешней, так и во внутренней политике была серьезно ограничена необходимостью обеспечения поддержки либералов в Палате общин. В условиях ограниченной эффективности кабинета, внешняя политика рассматривалась как основная область, в которой лейбористы могли реализовать свои программные установки.

Р. Макдональду и остальным членам кабинета казалось очевидным, что, добиться успеха в решении внутривнутриполитических проблем крайне сложно без достижения успехов на международной арене. С точки зрения итогов выборов успех лейбористского кабинета во внешней политике был важен, чтобы продемонстрировать способность лейбористов отстаивать общенациональные, а не только узкоклассовые интересы.

Внешнеполитическая стратегия первого лейбористского кабинета предусматривала реализацию нескольких взаимосвязанных направлений. Главной проблемой, лежащей в основе европейской безопасности, лейбористам виделось налаживание франко-германских отношений. В качестве оппозиции лейбористы были едины в своем осуждении Версальского договора, и важным компонентом их предвыборной повестки являлся призыв к пересмотру его условий, в особенности, в вопросах, касавшихся выплаты репараций. С точки зрения многих представителей партии в послевоенной Европе основной экспансионистской силой и ключевым фактором, дестабилизирующим международную обстановку, являлась не Германия, а Франция [6, p. 118].

Тем не менее, при вступлении в должность, Р. Макдональд, нарушив дипломатическую традицию, написав личное письмо французскому премьер-министру Министр, поддержав американский план, разработанный Комитетом по совершенствованию системы немецких репараций. В июле 1924 г. британский премьер-министр председательствовал в Лондоне на конференции с участием правительственных делегаций Франции, Германии, США и Великобритании, где благодаря его дипломатическим усилиям удалось добиться существенного успеха в согласовании плана Дауэса [7, p. 186].

В рамках переговорного процесса было достигнуто соглашение об эвакуации французских войск из Рура, а также был согласован ряд вопросов, касавшихся смягчения режима репараций, которые ранее рассматривались как неразрешимые проблемы. Впервые за послевоенные годы Германия стала рассматриваться западными странами в качестве равноправного международного партнера. В лейбористской прессе отмечалось, что Р. Макдональд «развеял миф о том, что международные отношения - это тайная наука, последняя тайна государства, которые могли освоить только представители традиционных правящих классов» [8, p. 9].

В тоже время, поддержав план Дауэса, Британский конгресс тред-юнионов подверг его в ходе конференции 1924 г. существенной критике подчеркнув, что основное бремя по выполнению плана

Дауэса будет возложено на немецких рабочих. Одна из жалоб заключалась в том, что Р. Макдональд самостоятельно произвольно изменил политику лейбористов в отношении возмещения ущерба, не обратившись к партии, что противоречило демократическим принципам и внутрипартийному консенсусу.

Вторым важным направлением внешнеполитической деятельности лейбористского правительства явилось выполнение предвыборного обещания покончить с секретными дипломатическими соглашениями. Отсутствие парламентского контроля над внешней политикой и дипломатией было одним из предметов критики со стороны Лейбористской партии в период ее пребывания в оппозиции. Кабинет Р. Макдональда объявил, что вводит новую практику представления всех договоров с другими странами на рассмотрение Палаты общин сроком на двадцать один день, после чего договор будет ратифицирован. Данное нововведение, как утверждал Р. Макдональд, призвано обеспечить контроль парламента над заключением международных договоров и соглашений, и позволит таким образом обсуждать «секретные договоры и секретные положения международных договоров, которые станут достоянием гласности» [9, р. 233].

Как отмечалось в одном из публицистических произведений лейбористов рассматриваемого периода, «С гордостью можно признать, что девять месяцев британского Лейбористского правительства стали выражением нового духа в дипломатии и началом политики Великобритании, направленной на содействие миру и примирению между народами». В тоже время, Р. Макдональд не передавал многие вопросы внешней политики на рассмотрение кабинета и далеко не всегда обсуждал со своими коллегами по министерству внешнеполитические проблемы.

Третьим важным внешнеполитическим вопросом, который пыталось решить лейбористское правительство, являлось отношение Великобритании к проблеме развития механизмов международной безопасности в рамках системы Лиги Наций. Лейбористское правительство отклонило проект Договора о взаимной помощи, которая предложенный на четвертой сессии Ассамблеи Лиги Наций в сентябре 1923 года. Этот договор был основан на идее обеспечения коллективной безопасности, включающей, в том числе военные механизмы, для всех членов Лиги, кто стал объектом агрессивной войны. Развитие механизмов коллективной безопасности должно было сочетаться с сокращением вооружений пропорционально степени реализации положений договора о взаимной помощи. По мнению Р. Макдональда, «гарантии, предоставляемые проектом Договора, настолько ненадежны, что ни одно ответственное правительство не сочтет оправданным согла-

ситься на какое-либо существенное сокращение своих вооружений взамен». Данная позиция ставила под сомнение целесообразность Договора, который, кроме того, «предполагал бы увеличение, а не сокращение британских вооружений» [10, р. 175]. Великобритания оказалась в числе нескольких стран, которые отвергли проект Договора, в силу чего он был в итоге заменен Женевским протоколом о мирном урегулировании международных споров. В нем уделялось значительное внимание урегулированию международных споров путем примирения и арбитража до того, как конфликтные ситуации могли привести к войне. Идея протокола была поддержана как лейбористским правительством, так и Лейбористской партией.

17 марта 1924 г. в ходе партийной конференции была принята резолюция, в которой отмечалось: «С точки зрения Лейбористской партии, Великобритания должна сделать все, что в ее силах, для обеспечения принятия принципов Протокола и проведения Конференции по разоружению. Она поддерживает Протокол на том основании, что в настоящее время он представляет собой единственный практический план достижения разоружения и замены войны арбитражем в качестве метода урегулирования споров» [11, р. 160]. Риторика Женевского протокола в большей степени соответствовала взглядам Лейбористской партии и радикально-либеральной позиции по международным делам.

Женевский протокол ставился в зависимость от санкции на применение силы и не сильно отличался с точки зрения механизма своей реализации от Пакта о взаимопомощи. В пункте В статьи 16 пакта отмечалось, что, если какой-либо член Лиги прибегнет к войне, это будет рассматриваться как совершение акта агрессии против всех других членов Лиги, и все финансовые, торговые и дипломатические отношения с ним должны быть разорваны. «В обязанности Совета Лиги Наций входило рекомендовать нескольким заинтересованным государствам, какие подразделения сухопутных, военно-морских или военно-воздушных сил члены Лиги должны включить в состав вооруженных сил, в целях последующего их использования для обеспечения пресечения агрессивных действий» [12, р. 147].

В сентябре 1924 г. Р. Макдональд принял активное участие в дипломатических консультациях в рамках заседаний Ассамблеи Лиги Наций, добившись принятия рекомендации по принятию Женевского протокола. Однако, завершить переговорный процесс по данному вопросу лейбористское правительство не успело, а сменившие его консерваторы отказались от его подписания. Комментируя данное решение, Р. Макдональд подверг критике решение консервативного кабинета, подчеркнув, что «протокол... привносит в дипломатию новые моральные обязательства..., заменяя систему силы системой правосудия» [13, р. 375].

В целом, Р. Макдональд относился к Лиге Наций довольно неоднозначно, ставя под определенное сомнение возможность создания эффективной системы коллективной безопасности сработает, предпочитая вместо этого выступать за реализацию международных программ по разоружению. В тоже время, он утверждал, что Лигу Наций необходимо укрепить и сделать более представительной, приняв в ее ряды Германию и СССР, а также убедив США присоединиться к ней без необходимости «идти с протянутой рукой к Америке и умолять ее о поддержке» [13, р. 4–8].

После потери власти внешнеполитическая программа Лейбористской партии была основана на возвращении к ее прежней позиции поддержки разоружения. Делегация лейбористов приняла участие в конференции Лиги Наций по регулированию международных перевозок оружия и боеприпасов в мае 1925 года и в целом продолжала демонстрировать позитивное отношение к Лиге Наций. Несмотря на попытки лейбористов оказать давление на консервативный кабинет в целях поддержки международной Конвенции о перевозках оружия, предложенный документ был принят только после того, как в него была включена поправка, исключающая из соглашения «суда всех видов», а также самолеты и подводные лодки. Данная поправка была принята в интересах британской военной промышленности. Кроме того, руководство Лейбористской партии выразило готовность обсуждать инициативу нескольких американских сенаторов о международном запрете войн. В процессе обсуждения в партии обозначились разные точки зрения о том, совпадает ли «объявление войны вне закона» с принципами партийной стратегии. В итоге партия поддержала идею в целом, высказавшись против конкретной инициативы сенаторов США, поскольку она предполагала отказ от Лиги Наций и замену ее на союзы между отдельными государствами [14, р. 96].

Лейбористская партия неоднократно голосовала против правительственных ассигнований на оборону, ее позиция заключалась в том, что партия, «независимо от того, находится ли она у власти или в оппозиции и «считает, что нынешние расходы могут быть значительно сокращены» [15, р. 35].

Позиция партии в отношении характера вооруженных сил заключалась в том, что национальный военный потенциал был приемлем только в той мере, в какой он являлся частью международных вооруженных сил, которые могли быть использованы для международного вмешательства под контролем Лиги Наций в качестве средства обеспечения международного порядка. Формирование внешнеполитической стратегии Лейбористской партии Великобритании в межвоенные десятилетия явилось следствием длительного и сложного интеллектуального поиска, отражавшего специфические особенности

развития на британской «почве» социалистических идей. В своей основе концепции, разрабатываемые лидерами британского лейборизма отражали попытку адаптации пацифистских настроений значительной части британского общества к традиционным стратегическим приоритетам Великобритании во внешнеполитической сфере.

Источники и литература

1. Cole, G.D.H. A History of the Labour Party from 1914 / Cole G.D.H. – L.: Taylor&Francis, 1948. – 517 p.
2. Cook, Ch., Stevenson, J. The Longman Handbook of Modern British History / Cook Ch., Stevenson J. – L.: Longman Publishing Group, 2001. – 506 p.
3. Перегудов, С. П. Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании / Перегудов С. П. – М.: Изд-во «Наука», 1975. – 412 с.
4. Webb, S., Webb, B. The decay of capitalist civilization / Webb S., Webb B. – L., N. Y.: Harcourt, Brace and Company, 1923. – 242 p.
5. Laybourn, K., Reynolds, J. Liberalism and the Rise of Labour 1890–1918 / Laybourn K., Reynolds J. – Beckenham: Croom Helm, 1984. – 261 p.
6. Adelman, P. The Rise of the Labour Party 1880-1945. / Adelman P. – L., N. Y.: Longman, 1986. – 144 p.
7. Abstract of British Historical Statistics / Ed. by B.R. Mitchell.- Cambridge: Cambridge University Press, 1962. – 513 p.
8. MacDonald, J. R. Why socialism must come / MacDonald J.R. - L.: Leonard Parsons, 1923. – 15 p.
9. Butler, D., Butler G. British Political Facts / Butler D., Butler G. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011. – 541 p.
10. Carlton, D. MacDonald versus Henderson / Carlton D. – N.Y.: Humanities Press, 1970. – 239 p.
11. Foote, G. The Labour Party's Political Thought: A History / Foote G. – L.: Macmillan, 1997. – 404 p.
12. Gupta, P. S. Imperialism and the British Labour Movement, 1914–1964 / Gupta P. S. – L.: Holmes & Meier Pub, 1975. – 454 p.
13. Howell, D. MacDonald's Party: Labour Identities and Crisis, 1922–1931 / Howell D. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 452 p.
14. Abstract of British Historical Statistics / Ed. by B.R. Mitchell. – Cambridge: Cambridge University Press, 1962. – 513 p.
15. British Political Facts, 1900–1994. – L.: Palgrave Macmillan 1994. – 298 p.

А. Е. Кузьмичева
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

БРИТАНСКОЕ И ИТАЛЬЯНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ – БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ПОЛЬСКО-ФРАНЦУЗСКОМУ СОЮЗУ?

В статье рассматривается возможность альтернативных направлений внешней политики Польши в 1920-е – начале 1930-х гг., таких как сближение с Великобританией и Италией. В политике и стратегии II Речи Посполитой польско-французский союз занимал первостепенное место, так как Франция была единственной великой державой, достаточно последовательно оказывавшей Польше политическую поддержку и военную помощь. Учитывая отсутствие активного интереса со стороны других держав к установлению близких отношений с Варшавой, а также очевидная разнонаправленность их интересов, демонстрируется отсутствие реальной альтернативы польско-французскому союзу.

История взаимоотношений между Варшавой и Лондоном [1; 2; 3; 4], Варшавой и Римом [5; 6; 7] имеет достаточную историографию. В рамках же данной работы, подробно не затрагивая частности польско-английских и польско-итальянских отношений, будет предпринята попытка ответить на вопрос, почему ни британское, ни итальянское направления не могли стать альтернативной для профранцузской ориентации в 1920-е – начале 1930-х гг.

Рассматривая британское направление во внешней политике Польши, будет важно отметить, что трения между Великобританией и Польшей дали о себе знать уже на Парижской мирной конференции в 1919 г., в частности, Лондон более чем сдержанно относился к территориальным претензиям Варшавы. Во время польско-советской войны Д. Ллойд Джордж, по крайней мере с конца 1919 г., начал налаживать полуофициальные контакты с советским руководством, а в июне 1920 г. разрешил приехать в Великобританию советскому наркому внешней торговли Л.Б. Красину, к которому в августе того

же года присоединился член Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменев, формально для переговоров о торговом договоре [8, с. 190–211]. Как потом вспоминал в то время начальник имперского Генштаба и член Военного кабинета сэр Генри Хьюз Уилсон, «я ужаснулся почти подбострастной манере, с которой Ллойд Джордж следил за соблюдением русских интересов и был враждебно настроен к полякам ... он был дружен с Каменевым и Красиным, и они вместе обсуждали французов и поляков» [9, с. 256]. По этой причине именно Великобритании было поручено довести до сведения руководства РСФСР, принятые Верховным советом Антанты в июле 1920 г. условия прекращения военных действий на польско-советском фронте и предлагаемую линию польско-советской государственной границы (линия Керзона). Более того, ссылаясь на протестные акции комитетов действия, Ллойд Джордж отказал Польше в военной помощи Великобритании и настаивал на том, чтобы она приняла советские условия мира, которые, по его мнению, «были на удивление либеральными и благоприятными во всех отношениях» [10, с. 149]. Рижский договор, заключенный 18 марта 1921 г. между РСФСР и УССР с одной стороны, и Польской республикой – с другой, начертил восточную границу Польши, но не принес немедленного мира в регион.

Во время плебисцита в Верхней Силезии в 1921 г. как Великобритания, так и Италия высказались за признание воли его участников, в то время как Франция, уже имея союзный и военный договоры с Польшей, поддерживала своего союзника. Ллойд Джордж стремился помешать полякам получить контроль над промышленным регионом², и не столько из-за приверженности демократическим принципам, но и опасаясь, что они не смогут эффективно использовать его экономический потенциал.

Как известно, один из хрестоматийных постулатов внешней политики Великобритании заключается в противодействии чрезмерному усилению какой-либо континентальной державы в Европе. Конечно, Лондон не боялся Польши как таковой, однако опасался, что в ее лице Франция приобретет сильного союзника и, тем самым, закрепит свою позицию европейского гегемона. Однако из-за проблем с Ирландией, греко-турецкого спора и обязательств по оккупации Рейнской области Великобритания не могла позволить себе полностью оттолкнуть Францию. И Ллойд Джорджу пришлось отказаться от своей

² 21 июня 1921 г. во время ланча с виконтом Эдгаром Винсентом д'Аберноном, послом Великобритании в Берлине, Ллойд Джордж признался, что хотел «сохранить для Германии как можно большую часть промышленной зоны», но «французы в значительной степени связаны обязательствами с Польшей». [11, с. 185].

позиции. Не сумев предотвратить несправедливый раздел Верхней Силезии, Великобритания пристально следила за тем, чтобы Польша тщательно соблюдала договор о нацменьшинствах, из-за чего вступала в конфликты с поляками в Женеве.

Падение коалиционного правительства Д. Ллойд Джорджа в октябре 1922 г. и формирование консервативного кабинета Э. Бонар-Лоу, был менее критически настроенного к Польше, создали более благоприятную атмосферу для улучшения англо-польских отношений. На Конференции послов 15 марта 1923 г. Великобритания поддержала решение о признании восточной границы Польши с советскими республиками и Литвой. Но не торопилась с предоставлением Польше, переживавшей экономический кризис, технической и материальной поддержки. В Варшаве быстро пришло понимание, что финансовая помощь от Великобритании была связана со слишком большим количеством обязательств со стороны банкиров и казначейства [12, с. 135–160].

Приход в январе 1924 г. к власти лейбористского правительства во главе с Дж. Р. Макдональдом также не предвещал скорых позитивных перемен в польско-британских отношениях. Опасения поляков усилились, когда в феврале 1924 г. министр внутренних дел А. Хендерсон призвал провести международную конференцию для рассмотрения вопроса о пересмотре Версальского договора, шаг, который он охарактеризовал как «необходимый» и «запоздалый» [13]. Призыв Хендерсона был встречен с тревогой и волнением как в Варшаве, так и в британском обществе [14, 15, 16].

Польский министр иностранных дел в 1922–1926 гг. (с перерывами в различных правительствах) А. Скшиньский в своей книге «Польша и мир» [17], изданной на английском языке [18] в 1923 г., дал подробное и исчерпывающее объяснение своего отношения к Великобритании. Как объяснял Скшиньский, в своей дипломатии на британском направлении он пытался апеллировать к «нации лавочников», продавая идею о том, что дружба Польши чего-то стоит. Он сочетал бурное восхваление британских ценностей и достижений с деликатным утверждением о Польше как державе, с которой нужно считаться в Восточной и Центральной Европе, поскольку она обладала огромными природными богатствами, потенциально емким рынком сбыта и важным положением в балтийском регионе, который, как он ошибочно полагал, Британия рассматривала с растущим интересом. Кроме того, Польша была буфером между Германией и Советским Союзом, но она также могла служить мостом для экономической эксплуатации России. Поэтому Скшиньский считал «почти необходимостью», чтобы Польша принималась во внимание в «мирных и экономических устремлениях Великобритании» в этом регионе. В силу

общности интересов министр призывал Великобританию рассматривать Польшу как «своего самого легкодоступного союзника», а не как «априори чуждое ей государство, неспособное играть определенную роль в ее системе европейской политики» [18, с. 146–150].

Британские дипломаты, однако, не были впечатлены аргументами Скшиньского и весьма скептически относились к нему самому. Ни сам польский министр иностранных дел, ни его идеи не были хорошо приняты в Форин-офис [19, с. 26–27]. В Великобритании воспринимали Польшу в лучшем случае как источник проблем и большого риска: ее границы отнюдь не были безопасными, постоянно поступали сообщения о притеснениях украинского и еврейского населения, и, что самое опасное для Лондона, она была, как полагали англичане, вассалом Франции.

Британские официальные лица трактовали польскую дипломатию с некоторым пренебрежением. У Великобритании была масса более важных проблем как в империи, так и в мировой политике, и Польша явно не входила в их число [20, с. 96]. Такое безразличие расстраивало и разочаровывало поляков. Вероятнее всего, такое положение дел может быть объяснено в первую очередь тем, что существенные расхождения британских и французских интересов после войны препятствовали тесным связям между Лондоном и франкофильской, по сути, Варшавой. К тому же Германия была одним из главных торговых партнеров Великобритании, так что отношение Лондона к государству, которое экономически ослабило ее, забрав Верхнюю Силезию, не могло быть позитивным.

Польский МИД, в свою очередь, не мог спокойно относиться к популярной в Великобритании идее, что Версальский договор несправедливо перекроил карту Европы и что меньшим государствам придется пойти на жертвы, чтобы удовлетворить претензии Германии и Советской России. Польша была озабочена своей безопасностью и в этом заключалась одна из главных причин ее союза с Францией, для которой навязчивой идеей также было противодействие пересмотру территориальных статей Версальского договора. Конечно, в Варшаве понимали необходимость поддержки со стороны Великобритании и, в идеале, британских гарантий ее безопасности. Однако, как показало Локарно, гарантии польской безопасности могла дать только Франция, но никак не Великобритания.

Таким образом, краткий анализ польско-британских отношений в 1920-е – начале 1930-х гг. позволяет сделать вывод о том, что Великобритания стала постепенно склоняться к признанию необходимости

мирного пересмотра Версальского договора. Эта позиция была результатом убежденности в том, что концепция комплексного решения всех спорных международных проблем, включая польский коридор, имеет большое значение для европейской безопасности в целом. В связи с этим в недрах британского МИД даже был подготовлен секретный план пересмотра статуса вольного города Гданьска и Польского Поморья [3, с. 120]. Конечно же, поляки были прекрасно осведомлены о таком положении дел, поэтому точку опоры в сохранении версальского миропорядка можно было искать только во Франции.

Обращаясь к рассмотрению итальянского направления во внешней политике Польши, будет важно отметить, что несмотря на то, что Италия поддержала Польшу в польско-советской войне (в том числе поставками оружия), отношения между двумя странами в межвоенный период находились на периферии международной политики и лишь несколько раз приобретали особую интенсивность.

Отправной точкой для любых рациональных оценок польско-итальянских отношений в межвоенный период является тот факт, что, как и в случае с Великобританией и Францией, это были отношения между странами, находящимися в близком, но различном положении в договорной стратификации. Сам факт, что итальянские делегаты на Парижской конференции вместе с представителями признанных великих держав решали судьбу возрождающегося польского государства, определил отправную точку двусторонних отношений. Общеизвестно, что принадлежность Италии к числу великих держав вызывала больше всего сомнений, особенно в моменты, дававшие Риму определенные преимущества. Первым камнем преткновения стало получение Италией постоянного места в Совете Лиги наций [21, с. 16–17]. Дискуссии, раз за разом поднимавшиеся на эту тему, особенно по случаю ежегодных выборов в Совет Лиги, имели свой объективный источник в том, что Италию межвоенного периода можно считать государством, замыкающим список великих держав. Польша же также активно претендовала на статус великой державы, в связи с чем видела в лице Италии вполне реального конкурента.

Развитие советско-германских отношений в середине 1920-х гг. вызывало беспокойство в Варшаве. А Италия Б. Муссолини, недовольная результатами Парижской мирной конференции, требовала пересмотра иерархии государств европейского субконтинента и территорий, которые ей были обещаны Лондонским договором 1915 года, так что в Риме продолжали лелеять надежды на получение этих территорий. В Варшаве были прекрасно осведомлены об итальянских

устремлениях, поэтому уже в ноябре 1926 г., проведя анализ международной ситуации, Пилсудский пришел к выводу, что итальянцы, не получившие никаких колоний и сталкивающиеся с проблемой перенаселения, могут спровоцировать «землетрясение» в Европе [22, с. 264]. Польшу же на том этапе существующее территориальное устройство вполне удовлетворяло, она не собиралась примыкать к лагерю ревизионистов и раскачивать только что установившийся европейский статус-кво.

Предметом постоянных нападок Рима стал Париж, который он постоянно обвинял во вредительстве итальянским интересам. Отчасти это объяснялось ведущей ролью Франции и Ж. Клемансо в становлении Версальской системы. По замыслу ее творцов, она была призвана подавить Германию, однако очень скоро она перестала удовлетворять и Италию, повсеместно создавая атмосферу *vittoria mutilata*³. В подобной ситуации сближение Рима и Берлина было лишь вопросом времени.

Сложившаяся после первой мировой войны система европейских отношений оказывала неблагоприятное воздействие на развитие польско-итальянских отношений – Франция была главной опорой для Польши, а для Италии это был главный враг [23, с. 228].

Кратко обозначенное выше положение Польши и Италии в европейской конфигурации объясняет основные трудности в двусторонних отношениях. В то время поддержание отношений на уровне доброжелательного нейтралитета было оптимальным вариантом для обеих стран.

Среди вопросов, существенно портивших польско-итальянские отношения, одно из главных мест занимало объединение судеб Гданьска с Фиуме (Риека). Итальянские дипломаты были против включения Данцига в границы польского государства. Более того, они остались неудовлетворены постановлением Версальского договора о создании вольного города Данцига, опасаясь, что в обсуждаемом мирном договоре с Австрией Фиуме может разделить судьбу Данцига. Тем не менее, уже в начале 1923 г. именно итальянцы стали инициаторами окончательного урегулирования статуса восточной границы Польши. Эта инициатива принадлежала к числу наиболее часто упоминаемых в Польше действий Италии, демонстрирующих ее пропольский характер [23, с. 230–232].

Отдельное место в польско-итальянских отношениях занимают фигуры Муссолини и Пилсудского. Несмотря на то, что многие публицисты проводили параллель между двумя диктаторами и их режимами,

³ Изуродованная победа (итал. *vittoria mutilata*) – понятие, введенное итальянским поэтом Габриэле Д'Аннунцио в конце Первой мировой войны для описания неудовлетворенности территориальными приобретениями Италии.

в действительности же общих черт у них было мало (если они были вообще, за исключением схожести прихода к власти: майский переворот в Варшаве в 1926 г. был во многом поход на устроенный Муссолини в октябре 1922 г. поход на Рим). «Не думайте, – сказал Пилсудский 26 августа 1926 г. в разговоре с польским дипломатом В. Барановским, – чтобы я в системе управления хотел собезьянничать фашизм Муссолини. Эти заграничные образцы, которые могут впечатлить наших националистов, совсем не соответствуют польской психике и не в моем вкусе» [24, с. 131]. Высказанные взгляды можно считать стабильным элементом политического мировоззрения Пилсудского.

Впрочем, у двух диктаторов была общая черта – критическое отношение к Лиге наций. Даже в период апогея расцвета Лиги ни Муссолини, ни Пилсудский не верили в эффективность ее деятельности. С особым сомнением они подходили к идее коллективной безопасности, опирающейся на многосторонние договоры. Изменения, происходившие в международной политике в годы Великой депрессии, усилили их стремление укрепить международные позиции Польши и Италии. Тем не менее, пути достижения этой цели были принципиально разные. В 1932 г. Муссолини взял курс на активизацию внешней политики Италии с целью создания империи. Пилсудский, напротив, шел иным путем, намереваясь упрочить международное положение Польши с помощью договоров о ненападении с СССР и Германией.

С течением времени цели, которые перед собой ставила Лига наций, оказались в принципиальном противоречии с устремлениями Италии и Германии. Ярким выражением этого стала идея «Пакта четырех», приписываемая некоторыми исследователями итальянцам [23, с. 236]. Когда в середине марта 1933 г. на небосводе международных отношений замаячила идея пакта, направленного на формализацию сотрудничества основных европейских государств и, по сути, возвращению к концерту великих держав, реакция остальных стран, особенно опасавшихся ревизионистских тенденций, была резко негативной. Дискуссии о «Пакте четырех» сопровождались небывалым прежде ухудшением польско-итальянских отношений. Подобное положение дел вполне понятно, ибо Польша, находящаяся в рейтинге европейских государств в непосредственной близости от Италии, не могла согласиться с тем, чтобы ее судьбу решали третьи страны. Кроме того, очевидной целью этого соглашения, по крайней мере с точки зрения Германии, было создание себе дополнительных опорных точек для пересмотра Версальской системы. Направление этих тенденций было обозначено еще в 1925 г. в форме Локарнских соглашений.

Итальянская же дипломатия руководствовалась совершенно иными мотивами. Их суть заключалась в том, чтобы в этом квартете

Италия стала посредником. По мнению некоторых исследователей, Муссолини придерживался этой идеи вплоть до начала 1940-х гг. и достиг в этом направлении немалых успехов. С итальянской точки зрения, эти действия объяснялись тем, что сохранение за Италией важного места в международной политике, по крайней мере в европейской, прямо зависело от исполнения ею функции посредника в обостряющемся конфликте между Германией, с одной стороны, и государствами, испытывающими с ее стороны угрозу, с другой.

Таким образом, кратко обрисованное развитие польско-итальянских отношений в межвоенный период вполне объясняет причины отсутствия положительной динамики в двусторонних отношениях в общем, а также причины, по которым Польша не могла предпочесть итальянскую ориентацию французской. Основная причина, безусловно, крылась в разнонаправленности целей, которые определяли внешнюю политику двух государств. Итальянцы вышли из Первой мировой войны глубоко убежденными в обмане, который совершили против их жизненно важных интересов другие европейские державы, особенно Франция. На этой волне, последовательно поддерживаемой националистически настроенными фашистскими кругами, обогащалась и конкретизировалась программа исправления несправедливости. По отношению к Версальской системе эти настроения с самого начала носили деструктивный характер. Покидание Италией сообщества государств, считающих версальский миропорядок своим детищем, ослабляло всю конструкцию, главной опорой которой была Франция. Поэтому именно вокруг Франции сосредоточились государства, живо заинтересованные в сохранении территориального статус-кво.

Источники и литература

1. Nowak-Kiełbikowa, M. Polska – Wielka Brytania w latach 1918–1923 / M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa, 1975. – 444 s.
2. Nowak-Kiełbikowa, M. Stosunki polsko-brytyjskie w okresie pierwszego rządu labourzystowskiego (styczeń–październik 1924) / M. Nowak-Kiełbikowa //Kwartalnik Historyczny. T. 91. №. 4. 1984. – S. 807–844.
3. Nowak-Kiełbikowa, M. British Policy Towards Poland in the 1930s / M. Nowak-Kiełbikowa //Acta Poloniae Historica. T. 40. 1979. – S. 97–122.
4. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914-1939: w świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – London, 1975. – 456 s.

5. Cytowska-Siegrist, E. Z zagadnień polityki włoskiej w Europie Środkowej w początkach lat trzydziestych // *Studia z Dziejów ZSRR i Europy Środkowej*. T. 8. 1972. – S. 111–126.

6. Sierpowski, S. Stosunki polsko-włoskie w latach 1918–1940 / S. Sierpowski. – Warszawa, 1975. – 689 s.

7. Sikorski, T., Wątor, A. Stanisław Kozicki o Action Francaise, Mussolinim, faszyzmie i stosunkach polsko-włoskich. Zapiski z rozmowy Michała Gwałberta Pawlikowskiego ze Stanisławem Kozickim [14 VIII 1928 r.] // *Polish Biographical Studies*. № 6. 2018. – S. 197–208.

8. Политический дневник советской делегации в Лондоне за 1–30 августа 1920 г. // *Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов в четырех томах*. Т. 1. 1918–1926. М., 2017. – 628 с.

9. Charles, E. Callwell. Field Marshal Sir Henry Wilson, His Life and Diaries. Vol. II. / E. Charles. – London, 1927. – 390 p.

10. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Series. Vol. VII. London, 1958. – 744 p.

11. D'Abernon, E. V. An ambassador of peace: pages from the diary of Viscount D'Abernon. (Berlin, 1920–1926) / E. V. D'Abernon. – London, 1929. – 332 p.

12. Wandycz, P. S. France and Her Eastern Allies, 1919-1925: French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno / P. S. Wandycz. – Minneapolis, 1962. P. 135–160. – 454 p.

13. Дебаты в Палате Общин. 27 февраля 1924. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1924-02-27/debates/f07d0ac4-b8c0-4aa2-adcc-3f04e1d6bbf2/ForeignPolicy\(Ministers Statements\)](https://hansard.parliament.uk/Commons/1924-02-27/debates/f07d0ac4-b8c0-4aa2-adcc-3f04e1d6bbf2/ForeignPolicy(Ministers%20Statements)) – Дата доступа: 23.04.2022.

14. «Westminster Gazette». 28.02.1924. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002947/19240228/131/0006> (дата обращения 23.04.2022).

15. «The Scotsman». 26.02. 1924. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000540/19240226/178/0005> – Дата доступа: 23.04.2022.

16. «Kurjer Poranny». R. 48, 1924, no 63. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/124438/display/Default> – Дата доступа: 23.04.2022.

17. Skrzyński A. Polska a pokój / A. Skrzyński. – Warszawa, 1924. – 116 s.

18. Skrzyński A. Poland and Peace / A. Skrzyński. – London, 1923. – 154 s.

19. Dyman, T. S. Britain, Poland, and the search for security in Europe: Anglo-Polish relations, 1924–1934 / T. S. Dyman. – Illinois, 1985. – 437 p.

20. Курганский А.А. Польша во внешней политике Великобритании в межвоенный период (опыт контент-анализа парламентских дебатов) // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. № 9. 2015. – С. 94–100.

21. Sierpowski, S. Narodziny Ligi Narodów. Powstanie, organizacja i zasady działania / S. Sierpowski. – Poznań, 1984. – 310 s.

22. Borkowski, J. Józef Piłsudski o państwie i armii / J. Borkowski. – Warszawa, T. I. 1985. – 342 s.

23. Sierpowski S. Stosunki włosko-polskie na tle międzywojennej Europy // Przegląd Zachodni. № 5–6. 1986. – S. 225–240.

24. Nieznane rozmowy Józefa Piłsudskiego / [redakcja Leszek Sosnowski]. – Kraków : Biały Kruk, 2018. – 207 s.

УДК 930(410):94:327(438:4)«1929-1933»

Е. Н. Дубровко

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

БРИТАНСКАЯ ОЦЕНКА МЕСТА ПОЛЬШИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

В статье выявлена и охарактеризована британская оценка места Польши в европейской политике в условиях экономического кризиса в первой половине 1930-х годов, а также представлены дипломатические и торгово-экономические действия, которые Великобритания предпринимала, исходя из этой оценки. Автор доказывает, что британская дипломатия во многом исходила из экономических интересов Великобритании, которые не всегда подразумевали ответную заинтересованность Польши, что побуждало последнюю к попыткам дипломатического противодействия.

В исследованиях, посвящённых истории англо-польских отношений, можно найти крайне мало информации по вопросу экономических отношений [1; 2]. В историографии не так много работ, посвящённых

вопросам экономических отношений между Великобританией и Польшей в межвоенные годы. Это справедливо отметил польский историк К. Каня, чья обстоятельная статья, основанная на материалах экономической периодики, является одним из немногих исследований по этой теме [3]. При этом взаимосвязь экономических и дипломатических отношений в историографии обозначена. Присутствует она в исследованиях профессора В. Г. Трухановского [4, с. 157–162]. Крупные английские историки С. Д. Лоу и М. Л. Докрилл писали, что основной фактор британской политики – экономические интересы [5, р. 357]. В новых диссертационных исследованиях также уделено внимание экономической составляющей межгосударственных отношений [6, с. 97–101].

Экономические интересы стали играть особенно важную роль в период мирового экономического кризиса рубежа 1920-х – 1930-х гг. Этот кризис распространился на Великобританию в первом квартале 1930 г. Осенью 1931 г. он затронул уже и область финансов – опасения иностранных вкладчиков привели к оттоку капиталов из Лондона. Наибольшей силы кризис достиг во втором квартале 1932 г., охватив и сферу торговли, что проявилось в сильном сокращении поступлений от английского экспорта, доходов от размещённых за границей капиталов и доходов от судоходства. Для выхода из него 21 сентября 1931 г. был проведён через парламент закон об отмене золотого стандарта фунта стерлингов, что вызвало девальвацию валют ряда стран. В 1932 г. был введён закон об импортных пошлинах: был введён 10 % тариф, а на ряд промышленных товаров – протекционистский тариф 33,5%. Также на имперской конференции в Оттаве в августе 1932 г. были подписаны соглашения с доминионами, предусматривавшие торговые преференции [4, с. 181–188; 7, с. 14, 18]. Как отметила польская исследовательница М. Новак-Келбикова, в условиях кризиса хозяйственные вопросы начали доминировать во всех сферах государственной деятельности. В 1933–1934 гг. на первом месте для британского правительства и общества стояли по-прежнему вопросы экономические, связанные с выходом из кризиса [1, с. 252, 317]. Из внутриполитических перемен необходимо вспомнить приход к власти коалиционного национального правительства Р. Макдональда 17 октября 1931 г. (у власти останется до 7 июня 1935 г. – Е. Д.). Одной из ключевых задач этого Кабинета было преодоление экономического кризиса, что не могло не проявиться в его внешней политике, оценках международной ситуации и места в ней разных акторов.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать британскую оценку места Польши в европейской политике в условиях экономического кризиса в первой половине 1930-х гг.

Основу источниковой базы составили документы делопроизводства британского Кабинета, внутриведомственная переписка Форин оффис, международные соглашения, отразившие позицию тех политических и дипломатических кругов Великобритании, которые были причастны к принятию внешнеполитических решений в указанное время.

Приход к власти в Соединённом Королевстве на смену лейбористскому коалиционному кабинету, включавшего консерваторов, вызвал определённые ожидания в Польше. Как писала уже упомянутая польская исследовательница, лейбористы традиционно симпатизировали ревизионистским желанием Германии и оценивали Версальский договор как несправедливый, хоть и учитывали генеральную линию политики Великобритании, направленную на избежание конфликтов или их замирение, сохранение структур, сформированных в 1919 г., а также уменьшение разницы позиций Франции и Германии. Также Р. Макдональд и А. Гендерсон не могли игнорировать мнения Форин оффис и послов в европейских столицах. Многие английские политики не исключали территориальных изменений в регионе Поморского воеводства (то есть «польского коридора» или «данцигского коридора» – Е. Д.). Лейбористское правительство, хоть и не изложило своих взглядов, это тоже учитывало [1, s. 261–263].

В этих обстоятельствах приход в 1931 г. коалиционного (национального) правительства рассматривался в Польше как полезное изменение. Предполагалось, что этот Кабинет будет менее прогерманским, чем лейбористский. Главой Форин оффис до выборов октября 1931 г. был либерал маркиз Ридинг, после выборов – Джон Саймон, бывший юрист с консервативными взглядами.

Начнём с выяснения, как видела связь экономических и дипломатических вопросов британская сторона и какое место занимала Польша в этих оценках? Осенью 1931 г. К. Скирмунт, посол Польши в Лондоне, встретился с лордом Ридингом. В ходе встречи польский дипломат поднял вопрос связи политических отношений и экономических проблем. К. Скирмунт заявил, что не может быть улучшения экономической ситуации без политической разрядки, которая связана с урегулированием отношений между Берлином и Варшавой. По свидетельству польского посла, приведённого в исследовании белорусского историка Д. С. Климовского, глава британского Форин оффис с большим вниманием слушал изложение финансовых вопросов, данные о работе польских банков в Данциге (сегодня Гданьск – Е. Д.) и Верхней Силезии, но остальные аспекты польско-немецких отношений не вызвали пристального интереса и тем более заявлений о готовности оказать влияние на Германию [8, с. 185–186].

В ноябре 1931 г. преемником Ридинга стал Д. Саймон. 26 ноября он представил Кабинету оценку международной ситуации и политики Соединённого королевства. Этот меморандум был подготовлен в Форин оффис как ответ на текущие вызовы международной жизни: готовящуюся конференцию по разоружению (начнёт работу в феврале 1932 г. в Женеве – Е. Д.), а также конференцию по проблеме репараций (созыв её предложил Р. Макдональд для выработки политики, которой следовало придерживаться после окончания годовичного срока моратория на выплату репараций и возврат военных займов; она будет созвана в Лозанне 16 июня – 9 июля 1932 г. – Е. Д.). По мнению Форин оффис вопрос разоружения будет тесно связан с экономическими проблемами. В документе прослежена связь экономических и политических проблем: валютный кризис неизбежно ведёт к экономическому хаосу в Европе. Экономический хаос и все попытки справиться с ним, в свою очередь, затрагивают политические вопросы репараций и военных долгов. Соединенные Штаты связывают их с вопросом разоружения, а последнее, по мнению французского правительства, зависит от проблемы безопасности. Последняя, в свою очередь, поднимает вопрос о территориальном статус-кво в Европе (например, вопрос о восточной границе Германии), что подводит к конфликту между сохранением или пересмотром мирных соглашений. Давая характеристику места разных государств в системе международных отношений в такой ситуации, авторы меморандума писали о том, что Франция понимает безопасность не только от агрессии и вторжения, но и от пересмотра договоров, кроме как путём переговоров. США отказываются идти навстречу Франции в вопросе долгов. Франция отказывается идти навстречу Германии по вопросу репараций, если США не пересмотрит военные долги. США отказываются ослабить отток золота из Европы до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о разоружении и пока не будут устранены более опасные политические проблемы, такие как проблема восточной границы Германии. До тех пор, пока этот политический тупик не будет преодолен, экономическое сотрудничество Европы остаётся теоретическим идеалом, экономический кризис будет продолжать подрывать социальную и политическую структуру Европы [9, р. 4]. Рассматривая вариант выхода из этого «тупика» Форин оффис видело следующие схемы: США идут навстречу должникам по военным долгам, тогда кредиторы Германии идут на уступки в вопросе репараций. После чего Германию, удовлетворенную в вопросах разоружения и репараций, можно побудить принять в качестве окончательного решения по восточной границе более умеренный вариант, нежели полную реституцию; Польшу,

«столкнувшуюся с объединением Великобритании, Америки, Франции, Германии и Италии, возможно, можно было бы привести в более разумное расположение духа, хотя для неё необходимо было бы найти какую-то услугу за услугу, либо политическую, либо экономическую, либо и то, и другое вместе [9, р. 4–5]. Признаётся, что вопрос о восточной границе Германии (который включает в себя вопрос о польском коридоре, статусе Данцига и аннексированной части Верхней Силезии) является краеугольным камнем проблемы безопасности. Чем дольше Польша владеет этими территориями, тем больше они полонизируются, что делает проблему ещё более актуальной для Германии. По мере того, как требования Германии в других местах продолжают удовлетворяться, её требования, как правило, концентрируются на вопросе о восточной границе. Предполагается, что если бы Франция смогла добиться своих основных требований в другом месте, возможно, она не обязательно поддержала бы польские претензии, если бы они были слишком неудобными для её собственной политики [9, р. 7–8]. Говоря об отношениях Польши и Франции, подчёркивается, что Франция, «чей милитаризм вдохновлен искренним стремлением к миру, вероятно, отказалась бы от своей политики вооружённой обороны, если бы её можно было убедить, что она нашла удовлетворительную альтернативу. Польский альянс, например, сейчас является скорее помехой, чем преимуществом для Франции» [9, р. 7]. Такой перспективой могло бы быть подписание какого-либо гарантийного документа. Однако это допускалось лишь при условии, что британские риски будут сведены к минимуму, и особенно риск, связанный с вопросом о восточной границе. «Если удастся изменить нынешнюю границу таким образом, чтобы это устраивало Германию, не разжигая при этом вражды поляков, то, возможно, будет устранено самое большое препятствие для нашего принятия обязательств по протоколу. Более того, здесь есть все предпосылки для заключения сделки. В обмен на льготы на Висле Германию можно было бы попросить согласиться на некоторое усиление контроля Лиги Наций над Рейном». Рассуждая о возможности мирного изменения нынешнего статуса восточных границ Германии, авторы отмечали, что «Германия говорит, что это необходимо. Великобритания считает, что это целесообразно. Соединенные Штаты Америки (или, по крайней мере, мистер Гувер) считают, что пограничный вопрос лежит в основе всех наших политических и финансовых трудностей. Франция (или, по крайней мере, месье Лаваль) признаёт, что этот коридор является чудовищным. Но Польша (по словам М. Лавалья) скорее пойдет на войну, чем согласится на какие-либо изменения». Допускается, что в ходе переговоров удастся путём объединённого давления на Польшу «преодолеть даже

упрямство поляков без кровопролития. Европе следует осознать, что её спасению препятствует польская гордость, и поэтому польской гордостью нужно пожертвовать» [9, р. 12].

Как видим, в оценках Форин оффис в условиях мирового экономического кризиса экономические проблемы рассматривались в тесной связи с политическими. Решение политических вопросов считалось необходимым достигать объединёнными силами Великобритании, США, Франции, Германии и Италии. Польша рассматривалась как государство, от которого могут потребоваться уступки, хоть за них и предполагалась «компенсация», всё же участие её на равных в решении политических проблем не стояло в повестке дня.

Авторы меморандума следующим образом оценили положение Польши в системе европейских отношений: «Польша (ещё один соратник Франции по опасениям) связана с Румынией двойным страхом – перед Германией, с одной стороны, и перед Россией – с другой. Россия, плохой ребёнок в этой беспокойной детской, добавила социальной ненависти и страха к национальному» [9, р. 7]. Отмечалось, что «в настоящее время Франция и её союзники все повернуты лицом к Германии; но некоторые из них уже нервно оглядываются через плечо на врагов с других сторон. В ходе наступления на Германию Польша и Румыния, вероятно, уже нейтрализованы Россией; они вряд ли смогли бы вести войну на два фронта» [9, р. 7–8]. «Польша желает сохранить статус-кво, закреплённый за ней мирным урегулированием. Её географическое положение между двумя могущественными врагами, Германией и Россией, и меньшим врагом, Литвой, очень хрупкое, и вряд ли стоит удивляться тому, что она пыталась обезопасить себя военными союзами – с Францией (против Германии) и с Румынией (против России). Польский вопрос, включающий в себя вопросы Данцига, Коридора и Верхней Силезии, является одной из величайших трудностей в связи с общей проблемой безопасности» [9, р. 10].

В период экономического кризиса связь между политическими и экономическими вопросами прослеживается в документах британского кабинета всё чаще. Так, в декабре 1931 г. глава торговой палаты Великобритании в своём выступлении в Кабинете подчёркивал, что большая доля французского капитала была инвестирована в польскую угольную промышленность. Это способствовало дискриминации британских импортёров по сравнению с польскими во Франции через введение дополнительного налога и снижение квоты на британский уголь [10, р. 195–197]. Эти обстоятельства экономического характера упрочивали связь между Францией и Польшей, одновременно осложняя

англо-польские отношения. Пример обратного влияния – политических событий на экономические интересы находим в выступлении главы комитета рыбной промышленности. При анализе причин сокращения экспорта, в частности маринованной сельди, чьим основным потребителем была ранее Россия, а сейчас основными рынками стали Германия, Латвия и Польша, в декабре 1931 г. он отметил, что политические трения между государствами препятствуют торговле. Польско-литовский спор из-за Вильно, разногласия по поводу функционирования транспортных коридоров между Данцигом и Польшей, Данцигом и Германией и различные другие нерешённые дипломатические вопросы – всё это создавало препятствия на пути оживления и развития торговли [11, р. 31].

Далее посмотрим, какие действия предпринимались британской дипломатией, исходящей из обозначенных оценок?

Осознавая важность экономических вопросов для британской политики, глава польского министерства иностранных дел А. Залеский в ходе визита в Лондон в середине декабря 1931 г. пытался использовать доводы торгово-экономического характера для противостояния идеям ревизии версальских границ. Он говорил, что большая часть внешнеторгового оборота Польши проходит через Поморье, то есть «коридор», не стоит предпринимать политические шаги, которые бы мешали экономическому восстановлению. Ю. Липский, входивший в состав делегации, в беседе с начальником департамента стран Центральной Европы Г. Серджендом предлагал вариант создания блока государств в Центральной Европе, который мог бы противостоять Германии и СССР, и при условии получения кредитов мог бы стать рынком для Великобритании [1, с. 295–299; 8, с. 190–192]. Однако констатировать, что эти доводы значительно повлияли на политику Великобритании, не приходится.

В условиях сохранения кризисных явлений в конце 1931–1932 г. страны Европы сделали ставку на введение протекционистских тарифов, что обострило отношения между ними. О мерах, предпринятых Великобританией в этом направлении, писалось выше. Польское правительство 21 декабря 1931 г. издало так называемые «кризисные реестры» по импорту и повышению пошлин. В Германии с 23 января 1932 г. были введены высокие пошлины на польское масло [8, с. 197–198].

В этих условиях 16 июня 1932 г. начала работу конференция в Лозанне под председательством Р. Макдональда. 9 июля 1932 г. она приняла решение о прекращении действия «плана Юнга», и о том, что Германия должна передать Банку международных расчётов правительственные облигации на сумму 3 млрд. марок с указанием схемы

их выкупа и выплаты процентов по ним. Эта схема принималась в счёт окончательного погашения репараций [12, с. 21]. Также в заключительный акт конференции была включена «Резолюция, касающаяся Центральной и Восточной Европы». Она предполагала назначение комиссии, которая будет разрабатывать программу мероприятий, необходимых для восстановления стран региона. Должны были быть разработаны мероприятия по упразднению государственного валютного контроля, оживлению торговли. Было предложено правительствам этих стран, в том числе Польши, назначить в эту комиссию своих представителей. Эта резолюция вызвала сразу же заявление делегации Румынии, отметившей, что принять и парафировать этот документ она, как приглашённое государство, не может без тщательного изучения правительством [12, с. 25]. Недоверие Румынии не было исключением. В связи с переговорами в Лозанне у польских политиков возникли подозрения, что там могут быть достигнуты договорённости о переустройстве Европы. Тем более, что в Лозанне 13 июля 1932 г. была подписана англо-французская декларация, которая помимо прочего гласила, что стороны намерены согласовывать свои позиции по всем репарационным вопросам, а также вопросам о переустройстве Европы. Германия, Бельгия и Италия были приглашены присоединиться к этому пакту. Правда, документ так и остался декларацией [1, с. 283–285]. Однако само его появление подтверждает принятие Великобританией стратегии, обозначенной в упомянутом выше меморандуме Форин оффис: достижение договорённости между основными игроками международных отношений и лоббирование их совместными усилиями желательных решений. Польше в британских оценках роль такого игрока не предполагалась.

Каковы же были ответные шаги Польши? В указанных обстоятельствах Польша сделала реверанс в сторону восточного соседа. 25 июля 1932 г. в Москве был подписан польско-советский договор о ненападении. Уже 28 июля 1932 г. британский представитель из Варшавы писал, что с точки зрения Польши договор будет иметь положительный эффект, действуя как политическая разрядка в Восточной Европе, он поспособствует росту уверенности, финансовая ситуация и экономическое положение улучшатся. Он высказал мнение, что польское правительство рассчитывает, что договор поспособствует улучшению отношений Польши и с её западными соседями [13, р. 240]. Однако польский реверанс пришёлся на период обострения англо-советских отношений: 16 октября 1932 г. английское правительство в одностороннем порядке разорвало торговое соглашение 1930 г. с СССР. Начавшиеся в скором времени переговоры о новом торговом

соглашении шли сложно. В марте 1933 г. они были прерваны в связи с делом «Метро-Виккерс», в апреле Великобритания ввела эмбарго на советский экспорт. Только 1 июля торговая война завершилась и переговоры были возобновлены 3 июля. Лишь к началу сентября выработка временного торгового соглашения была завершена [14, с. 256–280]. В этих обстоятельствах в беседах с английскими дипломатами польские политики очень сдержанно комментировали факт заключения польско-советского договора. 7 декабря 1932 г. У. Эрскин, британский посол в Польше, писал из Варшавы Дж. Саймону о беседе с министром иностранных дел Ю. Беком и теме польско-советского пакта. По словам главы польского министерства иностранных дел, советская сторона будет придерживаться договора, пока он ей будет подходить, польское правительство продолжает рассматривать союз с Румынией как фундаментальную основу своей политики [13, р. 284–285]. Что касается улучшения экономического положения, тоже всё оказалось не просто: стороны не спешили заключать торговый договор. Визит в Польшу в мае 1933 г. представительной хозяйственной делегации во главе с замнаркома внешней торговли И. В. Боевым имел результатом лишь подписание протокола о расширении товарооборота между Польшей и СССР. Поездка Ю. Бека в Москву в феврале 1934 г. также не принесла ощутимых результатов в направлении заключения торгового договора. Договор будет подписан лишь 19 февраля 1939 г. [6, с. 101; 15, с. 414].

Эта сдержанность польских политиков и акцентирование потенциальной пользы от договора для улучшения польско-германских отношений, которое лоббировала Великобритания, на наш взгляд, были частично обусловлены торгово-экономическими интересами Польши. На английский рынок поляки экспортировали в основном строительную древесину, дрова, доски, цемент, бондарные изделия, мебель, нефтепродукты, рожь, ячмень, птицу (гусей). Ввозили в Польшу из Великобритании сельдь, шерсть, хлопок, текстиль, перец, чай, кофе, какао, кожаную продукцию, сельскохозяйственную технику, велосипеды, одежду, рис, свиные жиры, медикаменты, станки по металлу, изделия из каучука. В 1928 г. Великобритания была на четвертом месте (226,7 млн злотых) среди стран, в которые поступал польский экспорт, опередили её: Германия – 858,8 млн, Австрия – 311,4 млн и Чехословакия – 295,6 млн. Соединённое королевство занимало третье место среди стран, ввозивших товары в Польшу, после Германии и США [3, с. 17]. В 1930–1931 гг. экспорт на британский рынок характеризовался, вопреки общей тенденции, ростом динамики. В 1930 г.

он составлял 294 млн зл. (второе место после Германии 627 млн зл.). Основные товары польского экспорта: мясные изделия, частично обработанная древесина, сахар, яйца и шерстяная пряжа. В 1931 г. экспорт увеличился до 318 млн зл., так как со стороны Лондона не было ограничений, в 1931 г. Великобритания впервые оказалась на первом месте среди стран, куда поступал польский экспорт [3, s. 18]. В то же самое время Польша вводила ограничения на ввоз товаров, английский импорт в Польшу сокращался. Проблема возникающего избыточного импорта над экспортом в Великобритании вызвала введение в конце 1931 г. таможенного протекционизма. Это, конечно, ударило по польскому экспорту в эту страну. Защита отечественного производства и введение ограничений на импорт в Польше сказались, в свою очередь, на ввозе из Великобритании. Импорт сократился в 1932 г. до 74,8 млн зл. [3, s. 19]. Великобритания в статистике Польши в 1932–1933 гг. занимала третье место среди стран, поставлявших товары в Польшу, сразу после Германии и США [3, s. 20]. Одновременно Великобритания являлась лучшим покупателем Польши – на её долю в 1933 г. приходилось 19 процентов (в стоимостном выражении) британского экспорта, за ней следовала Германия с 17 процентами [14, p. 294]. То есть Великобритания была для Польши очень значимым торговым партнёром, чью позицию, особенно в условиях кризиса, необходимо было учитывать.

Каково же было место Польши в торгово-экономической политике Великобритании? Несомненно, в условиях кризиса Великобритания делала ставку прежде всего на внутриимперскую торговлю. Как уже отмечалось, в августе 1932 г. прошла имперская конференция в Оттаве, были подписаны соглашения, устанавливавшие преференции в торговле с доминионами. Однако торговые партнёры за пределами империи также постоянно оставались в зоне внимания. В июле 1933 г. в представленном в Кабинет меморандуме о торговых отношениях с зарубежными странами глава торгового ведомства представил программу развития торговли. Он обозначил основные принципы для выбора стран, с которыми планируется вести торговые переговоры и заключать соглашения. Это, во-первых, установка, что Великобритания будет занимать сильную позицию в переговорах со странами, чей торговый баланс с нею благоприятен для них, и во-вторых, установка на то, что экономика других стран дополняет британскую (т. е. это страны, которые заинтересованы главным образом в экспорте сырья или продуктов питания в Соединенное Королевство). Эти два принципа, по мнению главы торгового ведомства, предлагали наибольшую

перспективу успеха и требовали минимальных уступок с британской стороны. Давая перечень таких стран, он на первое место поставил Россию, на второе и третье – три балтийских государства и Польшу. Отдельно было подчёркнуто, что существует особая причина для скорейших переговоров с Польшей, поскольку новый польский тариф, предусматривающий значительно повышенные пошлины на промышленные товары, вступит в силу в октябре 1934 г. [17, р. 194–195].

В соответствии с этой программой 16 февраля 1934 г. состоялось подписание англо-советского торгового соглашения [14, с. 286]. Шли переговоры и с Польшей: торговая миссия посетила Польшу в марте 1934 г., а собственно переговоры начались в июне 1934 г. С этой даты польская делегация постоянно находилась в Лондоне [16, р. 294–296]. 6 декабря 1934 г. в Лондоне обе страны подписали угольное соглашение, которое положило конец периоду конкурентной борьбы, длившейся с 1926 по 1934 г. [3, с. 21]. Экспорт в Великобританию из Польши в 1934 г. вырос до 192 млн зл. Самые важные товары польского экспорта: древесина и изделия из древесины, мясо, яйца, зерно и мука, текстильные изделия. Импорт из Великобритании вырос не сильно и составил 86 млн зл.: свежая и соленая рыба, кожа, мех и кожаные изделия, драгоценные металлы и изделия из них, машины и аппараты [3, с. 22].

Каким образом экономические и дипломатические отношения были связаны? Показательным для ответа на этот вопрос является тот факт, что для обсуждения отчёта экономического консультативного совета на заседании Кабинета привлекались представители внешнеполитического ведомства. В частности, в декабре 1934 г. в Форин оффис были сформулированы «соображения имперской внешней политики» для учёта в ходе переговоров. Особо подчёркивалось, «что касается внешней политики, то сокращение сверх определённого предела экспорта из стран, экономика которых связана с нашей, не может не сказаться на наших общих отношениях с этими странами, а также на их внутренней стабильности <...> Экспорт бекона важен не только для Дании, но и в большей или меньшей степени для Голландии, Польши <...> Скандинавские и прибалтийские страны, дружба которых с нами является важным политическим фактором, <...> оказались бы в числе пострадавших, если бы были введены какие-либо ограничения на импорт сливочного масла и яиц» [18, р. 291]. Как видим, экономические отношения были тесным образом переплетены с дипломатическими. Однако, несмотря на благоприятствующие торговым договорённостям рекомендации британских дипломатов, ход англо-польских коммерческих переговоров затянулся. В январе 1935 г. глава торговой палаты представил отчёт о четырёх месяцах переговоров. Он признавал,

что «новое польское государство занимает то, что можно охарактеризовать как одну из ключевых позиций в экономике Европы, и, на мой взгляд, по всем основаниям крайне желательно, чтобы мы укрепляли и развивали наши коммерческие отношения с Польшей». Однако переговоры были охарактеризованы как сложные. Анализируя причины сложностей, автор отчёта указывал на отсутствие опыта долгой международной экономической деятельности у польских властей: «Польша – новая страна, которая до настоящего времени полагалась скорее на разовые торговые сделки». Также помехой была широкая практика протекционизма: «Польша, хотя и является в основном сельскохозяйственной страной, хорошо развита в промышленном отношении. Поддерживается высокий уровень защиты, а тариф является чрезвычайно сложным. Кроме того, Польша защищает свой обмен посредством системы запретов на импорт, которые затрагивают около 75 процентов импорта из Соединенного Королевства». Ещё одна помеха – непреклонность Польши в вопросе гарантий для её экспорта: «Польское правительство по политическим и другим причинам очень стремилось получить точные гарантии относительно будущего своей торговли с этой страной сельскохозяйственной продукцией, особенно беконом, на долю которого приходится около трети от общего объема торговли Польши с Соединенным Королевством» [16, р. 294]. Поскольку торговый баланс в начале 1930-х гг. складывался в пользу Польши – в 1933 году импорт из Польши в Великобританию составил 6,6 млн фунтов стерлингов, а экспорт в Польшу из Великобритании составлял 2,7 млн фунтов стерлингов, плюс реэкспорт – 1,1 млн – британская сторона была заинтересована в продвижении своих товаров, в том числе из колоний. Великобритания стремилась добиться освобождения колониальной торговли от правил компенсационной торговли Польши, в соответствии с которыми импорт определённых классов колониальных товаров мог быть поставлен в зависимость от компенсационного экспорта определённых классов польских товаров или уплаты специальных пошлин вместо них [16, р. 295]. Также сложности вызывал вопрос о перевозках товаров: «Польша полна решимости приложить все усилия для создания национального торгового флота и очень ревниво относится ко всему, что, казалось бы, мешает ей продвигать интересы судоходства». Рассуждая о перспективах развития торговли между странами, глава торговой палаты заключал, что эффект «зависит в значительной степени от развития покупательной способности Польши, финансового положения польских трейдеров, курса валют, конкурентоспособности других стран, усилий, предпринимаемых экспортёрами Соединенного королевства, чтобы воспользоваться предоставляемыми

им возможностями, и, последнее, но не менее важное, доброй воли со стороны Польши в поощрении торговли Соединенного королевства и в соблюдении духа и буквы торгового соглашения» [16, р. 294–296]. Таким образом, две крупные проблемы британской экономики начала 1930-х гг. – упадок торгового судоходства и пассивность торгового баланса [4, с. 228–229] – явно отразились в торговых переговорах с Польшей. Лоббирование британской позиции по обоим этим направлениям соответствовало экономическим интересам страны.

30 января 1935 г. Кабинет министров уполномочил главу торговой палаты заключить соглашение по направлениям, указанным в его меморандуме [19, р. 94]. Торговое соглашение было подписано 27 февраля 1935 г. Оно распространялось на британские колонии и подмандатные территории, что имело большое значение для польского экспорта. Это был тарифный договор с большим количеством скидок, содержащихся в двух списках. В первом – для товаров, произведённых в Соединённом королевстве, во втором – для товаров из колоний и подмандатных территорий. Общее количество таможенных скидок, предоставленных Великобритании, составило 421. По словам польского исследователя К. Кани «Польша не могла отказаться от соглашения, поскольку была бы лишена возможностей экспорта в Англию, которая в то время была самым важным получателем польских товаров, сохраняя эту позицию до 1938 г.» [3, с. 24–25]. Таким образом, можно сказать, что Великобритании удалось реализовать задачу по расширению возможностей экспорта своих товаров в переговорах с Польшей.

Однако, как оценивали британские дипломаты, англо-польские торгово-экономические отношения? В исследованиях отмечена проблема конкуренции английских и немецких товаров на европейском рынке [4, с. 235–236]. Как видно из приведённой ранее статистики, Германия устойчиво занимала одно из ведущих мест среди торговых партнёров Польши. И это в условиях, когда экономические отношения этих стран переживали не самые лёгкие времена: с середины 1920-х гг. между этими странами развернулась таможенная война. 17 марта 1930 г. в Варшаве было заключено польско-германское торговое соглашение, которое в случае ратификации могло положить конец таможенной войне, но оно не вступило в силу. В 1932 г. Германия ввела максимальные импортные пошлины на многие польские товары; зеркальные меры были приняты польской стороной. Однако в октябре 1933 г. начались торговые переговоры Германии с Польшей, 7 марта 1934 г. в Варшаве был подписан протокол о прекращении таможенной войны [6, с. 98]. Наконец, 4 ноября 1935 г. было подписано

польско-германское соглашение об экономическом сотрудничестве, что могло усилить конкуренцию британским торгово-экономическим интересам в Польше со стороны Германии.

В начале 1936 г. сотрудники Форин оффис представили комментарии по вопросу немецкой конкуренции. Британские дипломаты, рассматривая экономическую экспансию Германии, исходили из того, что «нацизм не причина, а симптом экономических сложностей». С их точки зрения в случае отсутствия какого-либо экономического союза с Великобританией, Францией или СССР наилучшим экономическим решением для Германии, вероятно, была бы организация рынка в Центральной и Южной Европе. Допускалось, что растущая экспортная торговля Германии в эти районы послужила бы «полезным дополнительным предохранительным клапаном. Если бы мы могли способствовать такой естественной тенденции каким-либо взаимным актом самоотречения, согласно которому мы отказались бы от наших прав на режим наибольшего благоприятствования в Центральной и Восточной Европе в обмен на ограничение Германией интенсивной конкуренции в Скандинавии и Прибалтике, эта тенденция могла бы усилиться и канализироваться. Это тенденция, которая, возможно, уже действует в Польше, где немецкий экспорт собирается увеличиваться в соответствии с недавним коммерческим соглашением, согласно которому польский импорт немецких товаров должен быть удвоен, если Германия продолжит закупать польскую сельскохозяйственную продукцию». То есть рассматривалась возможность создания немецкого «аутлета» в Центральной и Восточной Европе, исходя из принципа, что этот регион представляет собой «естественное поле для немецкой торговли и промышленности» [20, p. 762–768].

Таким образом, в условиях экономического кризиса в первой половине 1930-х гг. торгово-экономические аспекты британско-польских отношений оказались тесно связаны с дипломатическими. Наряду с интересом к выгодам от британско-польской торговли, место Польши оценивалось Великобританией, прежде всего, исходя из проблемы обеспечения безопасности в Европе, для решения которой не исключались различные уступки (территориальные – со стороны Польши в пользу Германии; дипломатические – со стороны Франции за счёт Польши; экономические – со стороны Великобритании в пользу Германии в регионе Центральной и Восточной Европы).

Источники и литература

1. Nowak-Kiełbikowa, M. Polska – Wielka Brytania w dobie zabiegów o zbiorowe bezpieczeństwo w Europie 1923–1937 / M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1989. – 587 s.
2. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.
3. Kania, K. Stosunki handlowe polsko-angielskie w latach 1918–1939 / K. Kania // Krakowskie Studia Małopolskie. – 2006. – № 10. – S. 7–33.
4. Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.
5. Lowe, C. J. The mirage of power: in 3 vol. / C. J. Lowe, M. L. Dockrill. – London : Routledge, 2002. – Vol. 2 : British foreign policy, 1914–1922. – 398 p.
6. Кузьмичёва, А. Е. Польско-французские отношения в 1933–1935 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.2 / А. Е. Кузьмичёва. – М., 2023. – 344 л.
7. Суслопарова, Е. А. Британские лейбористы: испытание кризисом 1931 г. / Е. А. Суслопарова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2009. – № 1. – С. 5–23.
8. Климовский, Д. С. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений (Из истории зарождения Второй мировой войны) / Д. С. Климовский. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 288 с.
9. Cabinet Papers (CP) № 301(31) – 331(31). 26.11.31 – 25.12.31 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023131035mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-225.pdf. – Date of access: 18.04.2024.
10. Conclusions of meetings of the Cabinet. Oct. 29 – Dec. 16. 1931 (72(31)–93(31)) // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-69.pdf. – Date of access: 18.04.2024.
11. CP № 1 (32)–50(32). 1.1.32–27.1.32 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-227.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

12. Заключительный акт Лозаннской конференции, 9 июля 1932 г. // Сборники документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению и др. – М. : НКИД, 1933. – С. 18–26.

13. Documents on British foreign policy (далее DBFP) 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London, 1958. – Vol. 7. – 808 p.

14. Майский, И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. / И. М. Майский. – М. : Наука, 1971. – 712 с.

15. Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М. И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2001. – 460 с.

16. CP № 1 (35)–45(35). 3.1.35–1.3.35. // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-253.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

17. CP № 151 (33)–200(33). 6.6.33–27.7.33. // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-242.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

18. CP № 226 (34)–305 (34). 17.10.34–31.12.34. // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-251.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

19. Conclusions of meetings of the Cabinet Jan. 9 – June 7. 1935 (1(35)–32(35)). // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-81.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

20. Documents on British foreign policy (further DBFP) 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London, 1976. – Vol. 15. – 791 p.

УДК 94 (476:4-470)“1921/1939”

В. М. Бароўская
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

ПЫТАННЕ ЭКСПАРТУ ДУБОВАЙ КЛЁПКІ Ў ГАНДЛЁВЫХ СУВЯЗЯХ БССР І ПОЛЬШЧЫ Ў 1921–1939 ГАДЫ

У артыкуле сцвярджаецца, што асновай экспартных аперацый паміж Савецкай Беларуссю і Польшчай у 1922–1927 гг. была дубовая

клёпка (французская, мемельская, біндэрная). Пачынаючы з 1928–1929 аперацыйнага года назіраецца рэзкі паварот на продаж дубовых вырабаў (калоды, дошкі, шпалы, шліперы, швелі, фрызы паркетныя, ванчосы і інш.) У пачатку 1930-х гадоў кан’юнктурныя змены на сусветным лясным рынку і растучая папулярнасць біндэрнай клёпкі амерыканскай спецыфікацыі замест мемельскай клёпкі ўнеслі свае карэктывы ў працэс ляснога экспарту паміж БССР і Польшчай. Беларуска лесаперапрацоўчай прамысловасць была вымушана змяняць тэхнічныя ўмовы і спецыфікацыі вытворчасці і дапасоўваць сваю дзейнасць пад запыты сусветнага рынку.

Рашэнне праблемы крыніц атрымання валюты для ажыццяўлення амбіцыйных праграм узнаўлення і мадэрнізацыі прамысловасці заставалася для палітычнага кіраўніцтва БССР адным з прыярытэтаў. Экспарт лесу не адразу стаў крыніцай папаўнення валютных рэзерваў: дэфіцыт і нізкая кваліфікацыя, якая мелася ў распраджэнні рабочай сілы, зношанасць асноўных сродкаў вытворчасці, адсутнасць крэдытавання (у тым ліку брокерскага, на якім традыцыйна раней асноўваўся экспарт лесу), праблемы з фрахтам, каласальныя ўнутраныя запыты ў прадукцыі лесаперапрацоўчай прамысловасці – ўсё гэта адцягвала ад звароту на сусветны лясны рынак.

У гістарыяграфіі пытанне гандлёвых сувязей БССР і Польшчы не станавілася самастойным аб’ектам даследаванняў. Першапачатковае асэнсаванне тэмы адбываецца ў рамках публіцыстычных артыкулаў (І. Адамайціс [1], І. Тэумін [2]) і на старонках штогадовых аглядаў дзейнасці Упраўлення ўпаўнаважанага Народнага камісара знешняга гандлю (НКЗГ) РСФСР пры СНК БССР [3]. У савецкай гістарыяграфіі варта вылучыць дысертацыю П. К. Краўчанкі [4], які абыходзіць сваёй увагай пытанне спрэчных момантаў паміж Упраўленнем ўпаўнаважанага НКЗГ РСФСР пры СНК БССР. Сучасная расійская і беларуская гістарыяграфія адзначана распрацоўкамі А. В. Барыкіна [5] і Д. У. Раманоўскага [6]. Адсутнасць прац, прысвечаных непасрэдна вывучэнню знешнеэканамічным адносінам БССР і Польшчы міжваеннага перыяду, наяўнасць дастатковай крыніцавай базы павышае актуальнасць прадстаўленай праблемы. Праблемы эканамічнай гісторыі ў навейшай гістарыяграфіі выклікаюць цікаваць даследчыкаў значна менш, чым гэта было некалькімі дзясяцігоддзямі раней, да пачатку 1980-х гг. Гэта датычыцца і гісторыі эканамічных адносін БССР і Польшчы ў 1930-я гг.

Змены ў кан’юнктуры рынку ў канцы 1920-х – пераарыентацыя з мягкіх парод дрэва на цвёрдыя пароды – рэзка павысіла попыт на сусветным рынку на беларускі дуб, які быў больш высокай якасці ў параўнанні з польскім, ці ўкраінскім. Адметнай асаблівасцю беларуска-польскага

экспарту дуба з'яўляецца спроба беларускага кіраўніцтва пашырыць наменклатуру тавараў, вырабленых з дубу. Калі ў 1922–1927 гг. аснову экспартных аперацый паміж Савецкай Беларуссю і Польшчай складала дубовая клёпка (французская, мемельская, біндэрная), то, пачынаючы з 1928–1929 аперацыйнага года, назіраецца рэзкі паварот на продаж дубовых вырабаў (калоды, дошкі, шпалы, шліперы, швелі, фрызы паркетныя, ванчосы і інш.) [7, арк. 47–48].

Згодна з пратаколам пасяджэння секцыі цвёрдых парод Цэнтральнага ляснога экспартнага бюро (ЦЛЭБ), якое адбылося 10 верасня 1925 г., указвалася, што «працы замежных апаратаў ЦЛЭБ і Гандлёвага прадстаўніцтва СССР у Польшчы, пры ўдзелу шэрагу адказных прадстаўнікоў зацікаўленых экспартных арганізацый выявілі, што магчымасць размяшчэння саюзнай мемельскай клёпкі (улічваючы ролю Польшчы і Чэхаславакіі, як пастаўшчыкоў) на замежных рынках вызначаецца ў колькасці каля 12–14 тысяч коп у год. У выпадку, калі адзіная здзелка па продажы ўсяго запасу мемельскай клёпкі не будзе ажыццяўлена, секцыя лічыць неабходным паставіць у самым тэрміновым парадку перад Калегіяй НКЗГ пытанне аб магчымых неспрыяльных для агульных вынікаў нашага ляснога экспарту вынікаў сепаратных выступленняў асобных лесаэкспарцераў, якія могуць быць да гэтага прымушаны фінансавымі меркаваннямі» [7, арк. 44].

Народны камсіарыят знешняга гандлю (НКЗГ) СССР паведамляў 11 жніўня 1925 г. Гандлёваму прадстаўніцтву СССР у Польшчы, што з-за таго, што «лесаэкспартнае бюро было арганізавана не пры ўсіх гандлёвых прадстаўніцтвах, таму на Берлінскае лесаэкспартнае Бюро ўскладваўся кантроль і назіранне за здзелкамі, якія заключаліся ў Польшчы і Данцыгу. Таму ў мэтах уліку савецкага лесаэкспарту і захавання за мяжой адзінага фронта, упраўленне рэгулявання просіла ўсе здзелкі па лесу, якія заключаліся ў Польшчы і Данцыгу, да іх зацвярджэння Гандлёвым прадстаўніцтвам накіроўваць на папярэдні разгляд Берлінскага лесаэкспартнага бюро» [8, арк. 60].

Улічваючы значныя аб'ёмы лясных паставак з БССР у Польшчу, быў накіраваны ўпаўнаважаны «Лесбела» (да 24 красавіка 1924 г. «Захалесу») у Гандлёвае прадстаўніцтва СССР у Польшчы. З 1923–1926 гг. ім быў Л. Г. Рубо, пасля Ф. А. Харланчук. Пры гэтым асноўным вектарам гандлю стала не толькі выключна Польшча, а хутчэй Германія, Бельгія, Галандыя, Англія. Пры гэтым польскія гандлёвыя арганізацыі імкнуліся купіць беларускі дуб у першую чаргу не для рэалізацыі на ўнутраным рынку, а для далейшага перапродажу на іншых еўрапейскіх рынках, зразумела па больш высокай цане. Таму большасць

гандлёвых аперацый ажыццяўлялася праз Данцыгскае аддзяленне Гандлёвага прадстаўніцтва СССР у Польшчы, якое стала цэнтрам продажу беларускага дуба.

Згодна з пратаколам Асобай нарады пры ЦЛЭБ па пытанні арганізацыі асобай секцыі па цвёрдым пародам 13 студзеня 1925 г. старшыня К. Х. Данішэўскі ўзняў пытанне арганізацыі такога падраздзялення з мэтай разгортвання працы ў накірунку рацыянальнага выкарыстання дубовай сыравіны і рэгулявання экспартных аперацый па цвёрдым пародам на знешнім рынку. Адзначаў небяспеку нарыхтоўкі выключна французскай і мемельскай клёпак з-за пашыранага іх попыту [8, арк. 259].

14 лютага 1933 г. Народны камісарыят лясной гаспадаркі СССР у сувязі з накіраваннем шматлікіх запытаў ад лясных гаспадарак быў вымушаны дакладана ўказаць тэхнічныя ўмовы і спецыфікацыі экспартнай біндэрнай клёпкі. У накіраванай інструкцыі ўказвалася, што «экспартная біндэрная клёпка нарыхтоўваецца трэстамі наступных асноўных тыпаў: 1) германская біндэрная клёпка; 2) біндэрная клёпка для экспартных бочак і 3) біндэрная клёпка амерыканскай спецыфікацыі, якая нарыхтоўваецца «Украінлесам» і «Лесбелам» узамен дубовых шпал. Пры гэтым мемельская клёпка выкарыстоўвалася для вытворчасці піўных, зімніх бочак і чаноў, уяўляла сабой выкалатыя з дубовых калод па серцавінным лучам (па радыусу) прамавугольныя дошчачкі (клепчыны)» [9, арк. 97].

З канца 1932 г. назіраюцца рэзкія кан'юнктурныя змены на сусветным лясным рынку, выкліканыя адменай сухога закона ў ЗША і Фінляндыі, якія выліліся ў пераарынтацыю з мемельскай шырокай дубовай клёпкі на больш вузкую біндэрную клёпкі амерыканскай спецыфікацыі [10, арк. 123]. Галоўнае экспартнае ўпраўленне «Саюзлеса-экспарт» прадпісвала ўпраўляючым Белдрэвам, Лесбелам, упаўнаважанаму Наркамлеса БССР «з-за склаўшыхся цяжкасцей на замежным рынку з размяшчэннем некаторых асартыментаў дубовых лесаматэрыялаў «Экспартлес» ставіць пытанне аб спыненні выпрацоўцы мемельскай клёпкі, дубовай фрызы і замены указаных вышэй асартыментаў выпрацоўкай біндэрнай клёпкі ў амерыканскай спецыфікацыі, колатага і піленага дубовага бруса даўжынёй ад 50 см. і вышэй, сячэннем ад 3 да 8 дюйм, дубовых дошак 3 і часткова 4 сорта» [10, арк. 166].

Пры гэтым хуткі пераход лясных гаспадарак з вытворчасці мемельскай клёпкі на біндэрную амерыканскай спецыфікацыі выклікаў шматлікія тэхнічныя цяжкасці на месцах. Кіраўніцтва «Лесбела» адзначала, што «вельмі нерацыянальным будзе выкарыстанне шляхам

перапрацоўкі на біндэрную клёпку сыравіны, прыдатнай па сваёй вышэйшай якасці на мемельскую клёпку, тым больш, што ў выніку, калі апынецца неабходнасць у мемельскай клёпцы (а гэта цалкам магчыма, сыходзячы з тых частых зменаў, якія маюць месца ў апошні час) мы не будзем у адпаведнасці ўжо гэтага выконваць з-за перапрацоўцы сыравіны на біндэрную клёпку. Патрабуемы эквівалент замены 1 копы мемельскай на 2,3 к/м біндэрнай можа адносіцца толькі да масы гатовай прадукцыі, але не да рабочай сілы, так як для нарыхтоўкі 1 к/м біндэрнай клёпкі патрабуецца рабочай сілы незначна менш, чым на 1 капу больш буйной мемельскай клёпкі. Так як асноўныя цяжкасці ў працы клёпкі заключаецца галоўным чынам у адсутнасці неабходнай колькасці кваліфікаванай рабочай сілы вышэй указаны эквівалент ніяк не можа быць прыняты, а толькі з максімальным разлікам у 1,5 к/м за капу мемельскай клёпкі» [10, арк. 159].

Пераарыентацыя вытворчасці адбывалася ў складаных тэхнічных умовах для лясной і лесапільнай прамысловасці БССР. У справядачы за першае паўгоддзе 1932 г. упаўнаважанага НКЗГ СССР пры СНК БССР адзначалася, што «побач з некаторымі прарывамі па асобных асартыментах, прамысловасць не дасягнула яшчэ поўных становішчых вынікаў па якасці экспартнай лесапрадукцыі і недастатковай мабілізацыі ўвагі ўсёй рабочай грамадскасці і адміністрацыяна-тэхнічнага персаналу па пытаннях барацьбы за якасць экспарту. Нездавальняючае становішча назіраецца па якасці і экспартнай прадукцыі (тэхнічны брак, не адпаведная сартыроўка і псаванне гатовай прадукцыі па прычынах не належнага захавання), што зніжае фактычна стокноты працэнт выканання і выклікае аплату рэлямацый замежным фірмам» [10, арк. 23]. Да гэтага дадавалася сыравінная вычарпанасць лясных масіваў рэспублікі. На пасяджэнні камісіі па кантрольным лічбам лесаэкспарту на 1933 г. па «Лесбелус» прадстаўнікі Беллеспрама і Лесбела катэгарычна заяўлялі, «што плануемая праграма па дубу ўсіх асартыментаў абсалютна не вяжацца з магчымасцямі беларускіх лясоў. Намечаная праграма экспартным сектарам мае ў сабе фактычнае знішчэнне сыравіннай базы зноў пабудаванага Гомельскага камбіната. Прадстаўнікі Беларусі падкрэсліваюць, што гэта пытанне з'яўляецца настолькі сур'ёзным, што без прамога ўказання працаваць, нягледзячы на зрыў сыравіннай базы Гомельскага камбіната, гэта заданне ні ў якім выпадку прынята быць не можа [9, арк. 290–292].

Усесаюзнае аб'яднанне па лесаэкспарце «Саюзлесаэкспарт» 17 верасня 1933 г. паведамляла ўпраўляючаму «Лесбела», што «ўсе віды дубовай клёпкі ў цяперашні час маюць вялікі збыт на замежных

рынках. Гэта абставіна тым больш абавязвае Вас самым сур'ёзным чынам па задачы клёпкі. Аднак данныя справаздачи на 1 верасня сведчаць аб глыбокім прарыве, дапушчаным нядбайных адносінах Вашага вытворчага апарата да гэтага тавара; нарыхтаваная клёпка несвоечасова вывозіцца з лесу, дзякуючы чаму з выпрацаваных на 1 верасня 1708 км. біндэрнай клёпкі выдана толькі 1388 км., а дагружана 1119 к.м. Тое жа самае і па мемельскай – пры наяўнасці ліквіднага тавара ў 1188 км здано 863 км, а адгружана 724. Для выпраўлення недапушчальнага адставання ад плана задачы, зацверджанага ўрадам прапаноўваем у бліжэйшы перыяд узмацніць вывазку і задачу клёпкі, ліквідаваўшы ненармальны разрыў паміж выпрацоўкай, задачай і адгрузкай, адначасова фарсіруюце далейшую цёску клепака па маючым у Вас спецыфікацыям» [10, арк. 80].

3 верасня 1933 г. Наркамлес СССР паведамляў Лесбелу, што «за апошні час адзначаецца значны попыт на французскую і біндэрную клёпкі. У мэтах выкарыстання існуючай кан'юнктуры і своечасовай рэалізацыі тавараў па найбольш рэнтабельным коштам прапаноўваецца цэнтр цяжару па задачы – адгрузцы клёпкі перанесці на 1 паўгоддзе, пакідаючы на III кв. не больш 20–25% ад гадовага плана задачы. Ставячы аб гэтым Вас у вядомасць, «Саюзлеснарыхт» прапаноўвае працу па выпрацоўцы клёпкі пабудавачь у накірунку максімальнага выкарыстання для нарыхтоўкі і вывазу сыравіны IV кв. 1933 г., а таксама разгарнуць раздзелку клёпкі і тым самым, стварыць цалкам дастатковы пераходзячы астатак на 1 студзеня 1934 г. для нармальнага і своечасовага забеспячэння праектуемага плана задачы. Што датычыцца спецыфікацыі клёпкі на 1934 г. думаем надалей да атрымання такой – французскую клёпку рыхтаваць прыкладальна да спецыфікацыі цяжучага года, а біндэр пераважна амерыканскай спецыфікацыі» [10, арк. 86].

Ажыццяўленне экспартных аперацый па продажу дубовай клёпкі (біндэрнай, мемельскай) на польскім і еўрапейскім рынках сутыкалася з праблемамі лагістычнага характару, якія часам не магчыма было вырашыць сіламі беларускага боку без прыцягнення польскіх камерцыйных фірмаў для правядзення гандлёва-пасрэдніцкіх аперацый. Экспарт дубовых матэрыялаў з БССР у Польшчу ў большасці быў арыентаваны на наступны перапродаж на германскі і іншыя рынку збыту. Вызначэнне наменклатуры тавараў вынікала з агульнай кан'юнктуры на сусветным лясным рынку, у тым ліку і на матэрыялы з дубу. Калі ў 1920-я гг. асноўная ўвага звярталася

на продаж дубовай клёпкі (мемельскай, французскай), то, пачынаючы з 1928–1929 аперацыйнага году, адбываецца рэзкая пераарыентацыя на продаж іншых дубовых вырабаў (шпалы, дошкі, калоды і інш.). У 1932–1933 гг. кан’юнктурныя змены на сусветным лясным рынку і растучая папулярнасць біндэрнай клёпкі амерыканскай спецыфікацыі замест мемельскай клёпкі ўнеслі свае карэктывы ў працэс ляснога экспарту паміж БССР і Польшчай.

Крыніцы і літаратура

1. Адамайтис, И. Наш экспорт и внешний рынок (По материалам заграничной командировки) / И. Адамайтис // Савецкае будаўніцтва. – 1928. – № 5. – С. 2–5.

2. Теумин, И. Объединение Западной области с точки зрения внешней торговли / И. Теумин // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 2–3. – С. 42–47.

3. Внешняя торговля Белоруссии в 1923–1924 хоз. году: Очерк деятельности Управления уполномоченного Наркомвнешторга при СНК БССР и Государственной экспортно-импортной конторы «Госторгбел». – Минск, 1925. – 74 с.

4. Кравченко, П. К. Экономические и культурные связи БССР с зарубежными странами (1921–1932 гг.): автореферат дисс. канд. ист. наук / П. К. Кравченко. – Минск, 1976. – 31 с.

5. Барынкин, А. В. Польша во внешнеполитической стратегии Советской России (1918–1919 гг.): автореферат на дис... соиск ст. канд. ист. наук: 07.00.15 / А. В. Барынкин. – Санкт-Петербург, 2013. – 54 с.

6. Романовский, Д. В. Внешнеэкономические связи БССР с зарубежными странами (на примере работы Госторгбела в 1922–1931 гг.): автореф. дисс. на соиск. ст. канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. В. Романовский. – Минск, 2003. – 37 с.

7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 148. – Воп. 1. – Спр. 19.

8. НАРБ. – Ф. 148. – Воп. 1. – Спр. 38.

9. НАРБ. – Ф. 148. – Воп. 1. – Спр. 2018.

10. НАРБ. – Ф. 148. – Воп. 1. – Спр. 1994.

11. НАРБ. – Ф. 148. – Воп. 1. – Спр. 1401.

О. Г. Субботин

Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка

КРАХ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМА В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье анализируются концептуальные основы и методы внешней политики Веймарской республики. Автор размышляет о перспективах страны на международной арене в контексте версальских ограничений, национальных исторических традиций, геополитических факторов и внутривнутриполитических процессов. Раскрыта суть германского мультилатерализма как модифицированного варианта «реальной политики» конца XIX в., установлены причины его несостоятельности.

Тезис о Веймарской республике как о «скованном Версале» государстве, широко распространенный в историографии второй половины XX в., сегодня представляется идеологическим клише, спорным и с точки зрения фактов, и с позиций методологии исторической науки. Безусловно, мирный договор 1919 г. тяжким бременем лег на плечи Германии, но вместе с тем стал ее «ипотекой на будущее» [1, s. 9]. Несмотря на военное поражение, страна не только сохранила ощутимое влияние на европейскую политику, но и способность нарушить «хрупкое равновесие сил» на континенте [2, s. 600]. Как раз в этом и заключалась ее дилемма. Табуирование темы об ответственности за развязывание Первой мировой войны в 1920-е гг. (и в науке, и в публицистике, тем более в политике), полагает немецкий историк Г. Хиршфельд, фатальным образом сказалось на дальнейшем развитии немецкого государства [3; 4, s. 1035, 1038].

На протяжении 1920-х гг. Веймарская республика находилась в поиске своей внешнеполитической идентичности. «Охваченная модернизационным кризисом, отягощенная насыщенным прошлым и новыми вызовами», она настойчиво пыталась вернуться в круг великих держав, не желая делать однозначный выбор между Востоком и Западом [3, s. 1038]. В известном смысле жажда ревизии, замешанная на чувстве «национальной гордости», консолидировала общество и сглаживала присущий ему накал страстей. И население, и политики,

пишет Х. Мёллер, «схожим образом воспринимали договор как «бесстыдный диктат...», пересмотр [которого] являлся приоритетом для всех партий» без исключения [5, с. 114, 117]. Вопрос состоял лишь в том, на какой путь избавления от «оков Версаля» – мирный или конфронтационный – вступит Германия.

В первые послевоенные годы, несмотря на трансформацию рамочных условий международных отношений, Берлин продолжал использовать апробированные с конца XIX в. стратегии и методы поведения, отдавая предпочтение унилатеральным приемам в ущерб *мультилатерализму* [6]. Потенциально конфликтная ситуация в Европе, возникшая вследствие крупных геополитических сдвигов, открывала перед германской дипломатией новые перспективы. И то, что она ими воспользовалась не сполна, «пребывая в состоянии бескрайней вражды к версальскому порядку», известный немецкий ученый и общественный деятель тех лет Г. Риттер расценивал как колоссальный просчет [7, s. 35].

Сотканная из противоречий, внешняя политика Веймарской республики сочетала в себе модерные и реакционные черты. В сущности, ни одно национальное правительство, начиная с Совета народных уполномоченных, не упускало из виду «великогерманское решение». Как следствие, уже на стадии генезиса своей внешнеполитической доктрины республика оказалась заложником иллюзорной «политики свободных рук в условиях формирования устойчивых международных связей», символом которой стали «рапалльский курс» и тесные торгово-экономические связи с США [8, s. 176]. В определенной смысле этому содействовала активизация германской дипломатии в Дунайском регионе и на Балканах, где у Берлина появились потенциальные партнеры и союзники в лице Венгрии, Болгарии и Австрии [9, s. 413–414].

В целом, действия Веймарской республики на мировой арене вплоть до середины 1920-х годов не давали четких представлений о ее внешнеполитической доктрине. С уверенностью можно констатировать лишь то, что с момента принятия Лондонского ультиматума (1921) Берлин, не имея ресурсов для ревизии, последовательно вел борьбу против «политики исполнения» (*нем. Erfüllungspolitik*) как символа чуждой германскому духу либеральной демократии [10]. Своего апогея она достигла в 1923 г., когда рейх ответил «пассивным сопротивлением» на оккупацию Рурской области, погрузившись в экзистенциальный кризис, для выхода из которого потребовалось «принять Версаль как данность, сменить конфронтацию на дипломатию» и «повторно капитулировать» перед Антантой [11, s. 4; 12, s. 28; 13, s. 30–31].

Благоприятным фоном для этого послужили два фактора: (1) вступление стран Запада в фазу относительной стабилизации и (2) приход к власти левых правительств в Великобритании и Франции (1924).

Политика взаимопонимания (*нем. Verständigungspolitik*) как синтез экономических возможностей и политического компромисса, архитектором которой был глава МИД Густав Штресеман, исходила из категории мультилатерализма и взвешенной оценки соотношения сил на континенте. Министр отдавал себе отчет, что без удовлетворения требований Парижа в сфере национальной безопасности Германия не сможет полноценно вернуться на мировую арену [14, s. 260; 15, s. 277]. Национальное возрождение он всецело связывал с ее индустриальным потенциалом, делая ставку на финансовую и торговую кооперацию с Соединенными Штатами [16, s. 246].

На этом фоне ослабло дестабилизирующее рейх противоречие между его внутренней и внешней парадигмами [3, s. 1040]. Ратификация «плана Дауэса», вступление в Лигу Наций, налаживание экономического сотрудничества с государствами Европы, публичное признание общепринятых в международной практике стандартов и обязательств (Локарнские договоры, пакт Бриана-Келлога) наглядно демонстрировали смену парадигмы. Как результат, Германия «вернула себе заметную часть внешнеполитического простраства» и, в конце концов, «преодолела послевоенную моральную и политическую изоляцию» [5, с. 142; 7, s. 67]. В обиход вошли такие слова, как сотрудничество и согласие. Из уст Штреземана звучала примиренческая риторика. Французский премьер Э. Эррио открыто дистанцировался от стиля правления Р. Пуанкаре, а глава британского правительства Р. Макдональд взял курс на стабилизацию отношений в Европе. И все же говорить о подлинном партнерстве с победителями не приходится, учитывая дифференции в понимании духа Локарно Парижем, Лондоном и Берлином.

В контексте вышесказанного возникает риторический вопрос о перспективах отношений Веймарской республики со странами Запада в случае отказа ей в праве на ревизию [8, s. 462, 522]. Ответ на него очевиден, если принять во внимание обсуждение Парижем уступок в адрес Берлина исключительно в русле концепции национальной безопасности. Насколько такое поведение было оправданным, можно спорить. Во всяком случае, ни историческая память (читай: вражда), ни политические настроения в немецком и французском обществах не давали повода для оптимизма. Ни Штресеман, ни его соратники, несмотря на интерес к лоббируемому А. Брианом проекту «Пан-Европы», не рассматривали интеграцию альтернативой ревизии.

Едва ли можно оспаривать и тот факт, что немецкая политика взаимопонимания носила инструментальный характер и не противоречила духу «германского вопроса». Отмену версальских ограничений для страны Штреземан считал не конечной, а промежуточной целью. Дистанцироваться от взглядов националистического характера он не мог ввиду личных убеждений, расстановки политических сил в парламенте и укоренившейся в обществе модели имперского мышления (и поведения) [7, s. 63]. Как апологета «реальной политики» его волновали сугубо практические цели, а не иллюзии дружбы с Францией [17, s. 319]. В этом смысле, отмечает американский историк Гордон Крейг, он был не менее «хорошим европейцем», чем коллеги по цеху, и как немец считал своим долгом ответить на запрос нации – добиться полного суверенитета Германии, что «имело мало общего с доброй волей других государств и требовало решительных шагов» [18, s. 448]. Примирение с Францией стало своеобразным «арканом» его политической стратегии, предвестником ревизии восточной границы [7, s. 67; 3, s. 460; 19, s. 19]. Министр виртуозно играл на франко-британских противоречиях, проявляя изрядное терпение и проницательность. Эти же качества позволяли ему координировать усилия между гражданским и военным руководством страны на уровне внешней политики. Поэтому вполне обоснованной, на наш взгляд, представляется оценка Кристофа Грюцмахера, отмечавшего наличие у министра «реально-политического подхода» как квинтэссенции экономических интересов и принципа *do ut des* [13, s. 34; 20, s. 382].

Результатом тесного взаимодействия Берлина и Парижа во второй половине 1920-х гг. явилась высокая степень автономии Веймарской республики на международной арене вкупе с частичной ревизией условий Версаля. Несмотря на это, адаптировать германский ревизионизм к национальным запросам Франции, связать воедино интересы Германии с европейской перспективой Штреземану не удалось. Во многом такое состояние объяснялось нежеланием политических элит страны – как слева, так и справа – принимать непопулярные у электората решения и менять привычные идеологические догмы. В результате глава МИД оказался чуть ли не единственным государственным деятелем столь высокого ранга, способным интегрировать перспективу «другого» в свои политические взгляды, соединить идеализм с насущными интересами нации в целях преодоления европейских антагонизмов. И то, что совпали смерть министра и начало мирового финансово-экономического кризиса осенью 1929 г., «имело символическое значение» [21, s. 392].

Переход к унилатеральной традиции в годы президиальных кабинетов (1930–1932) ознаменовал собой возврат к «международному кулачному праву». Как следствие, распалась олицетворявшая «эру Штреземана» комбинация ревизионизма и мультилатерализма. Берлин стоял перед выбором: сохранять ли ориентацию на принципы коллективной безопасности или, «повернув колесо истории вспять», бросить вызов Европе [22, s. 18]. В условиях, когда голоса ревизионистов раздавались все громче, победу праздновали сторонники силового варианта. На этой почве внешняя политика Германии вступила в противоречие с доктриной национальной безопасности Франции, помешавшей созданию австро-германского таможенного союза в 1931 г. и чинившей препятствия Берлину в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

В целом, переход Веймарской республики к форсированному ревизионизму в начале 1930-х гг. отвечал запросам консервативно-реставративных сил – противников парламентской демократии и социального государства [8, s. 516–517]. Курс Штреземана так и не стал частью национальной (внешне)политической культуры. Напротив, индикатором международных успехов Германии в глазах широкой общественности все явственнее становилось разрушение европейского баланса сил. Отныне немцы полагались на сильного лидера, способного вернуть рейху былое величие, вывести его из состояния финансово-экономической нужды.

Разумеется, ответственность за крах «политики взаимопонимания» несли на себе обе стороны – и победители, и побежденная Германия. Первые, оказавшись заложниками «недальновидного маневрирования» Франции, отрицали неизбежность ревизии и полноценной интеграции Веймарской республики в клуб великих держав. В свою очередь, Берлин вернулся к традиционной политике силы, обретшей в сжатые сроки функциональный характер и ставшей инструментом реализации расово мотивированной пространственной доктрины. Как следствие, традиционная «имперская идея» утратила первоначальный смысл, «оголтелый антипарламентаризм слился с безудержным ревизионизмом», тесно примыкавшим к идеологии НСДАП», и все то, «что началось в духе реальной политики в эпоху Бисмарка, превратилось в преступление» [3, s. 1041–1046].

Таким образом, внешняя политика Веймарской республики была отмечена высокой степенью нестабильности и противоречивости. Неспособная (и во многом неготовая) встроиться в новую (Версальско-Вашингтонскую) систему международных отношений в начале 1920-х гг.

страна оказалась на грани национальной катастрофы. При этом ее поражение в войне не выглядело фатальным. Германия продолжала влиять на европейскую политику и вдобавок ко всему располагала возможностями, которых не имела до 1914 г. Вплоть до 1924 г. в арсенале германского МИД доминировали унилатеральные целевые установки и методы, присущие традиционной *Realpolitik*, в то время как мультилатерализм не находил заметного отклика у правящей элиты, да и у общества в целом, одержимых возвращением рейха на европейскую арену в статусе равновеликой Великобритании державы. Стратегический разворот в сторону победителей страна совершила лишь в фазе ее относительной стабилизации, что привело к частичной ревизии Версальского договора. Но и в этом случае мультилатеральная договорная политика оказалась ничем иным, как средством достижения известных с конца XIX в. целей. Со смертью Штретземана и началом мирового экономического кризиса Германия вполне ожидаемо вернулась к унилатеральной традиции. Для преодоления ультранационалистических настроений требовался внутривластный консенсус, а таковой отсутствовал. Действуя в угоду общественному мнению, немецкое руководство настойчиво пыталось решить внутренние проблемы за счет дипломатических успехов. Подобная тактика явилась прологом безудержного ревизионизма нацистского режима и в конечном счете обернулась национальной катастрофой.

Источники и литература

1. Epkenhans, M. Versailler Vertrag Eine Hypothek für die Zukunft? / M. Epkenhans // Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung. – 2019. – Heft 1. – S. 4–9.
2. Hillgruber, A. „Revisionismus“ – Kontinuität und Wandel in der Außenpolitik der Weimarer Republik / A. Hillgruber // Historische Zeitschrift. – 1983. – Bd. 237, H. 3. – S. 596–621.
3. Hildebrand, K. Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler / K. Hildebrand. – Berlin : Ullstein, 1999. – 1280 S.
4. Hirschfeld, G. Der Erste Weltkrieg in der deutschen und internationalen Geschichtsschreibung / G. Hirschfeld // Aus Politik und Zeitgeschichte ; hrsg. von der Bundeszentrale für Politische Bildung Bonn, 1953. – 2004. – Bd. 29/30. S. 3–12.
5. Мёллер, Х. Веймарская республика : Опыт одной незавершенной демократии / Х. Мёллер, [пер. с нем. А. В. Дорониной]. – М. : РОССПЭН, 2010. – 311 с.

6. Субботин, О. Г. Концептуальные основы внешней политики Германской империи (1871–1918 гг.) / О. Г. Субботин // *Весті БДПУ, Серія 2*. – 2018. – № 4. – С. 6–12.

7. Kolb, E. *Die Weimarer Republik* / E. Kolb. – München : R. Oldenbourg, 1993. – 309 S.

8. Krüger, P. *Die Außenpolitik der Republik von Weimar* / P. Krüger. – Darmstadt : Wiss. Buchgesellschaft, 1985. – 605 S.

9. Kraus, H.-Ch. *Der Versailler Vertrag und die deutsche Außenpolitik 1919 bis 1933* / H.-Ch. Kraus // *Beiträge zur Rechtsgeschichte Österreichs*. – 2019. – 9. Jg., Heft 2. – S. 408–417.

10. *Die Kabinette Wirth I/II ; Bd. 1 : Mai 1921 bis März 1922 (Erfüllungspolitik)* [Electronic resource] // Bundesarchiv. – Mode of access: https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/wir/wir1p/kap1_1/para2_2.html;jsessionid=DFA747EE260A768B23EC5294611687FF?highlight=true&search=Bauer&stemming=false&pnd=&start=&end=&field=all. – Date of access: 10.04.2024.

11. Rödder, A. *Gustav Stresemann und die Perspektive der Anderen* [Electronic resource] / A. Rödder // Bundeszentrale für politische Bildung vom 27.04.2018. – Mode of access: <https://www.bpb.de/apuz/268358/gustav-stresemann-und-die-perspektive-der-anderen>. – Date of access: 10.01.2024. – 5 S.

12. Hellmann, G. *Deutsche Außenpolitik in historischer und systematischer Perspektive* / G. Hellmann, R. Wolf, S. Schmidt / *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* ; hrsgg. von S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – S. 15–46.

13. Grützmaker, Ch. *Partner wider Willen? Die Rahmenbedingungen der Frankreichpolitik von Gustav Stresemann und Konrad Adenauer* / Ch. Grützmaker. – Hamburg : Diplomica Verlag, 2016. – 160 S.

14. *Rede vor der deutschen Presse in Genf vom 17.09.1926* // Gustav Stresemann. *Reden* ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegeschichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.03.2024. – S. 259–260.

15. *Rede vor Journalisten in Genf vom 22.09.1926* // Gustav Stresemann. *Reden* ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegeschichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.03.2024. – S. 274–278.

16. *Rede vor Vertretern der englischen Presse in Genf vom 14.09.1926* // Gustav Stresemann. *Reden* ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegeschichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.04.2024. – S. 244–249.

17. Rede auf dem Parteitag der DVP in Köln vom 2.10.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegeschichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.03.2024. – S. 314–337.

18. Craig, G. A. Deutsche Geschichte 1866–1945 : vom Norddeutschen Bund bis zum Ende des Dritten Reiches / G. A. Graig ; [Aus dem Engl. übers. von W. Kaiser]. – München : C. H. Beck, 1996. – 806 S.

19. Knipping, F. Deutschland, Frankreich und das Ende der Locarno-Ära 1928–1931 : Studien zur internationalen Politik in der Anfangsphase der Weltwirtschaftskrise / F. Knipping. – München : De Gruyter Oldenbourg, 1987 [Reprint 2014]. – 268 S.

20. Reichstagsrede vom 23.11.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegeschichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.03.2024. – S. 366–383.

21. Bracher, K. D. Zusammenbruch des Versailler Systems und zweiter Weltkrieg / K. D. Bracher // Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte : 10 Bde. ; hrsgg. von G. Mann. – Bd. 9 : Das zwanzigste Jahrhundert. – Berlin [u. a.] : Propyläen, 1960. – S. 389–458.

22. Graml, H. Europas Weg in den Krieg : Hitler und die Mächte 1939 / H. Graml. – München : R. Oldenbourg, 1990. – 315 S.

УДК 94:327:329.18(430)«1933-1945»

С. В. Артамошин

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

В БОРЬБЕ ЗА ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

В статье рассматриваются проблемы формирования нацистской внешнеполитической концепции в 1920–1930-е гг. В основе исследования положен анализ внешнеполитических аспектов книги А. Гитлера, а также работ А. Розенберга и его окружения, которые позволяют понять сущность нацистского видения европейской внешней политики в ее динамике. В статье исследуется динамика трансформации внешнеполитической

концепции нацизма в зависимости от его отношения к политической власти, в частности выявляется отличие подходов в период борьбы за власть и в годы нацистского господства.

Формирование национал-социалистической внешнеполитической концепции во многом было обусловлено итогами Великой войны 1914–1918 гг. Поражение Германии и последовавший за этим Версальский мирный договор поставили государство в сложное международное положение. Политика ревизии мирного договора, предпринимаемая веймарскими правительствами, приобрела резкий поворот с назначением в 1933 г. нацистского правительства А. Гитлера. Нацизм взял курс на разрыв с Версальской системой и радикальную ревизию статей договора, касающихся ограничительных запретов в отношении Германии. Этот поворот касался изменения внешнеполитической стратегии Германии в 1930-е гг.

Уже в программе партии, в «25 пунктах», произнесенных 24 февраля 1920 г. на собрании в пивном зале «Хофбройхауз», уделялось внимание вопросам внешней политики, где в первых трех статьях заключались требования «объединения всех немцев на основе права народов на самоопределение в Великую Германию..., отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров» [1, s. 15]. Уже на раннем этапе НСДАП внешняя политика занимала приоритетное положение по отношению к внутренней. Эту мысль можно встретить и в военных письмах Гитлера от февраля 1915 г. [2, s. 38]. В речи от 6 июля 1920 г. он заявил, что «для нас существует противник по ту сторону Рейна, но не в Италии или другом месте» [2, s. 42].

Гитлер придерживался позиции, что Великобритания займет благоприятную позицию в разрешении германо-французских противоречий. Он подчеркивал, что «две державы будут определять будущее развитие Европы: Великобритания и Франция. ... Англия с вечной неизменной целью балканизации Европы и установления европейского равновесия, не угрожающего её мировому положению. Она не является принципиальным противником Германии, а лишь державой, пытающейся завоевать первое положение в Европе. Франция есть очевидный противник Германии. Так как Англии нужна балканизация Европы, то Франции нужна балканизация Германии, в завоевании гегемонии в Европе» [2, s. 101]. Оценивая политику союзов в предвоенной Европе, Гитлер находил два возможных для Германии варианта: либо германо-английский, либо германо-русский. Как отмечал германский историк А. Кун, «гитлеровским идеалом оставалась возможность для дальнейшего германо-русского сотрудничества после крушения большевизма» [2, s. 68].

А. Гитлер в своей книге считал, что внутривластическое и внешнеполитическое положение Германии находится под непосредственной угрозой расового кровосмешения, экономического порабощения странами-победительницами, за которыми, по его мнению, стоят интересы еврейского капитала, а также дальнейшей большевизации и люмпенизации страны. И поэтому задача национал-социализма состояла в защите нации от дальнейшего упадка. Гитлер считал, что после достижения этого «целью всей нашей внешней политики должно являться приобретение новых земель» [3, s. 735–736]. Причем он тут же указывал на европоцентристский характер своей программы, подчеркивая, что «политику завоевания новых земель Германия могла бы проводить только внутри Европы» [3, s. 153]. Расширение жизненного пространства для Германии возможно только за счет присоединения восточных земель. «Когда мы, – писал А. Гитлер, – говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» [3, s. 742]. Расширение на восток обусловлено не только геополитическими, но и экономическими причинами, связанными с недостатком сырьевых ресурсов Германии и вытекающими из этого серьезными трудностями в обеспечении ими. А. Гитлер считал, что в вопросе расширения территорий Германия может рассматривать в качестве союзников два государства – Великобританию и Италию. Как отмечал германский историк Х.-А. Якобсен, нацистская внешнеполитическая стратегия в Европе была направлена на «новое расовое формирование континента» [4, s. 446].

Оценивая программу А. Гитлера, можно заключить, что она носила европоцентристский характер и сводилась к созданию в Европе сильного государства, путем присоединения территорий и объединения народов в единое целое, причем «объединение европейских народов может произойти только путем борьбы за гегемонию, только посредством их подчинения власти наиболее сильного» [4, s. 153], т. е. Германии. Однако же «в расовой аргументации его размышлений лежала цель мирового господства, так как предстоящая мировая и тотальная война будущего против еврейства должна была привести к устранению их предполагаемой мировой власти» и утверждению доминирующего положения расово превосходящих сил [4, s.129].

Всестороннее обоснование внешнеполитической стратегии нацизма получила в трудах её идеолога А. Розенберга, в свое время входившего в состав Комитета по внешней политике рейхстага от НСДАП, а также его окружения. Его концепция, также, как и гитлеровская программа, носила европоцентристский характер. Он отмечал, что «нужно трезво смотреть на вещи, необходимые нам земли

надо завоевать не в Африке, а в Европе, прежде всего на Востоке. Признание этого есть органическое направление германской внешней политики на столетия вперед» [6, s. 69]. Для А. Розенберга характерен «пространственный» подход к внешней политике. Он отмечал, что на смену вильгельмовскому империализму национал-социализм предложил обусловленный самой природой «народный империализм», целью которого являлась «просто-напросто борьба за существование» и создание «народнического национал-социалистического германского государства в Центральной Европе. <...> Народный империализм должен позаботиться о том, чтобы необходимое жизненное пространство было непосредственно соединено с метрополией» [7, s. 20].

По мнению А. Розенберга, «судьба Европы есть судьба каждой отдельной европейской нации ... и, наоборот, судьба, например, Германии как крупнейшего центрально-европейского государства есть судьба нашего почтенного континента» [8, s. 641–642]. Исходя из этого, Германия должна стремиться к заключению союза с государствами, чья «органическая пространственная политика не находится в противоречии с немецкой» [9, s. 96]. Франция и Польша объективно были противниками политики расширения германского жизненного пространства на восток. Это требует от Германии необходимости «изоляции Франции путем заключения союза с державами, реализация жизненных интересов которых наталкивается на французскую враждебность, если не сегодня, то завтра. И это в первую очередь опять-таки Англия и Италия» [7, s. 143]. В римской речи в ноябре 1932 г. А. Розенберг высказал мысль о том, что «динамика конфликтов Франции находится в сфере её колониальных владений в Африке; Италию интересует Андриатика и Северная Африка; сфера интересов Германии – Европа, где она должна создать государство, основанное на защите нордической крови». Но это во многом будет зависеть от той позиции, которую займет в этом вопросе Великобритания. А. Розенберг предложил компромиссное разделение сфер жизненных интересов между ведущими европейскими государствами: «Германия господствует на востоке и северо-востоке, Франция – на юге, Италия – на юго-востоке и востоке, Великобритания – на морях» [10, s. 300, 311].

С назначением нацистского правительства в январе 1933 г. начался процесс захвата власти нацистами в Веймарской республике, и в области внешней политики это было связано с деятельностью А. Розенберга, который возглавил с 1 апреля 1933 г. Внешнеполитического бюро НСДАП. Как отмечал российский историк В.А. Буханов, «в нацистском европеизме в наиболее концентрированном виде обнаружилась природа и, так сказать, историческая миссия национал-социализма» [11, с. 5]. Один из ближайших сотрудников А. Розенберга,

Вернер Дайц, который руководил ведомством внешней экономики во Внешнеполитическом бюро НСДАП, названный финским исследователем С. Куусисто, «фанатичным защитником национальной автаркии» [12, s. 58], сформулировал концепцию достижения германской экономикой состояния автаркии с помощью расширения пространства. В. Дайц подчеркивал стремление национал-социализма к реорганизации европейского пространства путем создания альтернативной модели системе «Европейского таможенного союза» или «Паневропы» через образование «истинного сообщества народных хозяйств, взаимно дополняющих друг друга, <...> и так восстановить новое европейское сообщество труда и культуры с высоким жизненным уровнем для всех участников» [13, s. 44]. Оно может быть достигнуто только под лозунгом «Европа для европейцев!» Решить эту задачу должны народы «круга Балтийского моря».

Внешнеэкономический аспект был взаимосвязан с необходимостью внешнеполитической трансформации. Германия рассматривалась ими как основа европейского континента. В. Дайц отмечал, что «естественная сущность всех европейских семей народов заключается в германской народной группе», которая «должна иметь собственное жизненное пространство..., одновременно являющееся биологическим пространством, собственный европейский центр силы и порядка» [14, s. 142]. Розенберг указывал на необходимость пространственных приоритетов, которые касались двух сфер влияния: восточного и дунайского пространства. Создание там сфер влияния дало бы возможность ей взять СССР в клещи, что позволит добиться полнейшей автаркии [15, s. 19–20]. Вырисовывается четкая последовательность внешнеполитических амбиций Германии, претендовавшей на Скандинавию, Балканы, а потом на Советский Союз. Скандинавия представлялась прародиной нордической расы, и включение её в германское пространство было не только политически, но и исторически важным. «Нордическая идея была для Розенберга неотделима от европейской идеи нацизма» [16, с. 79]. Розенберг стремился через создание германо-скандинавского блока установить германский протекторат на севере Европы [17, s. 372]. В отношении Восточной Европы Розенберг считал необходимым создание системы, способной привести к разделению народов по национальному признаку и последующему подчинению их германской политике [16, с. 94].

В целом система международных отношений в Европе ко второй половине 1930-х гг. представлялась А. Розенбергу построенной по иерархическому принципу пирамиды. Основание её составляли средние и малые страны, которые должны были войти в силовое поле,

сферу влияния или жизненное пространство той или иной великой державы. Отношения между великими державами составляли вторую ступень пирамиды. В категорию великих европейских держав, в зависимости от политической ситуации, нацисты включали от трех до четырех государств – это Германия, Великобритания, Италия и Франция. Отношения между ними должны строиться на основе разграничения сфер влияния. Европейскому директорату из четырех государств Розенберг предпочитал сговор между двумя наиболее мощными государствами континента – Германией и Великобританией. «В европейской концепции, сформулированной в недрах розенбергской «империи», Англия занимала ключевое положение» [16, с. 91]. Причем «Розенберг рассматривал свой проект союза с Англией как мировоззренческую расовую аксиому», в отличие от А. Гитлера, считавшего этот союз «в первую очередь политическим» [18, s. 85]. Отношения между Германией и Великобританией составляли третью ступеньку пирамиды. А. Розенберг рассчитывал на благожелательную позицию Великобритании в вопросе завоевания жизненного пространства на востоке и впоследствии в обеспечении гегемонии Германии на континенте. В итоге, на вершине пирамиды должно остаться одно государство – Германия [16, с. 39–40].

В середине 1930-х гг. внешнеполитические амбиции А. Розенберга натолкнулись на активное противодействие руководителя аппарата уполномоченного по внешнеполитическим вопросам при заместителе Гитлера по нацистской партии Рудольфе Гессе Й. фон Риббентропа. Он стремился занять пост рейхсляйтера НСДАП по вопросам внешней политике, занимаемый А. Розенбергом. Консультантом Риббентропа по внешнеполитическим вопросам был Карл Хаусхофер, а внештатным сотрудником являлся его старший сын Альбрехт Хаусхофер. Немецкий историк В. Михалка считал, что на формирование внешнеполитической концепции Риббентропа оказали влияние идеи немецкой геополитической школы Э. Обста, О. Мауля и особенно Карла Хаусхофера [19, s. 489]. В отличие от англо-германского союза, за который ратовал Розенберг, К. Хаусхофером была предложена идея антибританского соглашения Германии, Италии и Японии. Считая Великобританию главным источником опасности для континентальной Европы и, прежде всего, для Германии, он полагал, что последней необходимо сначала нейтрализовать её, чтобы затем решить проблему «восточной судьбы» рейха [16, с. 106].

Политическая целесообразность нацистской внешней политики 1930-х гг. позволяла на разных этапах сосуществовать и розенбергской,

и риббентроповской концепции. Антикоминтерновский пакт 1936–1937 г. между Германией, Италией и Японией, и «Стальной пакт» 1939 г., а также Мюнхенское соглашение 1938 г. являлись наиболее яркими подтверждениями этого. Однако к моменту активных политических действий «расово-политическая догма торпедировалась... и в фазе её реализации выступала как политический расчет» [20, s. 139].

Пакт о ненападении 1939 г. похоронил розенбергские попытки германо-английского союза, сделав шаг к созданию «континентального блока», за который выступал К. Хаусхофер [21, s. 606–634]. Однако политическая реальность германо-советского антибританского союза таяла на глазах из-за стремления каждой из этих стран – Германии и СССР следовать достижению своих собственных геополитических целей. В итоге политический расчет вновь сменило доминирование расово-догматической концепции, которая никогда принципиально не отвергалась нацизмом, а лишь из-за политической конъюнктуры отодвигалась на второй план.

Начало «мировоззренческой войны» против СССР в 1941 г. окончательно повернуло вектор германской внешней политики на Восток и выразилось в утверждении «нового порядка» на континенте. Её цель состояла в достижении, первоначально, германской гегемонии в Европе с присоединением восточного пространства, а в дальнейшем – в осуществлении мирового господства. Война выступала средством перекройки карты мира, осуществляемая не спонтанно, а в соответствии с выработанной идеологической программой действия.

Источники и литература

1. Rosenberg, A. Das Parteiprogramm. Wesen, Grundsätze und Ziele der NSDAP / A. Rosenberg. – München, 1942. – 64 s.
2. Kuhn, A. Hitlers aussenpolitisches Programm: Entstehung und Entwicklung 1919–1939 / A. Kuhn. – Stuttgart, 1970. – 286 s.
3. Hitler, A. Mein Kampf / A. Hitler. – München, 1936. – 782 s.
4. Jacobsen, H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik. 1933–1938 / H.-A. Jacobsen. – Frankfurt a/M, Berlin, 1968. – 944 s.
5. Hitlers zweites Buch. Ein Dokument aus den Jahre 1928. Eingel. u. komm. von Gerhard L. Weinberg. – Stuttgart, 1961. – 227 s.
6. Hildebrand, K. Hitlers "Programm" und seine Realisierung 1939–1942 / K. Hildebrand // Hitler, Deutschland und die Mächte, hrsg. v. M. Funke. – 2. Aufl. – Dusseldorf, 1977. – S. 63–93.
7. Rosenberg, A. Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik / A. Rosenberg. – München, 1927. – 143 s.

8. Rosenberg, A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung seelisch-geistigen Gestaltenkampfe unserer Zeit / A. Rosenberg. – München, 1934. – 670 s.

9. Rosenberg, A. Europa, der Norden und Deutschland // Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.2. Gestaltung der Idee. Reden und Aufsätze von 1933–1935, hrsg. v. T.v.Trotha. – München, 1937. – S.93–102.

10. Rosenberg, A. Krisis und Neugeburt Europas // Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd.1. Eine Kampf für deutsche Wiedergeburt. Reden und Aufsätze von 1919–1933, hrsg.v. T.v. Trotha. – München, 1936. – S. 296–311.

11. Буханов, В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах. 1939–1945 (идейно-политические проблемы) / В.А. Буханов. – Екатеринбург, 1994. – 165 с.

12. Kuusisto, S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistische Aussenpolitik. 1933–1939 / S. Kuusisto. – Helsinki, 1984. – 436 s.

13. Daitz, W. Organischer Aufbau von Volks- und Grossraumwirtschaft // Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. – T. 1–3. – Dresden, 1943. – T.I. – S. 43–46.

14. Daitz, W. Der Niederdeutsche Raum als Basis der Grossgermanischen Reiches // Daitz W. Op. cit. – T.I. – S. 140–142.

15. Rosenberg, A. Krisis und Neubau Europas / A. Rosenberg. – Berlin, 1936. – 23 s.

16. Буханов, В.А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933–1939 / В.А. Буханов. – Свердловск, 1991. – 162 с.

17. Lutzhööft, H.-J. Der Nordische Gedanke in Deutschland. 1920–1940 / H.-J. Lutzhööft. – Stuttgart, 1971. – 439 s.

18. Hildebrand, K. Vom Reich zum Weltreich. Hitler, NSDAP und koloniale Frage. 1919–1945 / K. Hildebrand. – München, 1969. – 955 s.

19. Michalka, W. Vom Antikominternpakt zur euro-asiatischen Kontinentalblock: Ribbentrops Alternativkonzeption zu Hitlers aussenpolitischen "Programm" / W. Michalka // Nationalsozialistische Aussenpolitik, hrsg. v. W. Michalka. – Darmstadt, 1978. – S.471–492.

20. Hildebrand, K. Deutsche Aussenpolitik 1933–1945. Kalkul oder Dogma? / K. Hildebrand. – Stuttgart, 1971. – 206 s.

21. Haushofer, K. Der Kontinentalblock. Mitteleuropa – Eurassen-Japan / K. Haushofer // Jacobsen H.-A. Karl Haushofer: Leben und Werk. – Boppard a/R., 1979. – Bd.1. – S. 606–634.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА И СОЮЗНЫЕ РЕСПУБЛИКИ

Рассматривается проблема взаимоотношений между союзным центром и союзными республиками в послевоенный период развития СССР. С политико-правовой точки зрения анализируются понятия «система внешнеполитической деятельности СССР и союзных республик» и «внешнеполитический механизм советского федеративного государства» на примере взаимоотношений центральных и республиканских (Белорусская ССР) органов власти. Сделан вывод о диктате центра над республиками в области внешней политики. Поставлен вопрос о роли министров иностранных дел СССР во взаимоотношениях между Центром и республиками и кратко описана деятельность А. А. Громыко в сфере отношений между центром и республиками.

После смерти И. Сталина начался новый этап внешнеполитической и международной деятельности СССР и союзных республик, в том числе БССР, который охватывает более чем 30-летний период до начала перестройки. В эти годы происходила определённая, количественная эволюция этой деятельности, выражавшаяся в увеличении и расширении внешнеполитической активности и зарубежных связей Союза и республик, но значительных, качественных изменений на союзном и республиканском уровнях не наблюдалось. В середине 50-х гг. наступила кратковременная разрядка международной напряжённости, вошедшая в историю как «дух Женевы», «железный занавес» был немного приоткрыт, что стало возможным после прихода к власти нового советского руководства во главе с Н.С. Хрущевым. Внешнеполитический диктат Кремля по отношению к союзным республикам ослабел, расширились возможности участия Беларуси в международной жизни [1, с. 128–131].

В середине 50-х гг. появились первые признаки позитивных изменений в позициях советского руководства в отношении многосторонней дипломатии в рамках ООН и международных контактов. Десятилетие хрущевской «оттепели» ознаменовалось вступлением

СССР, УССР, БССР в ЮНЕСКО, МОТ, МАГАТЭ, ряд агентств и программ ООН, восстановлением активного членства СССР в ВОЗ, однако это не затронуло УССР и БССР, которые продолжали оставаться ее «неактивными членами». Начался новый этап в развитии советской дипломатии в международных организациях, характеризовавшийся большей открытостью, реализмом и более конструктивным и прагматическим подходом. В указанный период сформировалась система взаимодействия республики с ООН и ее специализированными учреждениями: было открыто Представительство БССР при ООН в Нью-Йорке, белорусский сотрудник введен в штат Постоянного представительства СССР при Европейском отделении ООН в Женеве, создан институт Постоянного представителя БССР при ЮНЕСКО; первые белорусские сотрудники стали работать по квоте республики в Секретариатах ООН и ЮНЕСКО, сложились конференционные и внеконференционные формы сотрудничества БССР с организациями системы ООН, началось более активное участие республики в формировании нормативно-правовой базы деятельности международных организаций [2, с. 383–385].

Республиканская система внешнеполитической деятельности была частью общесоюзной системы, на вершине которой стояли ЦК ВКП(б)/КПСС и его Президиум/Политбюро, Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР. Государственно-правовой механизм осуществления внешней политики СССР или, по словам российско-советского исследователя В.И. Ястребова, *«советский внешнеполитический механизм»* представлял собой «комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих средств осуществления советским народом своих целей и задач в сфере международного общения» [3, с. 147]. Структуру этого механизма составляли основные политико-организационные институты советского общества: КПСС, Советское социалистическое общенародное государство и массовые общественные объединения трудящихся (организации и движения).

Республика, принимая во внимание то, что она не могла в полной мере осуществлять свои суверенные права, реализовывала свою международную правосубъектность как через общесоюзные органы внешних сношений, так и самостоятельно, через республиканские органы внешних сношений (внутренние и внешние). Специфика советской федерации с ее сильным акцентом на унитаризм и централизацию предполагала отнесение вопросов внешней политики к общесоюзной тематике, а также объединение и координацию действий союзных и республиканских органов на международной арене. Поэтому

внешнеполитическая деятельность БССР осуществлялась: а) в соответствии с внешнеполитическим курсом КПСС; б) на основе принципов внешней политики СССР, которые впервые были зафиксированы в Конституции СССР 1977 г. и Конституции БССР 1978 г.; в) согласно установленному органами Союза ССР общему порядку отношений с иностранными государствами и международными организациями [3, с. 179–180].

Представители БССР на сессиях Верховного Совета СССР и его комиссиях по иностранным делам (Совета Национальностей и Совета Союза), в Президиуме Верховного Совета и Совете Министров СССР участвовали в обсуждении и решении вопросов общесоюзной внешней политики и деятельности внешнеполитического механизма советского государства. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР – Председатель Президиума Верховного Совета БССР в соответствии с принципом ротации в отношении союзных республик выполнял и такую важную дипломатическую функцию, как приём верительных грамот у руководителей иностранных дипломатических миссий, аккредитованных в СССР. В некоторых случаях во время «оттепели» представители БССР участвовали в переговорах с иностранными государствами в составе делегаций СССР. Например, председатель Совета Министров БССР, первый секретарь ЦК КПБ К. Мазуров входил в состав общесоюзных делегаций на Московском (1954 г.) и Варшавском (1955 г.) совещаниях социалистических стран по вопросам мира и безопасности в Европе, в результате которых была создана Организация Варшавского Договора [4, с. 121–122]. По партийной линии делегаты КПБ участвовали в заседаниях Политбюро (первый секретарь ЦК КПБ П. Машеров был кандидатом в члены Политбюро) и пленумов ЦК КПСС, съездах и конференциях КПСС, на которых обсуждались важнейшие вопросы внутренней и внешней политики КПСС и Советского государства.

Но на практике участие представителей БССР в разработке и принятии внешнеполитических решений на уровне Союза ССР имело достаточно формальный характер. Все более или менее важные внешнеполитические решения принимало Политбюро ЦК КПСС, в котором к тому же существовал узкий круг лиц, который и решал фактически важнейшие вопросы внутренней и внешней политики страны. Во второй половине 70-х годов в высшем партийном ареопаге, которым руководил генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев, сформировалась группа в составе трех наиболее влиятельных членов Политбюро: председателя КГБ Ю. Андропова, министра иностранных

дел А. Громыко и министра обороны Д. Устинова, во многом определявшая разработку и принятие решений по вопросам внешней и военной политики. Процесс согласования носил как формальный, так и неформальный характер. Сначала «тройка» договаривалась между собой, после чего следовало поручение их ведомствам готовить совместный документ в ЦК [5, с. 242–245]. В целом можно сказать, что конституционно-правового механизма согласования внешнеполитических интересов союзных республик и Центра (Союза ССР) советская федерация не разработала.

Формы и содержание, направления, стиль и методы внешнеполитической деятельности и зарубежных связей БССР определялись советской политической системой, ядром которой была КПСС, и международным окружением, которое характеризовалось холодной войной между Советским Союзом и западным миром. «Железный занавес», который разделил Европу, был призван нейтрализовать вредные для советского режима западные, буржуазные влияния, воздействия которых Кремль особенно опасался на западные советские республики, в том числе на Беларусь [6, с. 419, 427–428].

Партийно-государственная система управления зарубежными связями как часть общесоюзной системы сформировалась в республике к началу 60-х гг. Ее главной целью было обеспечение интересов политического режима, который правил страной. Характерными чертами советской партийно-государственной системы управления зарубежными связями как на общесоюзном, так и на республиканском, региональном уровнях были: жёсткий контроль партийно-государственного аппарата над всеми формами зарубежных контактов и культурных обменов, государственными и общественными организациями, которые действовали в этой сфере; дозирование и регламентация международных информационно-культурных и гуманитарных обменов и контактов (преследование и подавление инакомыслия, цензура, глушения зарубежных радиостанций, деятельность спецхранилищ в библиотеках, контроль над иностранными и отечественными туристами); материальная и моральная поддержка лояльных СССР политических и общественных деятелей, представителей науки, культуры и искусства; ограничение в международных контактах деятельности, направленной на расширение национальных культур, традиций и языков нерусских народов СССР. Главной отличительной чертой системы международного культурного сотрудничества БССР являлась, как отмечает В.Г.Шадурский, партийно-государственная монополия на международное общение белорусских граждан [7, с. 73–74, 89–90].

К началу 60-х гг. сформировалась система государственных органов внешних отношений БССР, состоявшая из центральных (внутригосударственных) и зарубежных органов. К центральным органам внешних сношений БССР относились Верховный Совет и его Президиум (коллективный глава государства), Совет Министров и МИД. Зарубежные органы внешних сношений БССР делились на постоянные (напр., Постоянное представительство БССР при ООН в Нью-Йорке) и временные (делегации в ООН и ее специализированных учреждениях и на международных конференциях) [3, с. 181; 4, с. 66–67]. Консульские сношения с иностранными государствами БССР осуществляла преимущественно с помощью консульских учреждений Союза ССР за границей. Как известно, дипломатических отношений с иностранными государствами БССР, как и УССР, не имела.

Понятие «партийно-государственная система управления зарубежными связями Белорусской ССР» введено в научный оборот автором [8]. Позднее С.Ф. Свилас расширила его, включив в термин «система внешнеполитической деятельности БССР». Она определяет эту систему как «совокупность взаимосвязанных внешнеполитических акций, осуществлявшихся государственными органами (внутригосударственными и зарубежными), а также общественными организациями» [9, с. 22]. Можно сказать, что два наших определения развивают и дополняют друг друга, отражая институциональную связь исследователей, поскольку автор был научным консультантом по докторской диссертации С. Свилас.

На примере изучения деятельности БССР в ЮНЕСКО в 1954–1964 гг. С. Свилас сделан вывод о том, что членство в этой организации осуществлялось в условиях партийно-государственной монополии на международные связи и слегка приподнятого «железного занавеса». МИД БССР, который разрабатывал и реализовывал политическую линию партии и правительства и координировал деятельность республиканских министерств, ведомств и общественных организаций в области сотрудничества с ЮНЕСКО, руководствовался указаниями ЦК КПБ, а решения по вопросам сотрудничества республики с Организацией принимались после согласования с союзным «Центром» – ЦК КПСС, МИД СССР, Комиссией СССР по делам ЮНЕСКО. Система управления деятельностью БССР в ЮНЕСКО была частью общесоюзной и сформировалась к середине 1960-х гг. [9, с. 22–23, 32–33].

Рассмотрим кратко внешнеполитические полномочия и деятельность высших органов власти БССР. В послевоенные годы в связи

с развитием внешних сношений республики Верховный Совет БССР и его Президиум стали более активно заниматься вопросами внешнеполитической деятельности и зарубежных связей Беларуси. Расширилась деятельность Президиума Верховного Совета БССР по ратификации (присоединению) международных договоров и соглашений, подписанных представителями БССР. В 1945–1962 гг. БССР подписала и ратифицировала 70 международных актов [10, с. 8]. Кроме 65 актов (договоров и соглашений) многостороннего характера БССР заключила в 1944–1952 гг. 5 актов (соглашений и протоколов) с Польской Народной Республикой, которые имели отношение к эвакуации населения, демаркации советско-польской границы и взаимной передаче зубров, лосей и бобров. Эти двусторонние акты не подлежали ратификации [10, с. 335; 11, с. 1048–1050].

В соответствии с конституционными изменениями 1944 г. союзная и республиканские конституции были дополнены рядом новых положений. В частности, к конституционным полномочиям Президиума Верховного Совета БССР относились установления, касающиеся назначения и отзыва дипломатических представителей БССР в иностранных государствах; приёма верительных и отзывных грамот аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств. Однако эти нормы не нашли активного воплощения в дипломатической практике БССР и УССР как первоначальных членов ООН, не говоря уже о других союзных республиках [12, с. 107–109]. Украинский историк Е. Каминский, говоря о внешнеполитических полномочиях, закреплённых в Конституции УССР (представительство республики в международных отношениях, право назначения и отзыва представителей УССР в зарубежных государствах и аккредитации иностранных дипломатов, констатирует, что по большому счету, ни один из этих пунктов никогда не был реализован [13, с. 552].

Постоянные представительства БССР были открыты при ООН и некоторых других международных организациях: при ООН в Нью-Йорке (1958 г.), Европейском отделении ООН в Женеве, при ЮНЕСКО в Париже (1962 г.), международных организаций в Вене. Иных представительств вне рамок этих международных организаций (на двусторонней межгосударственной основе) БССР и УССР не имели. В конце 40-х годов первое консульство зарубежного государства (ПНР) открылось в Киеве, позднее в столице Украины были учреждены генеральные консульства ряда социалистических стран. В Минске в 1972 г. начали свою работу генеральные консульства ПНР и ГДР, в 1989 г. – Народной Республики Болгарии.

Конституционная реформа, предоставив республикам внешне-политические полномочия, оказавшиеся позднее существенно ограниченными на практике, на законодательном уровне также сделала так, чтобы сохранить внешнеполитический контроль союзного центра над членами федерации. Это монопольное положение Союза ССР во внешнеполитической деятельности было предусмотрено в принципиально важной норме о внесении дополнений в Конституцию СССР 1936 г.: п. 2 «а» – «дополнить ст. 14, п. «а», «представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров» словами «установление общего порядка во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами» [14] (выделено авт.). В Беларуси этот «общий порядок» был установлен Указом Президиума Верховного Совета БССР от 25 августа 1948 г. «О порядке сношений государственных учреждений Белорусской ССР и их должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств» [15, с. 39–40]. Союзный и республиканский указы действовали вплоть до прекращения существования СССР в декабре 1991 г. Это означало, что реализация декларированной в союзной и республиканских конституциях нормы о праве на внешние сношения союзных республик зависела не столько от воли самих республик, сколько от «особого разрешения МИД СССР» [12, с. 104–105]. В целом работа Верховного Совета БССР и его Президиума в сфере внешней политики не была активной и разносторонней.

Республиканский Совет Министров осуществлял руководство в сфере отношений БССР с зарубежными странами и международными организациями в порядке, установленном Союзом ССР. Белорусское правительство принимало решения о подписании БССР международных договоров и соглашений, вступлении в международные организации и участии в международных конференциях, совместные с ЦК КПБ постановления по конкретным внешнеполитическим вопросам, выступало с внешнеполитическими заявлениями [15, с. 85, 134]. В период 1950–1990 гг. было сделано только три подобных заявления – это заявление Совета Министров БССР от 1 ноября 1956 г. с осуждением тройственной агрессии Великобритании, Франции и Израиля против Египта, заявление «Нацистские преступники должны быть наказаны независимо от срока давности совершенных ими преступлений» от 15 января 1965 г. [15, с. 174–177], заявление с осуждением агрессии Израиля против арабских стран (июнь 1967 г.). Ряд внешнеполитических функций выполняло Постоянное представительство Совета Министров БССР при Совете Министров СССР [16, с. 68–69].

Оперативным управлением международными связями республики занималось Министерство иностранных дел БССР. Оно осуществляло отношения республики с зарубежными странами и международными организациями; гипотетически могло поддерживать контакты с дипломатическими представительствами других государств, которые находились бы на территории БССР, а реально выполняло эту функцию только в отношениях с несколькими иностранными консульствами на территории БССР [15, с. 247–255]; координировало отношения государственных органов республики с государственными органами зарубежных стран и осуществляло ряд других функций. Министр иностранных дел БССР как член правительства назначался Верховным Советом БССР, а в период между сессиями – Президиумом Верховного Совета с последующим внесением на утверждение высшего органа государственной власти БССР. Эти назначения не требовали какого-либо утверждения со стороны МИД СССР или другого союзного органа [3, с. 184], хотя требовали безусловного одобрения кандидатуры министра со стороны бюро ЦК КПБ и политбюро ЦК КПСС.

К началу 60-х годов сформировалась система внешнеполитической деятельности БССР как неотъемлемой, составной части общесоюзной системы. Ее основными структурными элементами был партийно-государственный механизм управления внешнеполитической деятельностью и зарубежными связями республики и аппарат внешних сношений, состоявший из высших органов государственной власти и общественных организаций. Ключевую, ведущую роль в советском внешнеполитическом механизме играла КПСС, что даёт основания исследователям писать о партийно-государственной монополии на международное общение применительно как ко всему «советскому народу» (новой исторической общности, все-таки сложившейся в основном в СССР), так и к белорусскому народу, населявшему БССР.

Какое отношение имел А. А. Громько к союзной и республиканским системам внешнеполитической деятельности? Автор об этом писал, имея в виду его дипломатическую деятельность в 1944 – конце 1940-х гг. Тогда формировалась и утверждалась система политико-правовых отношений между Центром и республиками в области международных отношений. А. Громько принимал активное участие в реализации установок центральных органов власти (партии и правительства), направленных на вывод союзных республик на международную арену, включение УССР и БССР в состав первоначальных членов ООН и последующее отстаивание их интересов на форумах ООН и международных конференций [17]. В истории внешней политики

СССР послевоенного времени, как это не покажется странным, внешнеполитическая деятельность «двух основных союзных республик» оказалась наиболее активной в годы сталинской дипломатии. Тогда набирал силу и расцветал дипломатический талант А. Громыко. Он стал министром иностранных дел в 1957 г., в годы «оттепели» и распространения «духа Женевы», когда союзные республики получили больше прав в области внутренней политики, следуя, однако проторённой колеей на международной арене.

На посту министра А. Громыко умело выражал интересы своей сверхдержавы, мастерски ведя дела с Западом в годы конфронтации и разрядки. Республикам, в том числе и в первую очередь двум членам ООН, в его большой политике места не было. Это соответствовало духу и букве времени, требовавших концентрации усилий в руках союзного Центра. Позиция председателя Президиума Верховного Совета СССР давала формально даже больше возможностей для подключения республиканского фактора к внешней политике Союза, учитывая политику перестройки, нового мышления и активизацию республик. Но играть самостоятельную роль на этом фасадном посту А. Громыко не пытался и не хотел.

Возвращаясь к малоисследованной теме о роли министров иностранных дел во взаимоотношениях между Центром и республиками, отметим, что В. М. Молотов в силу сочетания ряда объективных и субъективных факторов сумел более эффективно задействовать союзные республики для реализации целей и задач советской внешней политики, чем его последователи. Завершавший советскую эпоху, и преемник А. Громыко Э. А. Шеварднадзе был вынужден как сторонник М. С. Горбачева и конечно по своей воле как представитель союзной республики вдохнуть новую жизнь в тихую внешнеполитическую деятельность республик. За 6 лет перестройки они успели пробежать историческую дистанцию от формального суверенитета к провозглашению независимости.

Источники и литература

1. Снапковский, В. Е. Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии / В.Е. Снапковский. – Минск: Право и экономика, 2021. – 318 с.
2. Свилас, С. Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.) / С.Ф. Свилас. – Минск: БГУ, 2013. – 463 с.

3. Ястребов, В. И. Государственно-правовой механизм осуществления внешней политики СССР / В.И. Ястребов // Конституционные основы внешней политики Советского государства. М.: Международные отношения, 1978. – С. 147–186.

4. Бровка, Ю. П. Международная правосубъектность БССР / Ю.П. Бровка. – Минск: Наука и техника, 1967. – 164 с.

5. Павленко, О. В. Перелом: А.А. Громыко в первый год перестройки / О. В. Павленко // “Война между государствами – великое зло”. К 110-летию А. А. Громыко / Общ. ред. Ал.А. Громыко. - М.: Издательство «Весь мир»; ИЕ РАН, 2019. – С. 237–255.

6. Носкова, А. Ф. Послевоенное десятилетие. 1945–1955 / А.Ф. Носкова // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект-Пресс, 2010. – С. 394–430.

7. Шадурский, В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945–1990-е гг.) / В. Г. Шадурский. – Минск, БГУ, 2000. – 285 с.

8. Снапкоўскі, У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР: партыйна-дзяржаўная сістэма кіравання і дыпламатыя (1950–1980-я гг.) / У. Е. Снапкоўскі // Беларусский журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2004. – № 4. – С. 29–32.

9. Свилас, С.Ф. ЮНЕСКО в системе внешнеполитической деятельности Белорусской ССР (1954–1964 гг.) / С. Ф. Свилас. – Автореф. дис... д-ра ист. наук. – Минск: БГУ, 2018. – 47 с.

10. Белорусская ССР на международной арене. Под ред. К.В. Киселева. -М.: Международные отношения, 1964. – 334 с.

11. Белорусская ССР в международных отношениях: Международные договоры, конвенции и соглашения БССР с иностранными государствами (1944–1959 гг.). Под ред. К.В. Киселева. – Минск, Издательство АН БССР, 1960. – 1049 с.

12. Кремнев, П. П. Распад СССР: международно-правовые проблемы / П. П. Кремнев. – М.: Зерцало. – М, 2005. – 255 с.

13. Каміньський, Є. Є. Повоєнна дипломатія Української РСР / Є. Є. Каміньський // Нариси з історії дипломатії України. Ред. В.А. Смолій. – Київ: Альтернативи, 2001. – С. 550–616.

14. Конституция СССР 1936 г. в ред. Закона СССР от 1 февраля 1944 г. [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/9616/>. – Дата доступа: 10.03.2022.

15. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 5 (верасень 1945 г. – 1975 г.). – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2002. – 344 с.

16. Бровка, Ю. П. Белорусская ССР – суверенный участник международного общения / Ю. П. Бровка. – Минск: Наука и техника, 1974. – 182 с.

17. Снапковский, В. Е. А. А. Громько и внешнеполитическая деятельность союзных республик / В. Е. Снапковский // «Война между государствами – великое зло». К 110-летию А.А. Громько / Общ. ред. Ал.А. Громько. -М.: Изд-во «Весь мир»; Институт Европы РАН, 2019. – С. 375–387.

УДК 94(47).084.5

М. В. Брянцев

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ О ВЕРОЯТНОМ ПРОТИВНИКЕ В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАООГО)

В статье на основе анализа информационных сводок рассматриваются представления населения Гомельской губернии в первой половине 1920-х гг. о вероятном противнике в предстоящей войне. Делается вывод, что население губернии постоянно жило в ожидании войны, которое подпитывалось не только газетными сообщениями и пропагандистскими мероприятиями власти, но и слухами. Близость границы с Польшей и напряжённые отношения с ней предопределили тот факт, что жителям губернии самым вероятным противником виделась именно Польша, через войну с которой, как они считали, СССР будет втянут в новую мировую войну.

Вопрос о том, кто может стать противником в грядущей войне, на всём протяжении 1920-х годов волновал не только военных, но и всё население СССР. Особенно остро он стоял на приграничных территориях. В этой связи весьма важным является исследование представлений на этот предмет населения Гомельской губернии, существовавшей в 1919–1926 гг. Для определения, кого же именно оно видело в образе вероятного противника, были использованы материалы Государственного архива общественных объединений Гомельской области (ГАООГО).

Советское правительство с самого начала своего существования пыталось втягивать население в политические процессы, придавая видимость его активного участия. Это относилось и к вопросам международной политики. По подсчётам Дж. Брукса статьи на иностранные темы занимали примерно 10% от всей площади в газетах «Правда», «Труд» и «Крестьянская газета». На Англию, Германию, Францию и США приходилось более половины площади, отведённой на зарубежную тематику в «Правде» и «Крестьянской газете», а в «Труде» – более 60%.

Восточная и Центральная Европа занимали 10% репортажей, а страны Балтии и Скандинавии – менее 5%. Большая часть остальных касалась вопросов, связанных с Западом. Другие же страны игнорировались. И только Китай фигурировал регулярно, занимая 7% места в партийных и крестьянских газетах, и только 3% в газете «Труд» [1, р. 1437]. Выводы Брукса заслуживают доверия, но, обратившись к различным регионам СССР, мы встретим несколько иную картину. Многие зависели от состояния отношений с соседними странами. Здесь на первый план выходили не газетные сообщения, а непосредственный жизненный опыт и слухи, циркулировавшие в той или иной местности.

Стремление большевиков вовлечь в политические процессы населения на практике реализовывалось весьма сложно и противоречиво. У разных слоёв населения отношение к вопросам международной политики отличалось, что отмечено в отчёте Гомельского губкома за период с октября 1923 г. по март 1924 г. В нём признавалось, что, несмотря на широкое освещение вопроса о международном положении, «крестьянство большого подъёма не выявило». Но делался весьма позитивный вывод о том, «что Советская власть внедрилась в быт крестьянства» [2, л. 272]. Насколько эти выводы были оптимистичны сказать трудно, но сама жизнь крестьян не предполагала активной политической позиции. Вынужденные бороться за своё элементарное выживание, крестьяне ко всему, в том числе и политике, подходили со своей практической меркой – насколько проводимые мероприятия выгодны крестьянству. Обсуждаемые международные события были лишь поводом для бесед во время перекуров, где газеты, прежде чем их раскурить, читались и, естественно, обсуждались [3, л. 72]. Вообще вывод о росте интереса к политике часто делался на основе увеличения числа подписчиков газет [4, л. 15]. Однако, как свидетельствовали современники, ситуация с печатной продукцией в деревне было совершенно иной, чем в довоенное время – число газет в деревне резко уменьшилось [5, с. 300]. Я Шафир писал: «Деревня

без газеты – это значит, что информацию о том, что происходит во внешнем для крестьянина мире, деревня получает из мутных и подозрительных источников, в чудовищно-нелепом и политически диком освещении» [6, с. 3]. Этот взгляд на роль слухов в формировании образа внешнего мира поддержал современный исследователь А. В. Голубев [7, с. 77–78]. В целом с этим можно согласиться. Однако следует отметить, что каналов формирования внешнеполитических образов было гораздо больше и роль газет, думается, также была более весомой, что отмечали современники. Несомненно, слухи в силу своих особенностей, занимали важное место в жизни населения, в условиях получения им ограниченной информации. Однако следует учитывать тот факт, что в основе многих слухов лежали сведения, почерпнутые из газет, но специфически препарированные сознанием малограмотного или вовсе неграмотного человека. Это явление было понятно уже современникам, которые указывали, что, например, газетные публикации, посвящённые 10-летию начала мировой войны, создавали напряжение в обществе и порождали слухи о скорой войне.

Свою лепту в разжигание беспокойства вносили «неумелые докладчики, [которые] сеют только панику среди населения, при чём отмечается, что эту кампанию, как газетную, так и устную, крестьянство понимает, как предложение к походу союза всех капиталистических стран на СССР», – отмечалось в информсводке из Стародубского уезда [3, л. 188–189].

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет весьма релевантно реконструировать представления населения о вероятном противнике в грядущей войне.

Анализ информационных материалов по Гомельской губернии показывает, что население очевиднейшим противником СССР считало соседнюю Польшу. Разговоры о войне с ней занимали большое место в жизни жителей этой губернии. «Среди гр-н Залинейного района г. Гомеля в последнее время замечаются разговоры о возможности войны между СССР и Польшей, ожидают каких-то событий и настроение беспокойное. О возможности войны говорят везде» [8, л. 589]. Страхи и враждебность любое событие, даже далёкое от военных приготовлений, интерпретировали как признак приближающейся войны. Так, в Суражской волости разговоры о близкой войне с Польшей породила установка «маяков по линии Бобруйск-Смоленск». Разносились молва и о приготовлениях в других местах, отмечая, что к войне с СССР готовится буржуазия, не конкретизируя страны [3, л. 162]. В июле 1925 г. в д. Лукина, Чаусской волости, Стародубского уезда на

общем собрании «по получении сведений о нападении польских пограничников на наш пограничный пост», естественно, «кулаки» на собрании говорили, что «вот, уже стыки есть, скоро начнется война и коммунисты все разбегутся, если и попробуют нас мобилизовать, то мы всё вверх дном перевернём, а бедноту загоним, и они будут сидеть и пикнуть им не дадим, как они нам не дают пикнуть». Насколько такие слухи были правдоподобны сказать трудно. Составители сводок явно пытались придать им классовое происхождение. Достоверность такого этого сообщения информатор аргументировал тем, что бедняки болезненно отреагировали на слова местных кулаков, требуя их занести в протокол собрания. По словам осведомителя, «секретарь собрания сказал беднякам, чтобы это они сказали своим батькам, а в протокол этого заносить нельзя, потому что приедут из ВИКа и заберут виновных...». Эти слова указывают на то, что отношения, во всяком случае в данной деревне, были не так просты, как отмечалось в информационной сводке. Очевиднее всего, что данная ситуация свидетельствовала о вражде среди молодого поколения деревни. Несмотря на противоречия и на то, что дело чуть ли не дошло до драки, всё же единство деревенского мира оказывалось более ценной категорией, чем классовая борьба [9, л. 181].

Важным элементом распространяемых слухов являлась их «достоверность». Каждый рассказчик пытался уверить слушателей, приводя конкурентные сведения. Так, в начале лета 1925 г. в д. Рудни-Маримановой Дятловичской волости говорили о военных действиях Польши с Россией и что, якобы, в Гомель привезены раненые около 100 человек. Примечательно, что источником этих слухов стал еврей, приехавший из Киева для закупки дров [9, л. 83]. В сентябре 1925 г. в д. Унеча Клинцовского уезда циркулировал слух о том, что Минск забран поляками и раненых эшелонами везут в Харьков [9, л. 246].

Реальность этим слухам придавали разговоры о том, что в Смоленске произведена мобилизация граждан до 42-х лет, а у граждан армией было изъято 100 коров. Напуганные этим сообщением, крестьяне стали продавать скот, спасаясь от его реквизиции [9, л. 247]. Находясь в состоянии постоянного напряжения, население Хойникской волости Речицкого уезда даже прекращение резки клепки на заводах приняло за признак скорой войны. В крестьянской среде д. Новоселок Тихон Пинчук уверял односельчан, что он слышал в Хойниках, что Советские войска поехали на польскую границу. В связи со слухами о войне среди молодёжи наблюдается большой подъём духа. Некоторые

из молодых людей говорили: «Все пойдём на войну, а поляков не пустим к нам в СССР, если будет война с поляками, то в Польше будет революция, что будет хорошо для СССР» [8, л. 436]. И совсем воинственно были настроены красноармейцы Западного военного округа, среди которых существовали шапкозакидательские настроения, что волновало командование. На это указывало донесение политуправления Западного военного округа в начале зимы 1925 г., отмечавшее заявление красноармейцев о том, что, если «нападут – дадим должный отпор, всегда готовы помочь трудящимся», «готовы хоть сейчас драться», «Польше мы в два счёта надаем» [10, л. 357]. В этих заявлениях проявлялось явное влияние не только газетных публикаций, но и, вероятно, тех уроков политической грамотности, которые давались в армейских частях на политзанятиях. Однако же большинство населения высказывалось против войны, «мотивируя тем, что, мол, к нынешним порядкам понемногу уже привыкли, дела улучшаются и через некоторое время будет совсем хорошо, а если будет война, опять будут разруха и разорение» [8, л. 461].

Вместе с тем, другая часть населения, как правило – зажиточная, мыслила иначе, надеясь, что будущая война позволит избавиться от ненавистного большевистского режима. Так, летом 1926 г. в разгар забастовки английских горняков бывший офицер Е. И. Болдовский, житель с. Лыщицы Пятовской волости Стародубского уезда в разговоре с односельчанином уверенно говорил: «Забастовка скоро будет подавлена капиталистами, в Польше избран король, и вот все объединятся и уничтожат грабительскую, ненавистную нам власть. Потерпи, дед, у меня самого наболело на сердце, осталось немного погоревать, месяца два и не больше». Малах на это ответил: «Да, я сам вижу, что вот-вот должен быть конец» [8, л. 318].

Страшило также и то, что в случае войны с Польшей, «СССР очутится в неприятном положении, ибо Польше будут помогать западные государства, у коих, по сравнению с СССР, техника далеко ушла вперёд» [8, л. 589]. Об этом говорил крестьянин д. Бакуны Брагинской волости Речицкого уезда А. Кулай, заверяя, что в Польшу приехало много французских и английских генералов для военной подготовки [8, л. 216]. Таким образом, для людей оказывалось важным не только само столкновение с Польшей, а и понимание того, что это будет противоборство с западным миром, имеющим техническое превосходство над СССР.

Постоянное напряжение, вызванное не только слухами о войне, но и газетными публикациями, вызывало недоверие к официальной информации, которая опровергала или не соответствовала этим слухам.

Так, весной 1925 г. на Глуховской суконной фабрике имени Зиновьева в Клинцах рабочие обвиняли власть за то, что она замалчивает события на польском фронте, где развернулись боевые действия, и польские войска уже захватили два советских города. Все это было основано на слухах о развернувшихся, якобы, военных действиях между Польшей и СССР [11, л. 177]. Широкому распространению слухов способствовала вера в их правдивость. Достоверность начавшейся войны подтверждалась разговорами о том, «что в Новозыбкове грузится артиллерия и направляется к границе Запада». Этот слух распространял поп Бурцевич в начале лета 1925 г. в с. Сачковичи Новозыбковского уезда. Его поддержал арендатор Сачковской водяной мельницы Корнеев, заявлявший, что «русской коммуне в недалёком будущем будет то, что было и западной коммуне» [9, л. 83]. Примечательно, что все слухи выражали надежды на поражение коммунистов в грядущей войне

Спустя год слухи о войне с Польшей не утихали. В Бобруйском округе в начале осени 1926 г. упорно говорили о начале войны с Польшей, некоторые утвердительно подчеркивали факт начала войны, обоснованием чего стала опытная мобилизация в округе. Некоторые оценивали начавшийся конфликт Польши с Литвой как возможность начала войны, в которой Англия станет на сторону Польши, а Россия будет воевать на стороне Литвы [8, л. 536]. Среди служащих правления Клинцовского текстильного треста распространилось мнение: «Так как СССР не в состоянии воевать <...> как только Польша покончит с Литвой, а то, что она с ней покончит это бесспорно, у Белоруссии будет забран Минск и между СССР и Англией и Францией будет создано буферное Литовско-Польское государство» [8, л. 622].

В других местах Гомельской губернии говорили только о подготовке Польши к войне. И опять основанием для слухов стали действия местных органов власти. Так, в Клинцах местная администрация издала распоряжение о регистрации военнообязанных с 1903 г. рождения, что породило на Стодольской фабрике в Клинцах разговоры о начале войны с Польшей в ближайшие недели [8, л. 540]. В октябре того же года кустари Клинцов разнесли слух, непонятно откуда взявшийся, «что над г. Киевом летали польские аэропланы, сбросили несколько бомб и якобы вследствие этого пограничные войска СССР отступили от границы на 10 вёрст» [8, л. 701]. Очевидно, что в народном сознании наиболее вероятным противником СССР в ближайшей перспективе являлась именно Польша.

Вероятно, понимая на подсознательном уровне, что существует системное противостояние СССР и западного мира, крестьяне были уверены, что будущая война будет «всемирной». Уверенность в этом придавали разговоры о том, что в Польшу приехало много французских и

английских генералов для военной подготовки [8, л. 216]. Советская власть понимала опасность разговоров о едином фронте империалистических государств против СССР. Официальные органы объявляли их контрреволюционными [9, л. 51].

Массированное давление на население различного рода пропаганды приводило к тому, что оно начинало оценивать результаты правления большевиков и не всегда это оказывалось в пользу последних. Так, в августе 1926 г. с. Крапивна Чуровичской волости Новозыбковского уезда в избе-читальне секретарём ВЛКСМ был сделан доклад о событиях в Англии и Польше. При обсуждении крестьянин-середняк Шпак Антон, служивший в царском флоте, говорил, обращаясь к секретарю ячейки: «Вот, все вы говорите, что за границей плохо живется, а нам здесь хорошо, вы то жалование получаете, то вам ничего и вы спокойны, а у нас спокойствия нет, ударит засуха – хлеб горит, а власть этого не видит, время подойдёт, скажет – давай налог, а то заберем скотину, вот и думай, что царская власть была плоха, а советская ещё хуже, может быть рабочим то у нас лучше, а наша серая скотина-мужичок не скоро проснётся, чтобы отстаивать свои права, поэтому нам и живётся плохо, налоги невоготу, а вы говорите, что у нас все хорошо» [8, л. 412]. Несмотря на противоречивый взгляд крестьян на положение рабочих, последние также выражали своё недовольство своим положением. Низкая оплата труда, тяжёлые материальные условия, усугублялись различного рода поборами со стороны государства и профсоюза. Летом 1926 г. рабочие выражали своё недовольство сбором средств в пользу английских горняков [12] и тем, «что деньги уходят также на Красную Армию на подготовку войны с Польшей» [8, л. 425].

Таким образом, анализ архивных материалов позволяет говорить, что в представлениях населения Гомельской губернии в первой половине 1920-х годов, несмотря на боязнь войны, как таковой, всё же главным противником виделась именно Польша, которая должна была втянуть в войну против СССР другие капиталистические страны и война приобретёт характер мировой.

Заметным явлением в настроениях населения губернии стала оценка возможностей, связанных с началом войны: для одних, она станет моментом, позволяющим свести счёты с советской властью, другие же (большинство) опасались результатов разрушительной войны, нарушающей только что приобретенный покой. Не случайно, жители д. Анушино говорили: «Лучше отдать всё, но не воевать». И здесь же информатор отметил, вероятно, выражая своё впечатление по этому вопросу, что крестьяне в большинстве своём войны не хотят [3, л. 198].

Источники и литература

1. Brooks, J. Official Xenophobia and Popular Cosmopolitanism in Early Soviet Russia / J. Brooks // American Historical Review. – 1992. – Vol. 97. – № 5. – P. 1431–1448.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее – ГАООГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2017.
3. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2431.
4. ГАНИСО (Это что? Государственный архив новейшей истории Саратовской области?). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1942.
5. Большаков, А. М. Деревня : 1917–1927 / А. М. Большаков ; с предисл. М. Калинина и акад. С. Ф. Ольденбурга. – М. : Работник просвещения, 1927. – 472 с.
6. Шафир, Я. Газета и деревня / Я. Шафир. – М. : Красная новь, 1923. – 146 с.
7. Голубев, А. В. «Старик Наслышка» : неформальные образы внешнего мира в советском обществе 1920-х гг. / А. В. Голубев // Российская история. – 2018. – № 3. – С. 77–86.
8. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2932.
9. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2751.
10. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2432.
11. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1938.
12. Брянцев, М. В. Английская Всеобщая стачка 1926 г. в оценке населения советской России / М. В. Брянцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 72–82.

УДК 930(476):94:327((47+57):430)«1933-1939»

С. Н. Рожкова

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРИОДА НАРАСТАНИЯ УГРОЗЫ НОВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1933 – НАЧАЛО 1939 ГОДОВ)

В статье охарактеризована белорусская историография, посвященная советско-германским отношениям 1933–1939 гг. Установлены и оха-

рактированы важнейшие положения и выводы, к которым пришли белорусские исследователи данной проблемы, определена их научная обоснованность. Осуществлен сравнительный анализ советского и постсоветского этапов белорусской историографии советско-германских отношений указанного периода.

В белорусской историографии распространена точка зрения, что в Германии, год прихода Гитлера к власти стал переломным моментом в советско-германских отношениях. 1933–1939 гг. – это сложный и важный период в отношениях СССР и Германии, который требует глубокого и всестороннего изучения и вызывает интерес у исследователей разных стран, в том числе и у белорусских историков. Однако в исторической науке практически нет работ по историографии советско-германских отношений 1933–1939 годов.

В белорусской советской историографии при характеристике внешней политики нацистской Германии основной акцент делается на подчеркивание ее агрессивного характера. Такой подход сформировался сразу же после прихода Гитлера к власти. Уже в середине 1930-х гг. Х. Каррадов отмечал, что всеобщее международное положение в то время характеризовалось ростом военной опасности. Он считал, что военная угроза является итогом нового обострения всех внутренних и внешних противоречий капиталистического мира, связанная с мировым экономическим кризисом. В период кризиса произошел рост нацистского движения. Причиной усиления военной опасности являлось стремление европейских государств к новому переделу мира, считает автор. Основным очагом военной опасности в этот период являлась Германия, которая хотела начать передел мира с советского государства, резюмирует Х. Каррадов. Германия не скрывала свои агрессивные планы против СССР, а наоборот открыто говорила о расчленении Советского Союза, показывала свою классовую ненависть к социалистическому государству. В свою очередь, основной задачей внешней политики СССР, по мнению Х. Каррадова, всегда была борьба за мир [1, с. 30].

Д. С. Климовский считает, что Германия с приходом нацистов к власти начала подготовку к войне для полной ликвидации Версальской системы. Единственной страной, которая выступала против подготовки Германии к войне, был СССР. Главная цель внешней политики Гитлера – изменение европейских границ за счет соседей, отмечает автор. Д. С. Климовский пишет, что к осени 1939 года Германия была готова для решения восточного вопроса. Д. С. Климовский также отмечал, что после прихода к власти, Гитлер ввёл всеобщую воинскую

повинность и начал строить воздушный флот, не считаясь с Версальским договором. Фюрер не скрывал намерение «крестового похода» против СССР [2, с. 261, 263]. Таким образом, в белорусской советской историографии историки пришли к выводу, что после прихода Гитлера к власти Германия подчеркивала агрессивный характер внешней политики. Германия не скрывала свои агрессивные планы против СССР. Основной задачей внешней политики СССР всегда была борьба за мир.

Для белорусской постсоветской историографии общепризнанным является тезис, что приход к власти в Германии Гитлера 30 января 1933 г. стал определенным рубежом в развитии международных отношений в Европе, обозначив начало подготовки к развязыванию новой мировой войны. Он явился также четким рубежом в советско-германских отношениях, для которых период рапалльского сотрудничества сменился периодом похолодания и нарастающей напряженности.

В. А. Космач отмечает, что приход к власти нацистов в 1933 году привел к свертыванию внешней культурной политики с СССР. Это отражало позицию реакционных сил Германии по отношению к рапалльскому курсу в целом. Их классово-политические интересы возобладали над потребностями сотрудничества с СССР, что противоречило национальным интересам Германии, считает В. А. Космач [3, с. 43; 4, с. 173; 5, с. 16; 6, с. 70; 7, с. 39; 8, с. 54; 9, с. 143; 10, с. 358]. В этой связи В. А. Космач отмечает, что с приходом Гитлера к власти внешняя культурная политика оказалась под его полным контролем и выполняла конкретные идеологические задачи третьего рейха. В немецкой внешней культурной политике историк выделил несколько концепций, конкурирующих между собой. Первая концепция Розенберга, где ставка делалась на ось Берлин-Лондон. Вторая-концепция Риббентропа, предполагавшая союз с Италией и Японией для вторжения на Запад и в последующем на СССР. Третий вариант предполагал сотрудничество с СССР для противодействия Версальским соглашениям. В. А. Космач резюмирует, что внешняя культурная политика была рассчитана на культурную экспансию в другие страны и не предполагала культурные и научные контакты с внешним миром, в том числе и СССР [11, с. 177].

А. В. Мишин и Т. Л. Ойстра-Демидова, С. М. Стародынова отмечают, что Гитлер, придя к власти, взял под контроль все сферы жизни общества. Так, в духовной сфере общества, во всех видах немецкого искусства наблюдается идеологическая направленность, в том числе и в советско-германских отношениях [12, с. 220, 225; 13, с. 185; 14, с. 165].

Историки Беларуси постсоветского периода пришли к выводу, что с приходом Гитлера к власти внешняя культурная политика оказалась под его полным контролем и выполняла конкретные идеологические задачи.

Д. А. Мигун также отмечает, что с приходом в Германии к власти Гитлера постепенно начала изменяться политика страны в отношении СССР [15, с. 140; 16, с. 170, 171; 17, с. 141, 142]. При этом Гитлер, с одной стороны, подчеркивал незыблемость прежнего рапалльского курса, а с другой стороны в отношении советских граждан и учреждений на территории Германии был начат террор и травля (аресты, обыски, преследования, подрыв деятельности торгпредства СССР и др.) Ноты протеста против бесчинств в Германии в отношении советских граждан и организаций, оставались без удовлетворения. Правда, автор отмечает, что к концу 1933 года, беззакония и бесчинства по отношению к советским учреждениям и советским гражданам стали спадать [18, с. 7; 15, с. 135]. Историки Беларуси отмечают, что отрицательное влияние на советско-германские отношения оказывали различные политические кампании в Германии, направленные против СССР. Сюда относились призывы к войне против советского государства, создание белогвардейской организации, клевета на советские компании, отмечает Д. А. Мигун [15, с. 139; 16, с. 170].

И. А. Литвиновский и Ю. И. Литвиновская также указывают на то, что в Германии начались преследования советских граждан и учреждений. В Берлине открыто призывали к борьбе против мирового большевизма, а также говорили, что судьба Советского государства предрешена. Гитлер открыто заявлял, что главным направлением его внешней политики является борьба с Советским Союзом. И. А. Литвиновский считает, что антибольшевизм, разжигаемый среди населения Германии, не способствовал её сближению с СССР. Но в то же время историк считают, что до 1939 года Гитлер не содействовал сближению с СССР и не мешал деятельности учреждений, налаживающих сотрудничество. Он стремился не довести ситуацию до полного разрыва отношений с советским государством [19, с. 243–244]. Историки Беларуси постсоветского периода указывают, что агрессивная политика нацистской Германии строилась на основе теории Гитлера о расширении «жизненного пространства». По мнению В. К. Коршука, приход Гитлера к власти означал переход Германии к политике, которая предполагала захват новых территорий для достижения достойной жизни немецким народом [20, с. 3].

Д. А. Мигун также придерживается точки зрения, что именно теория «жизненного пространства» стала основой внешней политики

нацистской Германии и представления о германском государстве. Согласно данной теории «жизненное пространство» Германии могло охватить всю поверхность Земли, что затрагивало интересы других государств. Приход к власти нацистов с их стремлением завоевать для Германии «жизненное пространство» Д. А. Мигун во многом связывает с ее поражением в Первой мировой войне [18, с. 7]. Отечественные историки делают акцент на том, что завоевать жизненное пространство Гитлер стремился прежде всего на Востоке за счет советских территорий. Примером могут служить исследования В. А. Космача, И. А. Литвиновского, Ю. И., Литвиновской, Л. Н. Кулеш И. В. Дубовец, А. Б. Бессольнов [21, с. 101; 22, с. 118; 23, с. 243; 239, с. 452; 24, с. 7–8].

По мнению А. М. Бабкова, главной причиной агрессии Германии против СССР была борьба за «жизненное пространство» на востоке, а борьба с большевизмом была обоснованием захватнических целей Германии. Для немецкого государства война с СССР, по мнению Гитлера, была необходима для расширения территории с целью обеспечения экономической безопасности Германии и одновременно реализации расового обновления, отмечает автор. К концу 1930-х годов Германия потратила на вооружение страны все валютные резервы. Выход из данной ситуации Гитлер видел в войне, чтобы не наступил голод [25, с. 55, 56]. Л. М. Хухлындина акцентирует внимание на то, что фюрер для завоевания «жизненного пространства» для арийской немецкой расы считал необходимой колонизацию «деградировавших» славяно-азиатских простор. Миссия немецкого государства заключалась в защите культуры Великой Европы от власти азиатской России. Историк выделила основные направления внешнеполитической деятельности Германии на Востоке. Во-первых, втягивание в сферу влияния Германии государств Прибалтики; во-вторых, переговоры с Польшей, чтобы настроить ее против СССР; в-третьих, любые проекты, которые бы могли ослабить советскую власть [26, с. 5]. Белорусские ученые постсоветского периода обратили внимание на разработку немецким руководством антисоветских планов. А. Г. Ливицкий, А. А. Осмоловский, изучая немецкие планы против СССР в период Третьего рейха, отмечают, что немецкое руководство планировало агрессию против Советского Союза задолго до войны. Уже в середине 1930-х годов был разработан план «А», под которым подразумевалась война против СССР. В этот период гитлеровское командование изучало сведения о Красной Армии и планировало варианты военных действий против СССР, отмечает историк [27, с. 168].

И. В. Дубовец считает, что экономической целью Германии на Востоке было захват сырья для промышленности (нефти, марганца, руды), продовольствия и продуктов сельского хозяйства [21, с. 103]. А. Б. Бессольнов определил цели, которые преследовал Гитлер, придя к власти. Во-первых, возрождение военной мощи Германии. Во-вторых, возвращение к довоенным границам. В-третьих, создание Германской империи. В-четвертых, обеспечение немцам жизненного пространства в Восточной Европе. Гитлер заявил свои претензии на те территории, которые никогда не являлись составными частями Германии ни на Западе, ни на Востоке Европы, отмечает историк. А. Б. Бессольнов указывает, что оправдание таких геополитических требований дала языческая нацистская доктрина неравномерности людей и наций. Эта доктрина была нацелена на доказательство расового превосходства, а также природного и этнического неравенства людей [24, с. 7, 8].

Таким образом, после прихода Гитлера к власти ухудшились советско-германские отношения, так как его целью было – расширением территории Германии, прежде всего, на Восток для обеспечения экономической безопасности Германии и расового обновления. Внешняя культурная политика была рассчитана на культурную экспансию, в том числе и в СССР, поэтому не предполагала советско-германское сотрудничество.

В. А. Космач считает, что концепция внешней политики Третьего рейха, разработанная Гитлером, включала несколько последовательных фаз: 1) «освобождение» Германии от военных ограничений Версаля, воссоздание полной военной мощи и возвращение территорий, потерянных по Версальскому мирному договору в 1919 г.; 2) «собираание немецких земель» и образование единого блока из 100 миллионов немцев для проведения «истинно арийской политики в Европе», превращение Германии в доминирующую державу в Центральной Европе, аннексия или нейтрализация таких противников, как Австрия, Чехословакия или Польша; 3) устранение как потенциального противника Франции; 4) завоевание «жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация» – покорение Европейской России, сокрушение Англии и захват её колоний, «создание предпосылок для мирового господства германо-арийской расы», превращение Германии в великую и непобедимую континентальную и мировую державу – «тысячелетний рейх» [28, с. 214; 29, с. 5].

А. М. Бабков отмечает, что немецкое руководство сформировало две концепции покорения территории СССР. Концепция А. Розенберга предлагала расчленение народов СССР по национальному при-

знаку и создание фиктивных государственных образований в Беларуси, Украине, Прибалтике, на Кавказе. Концепция Гитлера, Гимmlера и Геринга предполагала более жесткие методы создания «великой восточной империи» на территории СССР. В итоге две концепции преследовали одну цель – колонизация и порабощение народов СССР. Гитлер отверг концепцию Розенберга как слишком мягкую и не преследовавшую цель создания «великой восточной империи» [25, с. 57].

Д. А. Мигун в своем исследовании выделил Розенберга и М. Шойнер-Рихтера как политиков, которые сыграли особую роль в формировании идеологии нацизма. Под их влиянием Гитлер пришел к убеждению, что еврейство и марксизм, большевизм – это одно и то же, резюмирует автор. Эта идея выразилась в стремлении защитить Германию от угрозы большевизма. Таким образом, Советская Россия стала главным врагом Германии. Автор считает, что концепция Розенберга исходила из необходимости достижения англо-германского раздела мира, причем гитлеровской Германии досталась бы вся Европа, включая СССР, а Великобритании на первых порах гарантировалась бы целостность ее колониальной империи». Накануне Второй мировой войны возникла концепция Риббентропа, суть которой сводилась к борьбе с Великобританией, а затем с СССР. Д. А. Мигун пишет, что Риббентроп предлагал идею антибританского соглашения Германии, Италии и Японии, а Розенберг призывал к антисоветскому походу все европейские государства под руководством Германии. Гитлер, учитывая сложившуюся ситуацию в мире, выбрал предложения Риббентропа и начал войну сначала с Англией и Францией, а затем с СССР, пишет автор [18, с. 7].

Для белорусской постсоветской историографии общепризнанным является тезис, что приход к власти в Германии Гитлера 30 января 1933 г. стал определенным рубежом в развитии международных отношений в Европе, обозначив начало подготовки к развязыванию новой мировой войны. Период рапалльского сотрудничества сменился периодом похолодания и нарастающей напряженности.

Историки Беларуси указывают, что агрессивная политика нацистской Германии строилась на основе теории Гитлера о расширении «жизненного пространства», которая предполагала захват новых территорий для достижения достойной жизни немецким народом.

Характеризуя советско-германские отношения 1930-х гг. в контексте международной ситуации того времени, Л. М. Хухлындина отмечает, что министр иностранных дел Риббентроп считал оптимальным вариантом для Германии создать союз трех империй – Германии,

СССР и Японии, для совместного раздела сфер влияния на огромных евразийско-африканских просторах, а также присоединение СССР к пакту Рим-Берлин-Токио. Противоположную позицию относительно СССР занимал Гитлер. Он не считал, что Советский Союз в конечном итоге присоединится к Англии и США и выступит против Германии [26, с. 6]. Белорусские историки постсоветского периода обращаются к проблеме создания системы коллективной безопасности в Европе. В этой связи Л. М. Хухлындина отмечает, что для срыва советской инициативы по созданию системы коллективной безопасности, Гитлер главную ставку сделал на переговоры с Великобританией. Он убеждал британских политиков, что английский принцип равновесия устарел и не может отвечать британским интересам в условиях того времени. Причиной этому является нарастание военной угрозы на Востоке Европы и перспектива большевизации континентальной Европы, Англии, а потом и всего мира. Результатом сближения нацистской Германии с Великобританией на антисоветской основе, считает Л. М. Хухлындина, стало заключение в 1933 году “пакта четырех” (Лондон, Париж, Берлин, Рим) [26, с. 5]. А. В. Тихамиров отмечает, что немецкое руководство планировало установить также с Польшей хорошие отношения и вступить в союз против СССР, однако в 1938 году отношения с Польшей испортились из-за требования Германии передать ей город Данциг [30, с.177].

Д. А. Мигун в своем исследовании обращает внимание на то, что, придя к власти, Гитлер обнародовал свою программу, провозглашавшую целью создание нового порядка в мире. В связи с этим встал вопрос о создании системы коллективной безопасности. СССР в этой ситуации разработал свой план создания такой системы. Она предусматривала готовность СССР на определенных условиях вступить в Лигу Наций, чтобы заключить региональные соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. В советском плане содержалось требование расового и национального равноправия [31, с. 128–130]. Советское руководство призывало Лигу Наций принять решения, направленные на укрепление безопасности в Европе, отмечает историк. В 1936 году СССР внес предложение об укреплении и повышении эффективности Лиги Наций в борьбе с агрессорами, о превращении Лиги Наций в блок государств, заинтересованных в сохранении мира и объединившихся в целях взаимопомощи. Такая позиция СССР по вопросам безопасности, не могла оцениваться в Берлине иначе как антигерманская, констатирует Д. А. Мигун. [31, с. 139]. 30 сентября 1938 г. историки Беларуси считают рубежной датой, когда в Мюнхене

"во имя сохранения мира" западными державами Германии была передана Судетская область Чехословакии. Это событие, по мнению Л. М. Хухлындиной, можно считать не только во многом определившее дальнейший ход развития мировой политики, но и советско-германских отношений. После этого события советское руководство окончательно потеряло веру в Англию и Францию как возможных союзников. Это послужило Сталину серьезным сигналом о возросшей внешнеполитической угрозе. Опасность международной изоляции СССР, неудача курса СССР на создание системы коллективной безопасности, как считает Л. М. Хухлындина, привели к тому, что Германия и СССР постепенно пошли на взаимное сближение [26, с. 5].

Белорусские современные историки выявили ряд международных проблем, по которым между СССР и нацистской Германией имелись острые противоречия. Д. А. Мигун как одну из таких проблем рассматривает гражданскую войну в Испании 1936–1939 годов, характеризуя ее как пролог Второй мировой войны. Автор отмечает, что немецкое и советское вмешательство выразилось в прямой поддержке противоборствующих сторон конфликта. СССР выступил на стороне республиканского правительства, а Германия – мятежников. Попытка советизации Испанского государства обернулась трагическим изменением соотношения сил в Европе в пользу фашизма [32, с. 27].

Историки Беларуси пришли к выводу, что в 1930-е годы возникает противостояние между СССР и Германией. Оба государства всегда были по разную сторону баррикад. Они оказывали поддержку противоборствующим сторонам во время гражданской войны в Испании, постоянно проводили направленные друг против друга пропагандистские кампании. Советская дипломатия боролась за создание единого антифашистского фронта и системы коллективной безопасности. Западные державы предпочитали вести политику умиротворения. Опасность международной изоляции СССР, неудача курса СССР на создание системы коллективной безопасности, привели к тому, что Германия и СССР постепенно пошли на взаимное сближение.

Источники и литература

1. Каррадаў, Х. Рост ваеннай небяспекі і мірная палітыка СССР / Х. Каррадаў // 15 год барацьбы пад сцягам Леніна-Сталіна : зборнік артыкулаў, друкаваных у часопісе «Большэвік Беларусі» / [рэд. : К. Мінкін і інш.]. – Мінск : Выд-ва ЦК КП(б)Б «Звязда», 1935. – С. 27–39.

2. Климовский, Д. С. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений : из истории зарождения Второй мировой войны / Д. С. Климовский. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 287 с.

3. Космач, В. А. Советская Беларусь и Германия в 1917–1932 гг.: кампания солидарности, торговля, культурный обмен (уроки истории для современности) / В. А. Космач, Д. В. Романовский. – Витебск: Изд-во ВГУ ун-та им. П. М. Машерова, 2001. – 155 с.
4. Космач, В. А. Внешняя культурная политика в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.) / В. А. Космач. – Минск: БДПУ, 1994. – 373 с.
5. Космач, В. А. До и после Рапалло: Советская Россия и СССР во внешней культурной политике Германии (1917-1932 гг.): монография / В. А. Космач; УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – Витебск: ВГУ, 2003. – 178 с.
6. Космач, В. А. Германия в 1918–1919 гг.: рождение республики / В. А. Космач. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2008. – 169 с.
7. Космач, В. А. Палітыка Рапала і беларуска-германскія гаспадарча-эканамічныя, навукова-тэхнічныя і культурныя сувязі ў 1922–1932 гг.: стан, праблемы і вопыт / В. А. Космач // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы: матэрыялы міжнарод. “круглага стала”, (29–30 красавіка 1996 г.) / [рэдкал.: А. Мальдзіс (адк. рэд.) і інш.]. – Мінск: Нац. навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1996. – С. 39–46.
8. Космач, В. А. Германский национал-социализм (фашизм): характерные черты и особенности / В. А. Космач // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг.: актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и истории международных отношений, социально-гуманитарных наук и права: материалы международ. науч. конф., Витебск, 3–4 октября 2019 г. / ВГПУ имени П. М. Машерова; [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. – Витебск, 2019. – С. 54–66.
9. Космач, В. А. Трактоўка фашызму в историографіі 20–40-х гг. и второй половины XX века / В. А. Космач // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2000. – N 4 (18). – С. 136-144.
10. Космач, В. А. Адольф Гитлер и ранний фашизм в Германии (1889–1924 гг.). История. Суждения. Мнения. Оценки: монография / В. А. Космач. – Псков: Логос, 2016. – 1117 с.
11. Космач, В. А. Внешняя культурная политика в германской истории новейшего времени / В. А. Космач // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: у 2 ч. – Мінск, 1995. – Ч. 2. – С. 173–178.
12. Ойстрах-Демидова, Т. Л. Тоталитарное искусство в фашистской Германии (1933–1944) / Т. Л. Ойстрах-Демидова // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: [зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ,

Ін-т гісторыі НАН Беларусі; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск, 2010. . – Вып. 8 : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 17 красавіка 2009 г. – С. 218–225.

13. Мишин, А. В. Печатная пропаганда Третьего Рейха в оккупированной Беларуси / А. В. Мишин // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты: материалы междунаро. науч. конф., 8–9 октября 2009 г., г. Витебск, / [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. – Витебск: МИТСО, 2009. – С. 185–187.

14. Стародынова, С. М. Пропаганда в нацистской Германии – главный элемент информационной войны за души граждан / С. М. Стародынова // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты: материалы междунаро. науч. конф., 8–9 октября 2009 г., г. Витебск, / [редкол. В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. – Витебск: МИТСО, 2009. – С. 163–168.

15. Мигун, Д. А. Германо-советские политико-экономические отношения в 1933 г / Д. А. Мигун // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2011. – Вып. 11: в 2 ч., ч. 1 / [под ред. В. Ф. Беркова]. – С. 135–140.

16. Мигун, Д. А. Германо-советские экономические и политические отношения в 30-х гг. XX в. / Д. А. Мигун // Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени: (к 100-летию проф. Л. М. Шнеерсона): междунаро. науч.-теорет. конф., [25 февраля 2011 г., г. Минск]. – Минск: РИВШ, 2012. – С. 170–172.

17. Мигун, Д. А. Планы немецкого руководства в отношении "нового миропорядка" накануне Второй мировой войны / Д. А. Мигун // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2015. – Вып. 15: в 2 ч., ч. 1 / [под ред. В. Ф. Беркова]. – С. 140–147.

18. Мигун, Д. А. Планы Германии в отношении Восточной Европы в преддверии Второй мировой войны / Д. А. Мигун // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя: Гісторыя, Філасофія, Філалогія. – 2001. – №2 (38). – С. 4–9.

19. Литвиновский, И. А. Советско-германские торгово-экономические отношения в межвоенный период (1921–1939) / И. А. Литвиновский, Ю. И. Литвиновская // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць:

[зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск, 2014. – Вып. 12: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 красавіка 2013 г. – С. 239–245.

20. Коршук, У. К. Фашызм: злачынныя мэты, злачынныя сродкі / У. К. Коршук // Веснік БДУ імя У. І. Леніна. – 1991. – № 2. – С. 3–6.

21. Дубовец, И. В. Государственная политика Германии с 1918 до 2-й половины 1943 года в области производственно-хозяйственных правоотношений. Роль хозяйственных элит в государственном регулировании предпринимательских отношений / И. В. Дубовец // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты: материалы междунар. науч. конф., 8–9 октября 2009 г., [г. Витебск / редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. – Витебск: МИТСО, 2009. – С. 101–103.

22. Кулеш, Л. Н. Общественная жизнь Германии в годы нацизма / Л. Н. Кулеш // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: [зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск, 2009. — Вып. 7 : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 25 красавіка 2008 г. – С. 118–121.

23. Литвиновский, И. А., Литвиновская, Ю. И. Советско-германские договоренности августа 1939 года: начало переговоров / И. А. Литвиновский // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : [зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск, 2015 — Вып. 13 : у 2 кн., кн. 1 : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 11 красавіка 2014 г. – С. 49–55.

24. Бессольнов, А. Б. Версальский мир и кризис международных отношений в 20–30-х годах XX века / А. Б. Бессольнов // Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў: (да 75-годдзя Вялікай Перамогі) : зб. навук. артыкулаў / ГДУ імя Ф. Скарыны ; [рэдкал.: М. М. Мязга і інш.]. – Гомель, 2020. – С. 5–11.

25. Бабков, А. М. Преемственность германских планов и политики в отношении Беларуси в период мировых войн / А. М. Бабков // Гомельщина в 1941 году: материалы науч.-практич. конф., посв. 65-летию начала Великой Отечественной войны. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 54–63.

26. Хухлындзіна, Л. М. “Drang nach Osten” у кантэксце беларускай і сусветнай гісторыі / Л. М. Хухлындзіна, У. У. Васількоў // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2005. – № 2. – С. 3–8.

27. Ливицкий, А. Г. Разработка германских стратегических планов войны против СССР в период “Третьего Рейха” / А. Г. Ливицкий, А. А. Осмоловский // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты: материалы международ. науч. конф., 8–9 октября 2009 г. / [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. – Витебск: МИТСО, 2009. – С. 168–171.

28. Космач, В. А. Причины и начало Второй мировой войны: некоторые уточнения и переоценки / В. А. Космач // Метаморфозы истории: научный альманах / Псковский гос. ун-т; [редкол.: В. А. Дмитриев (гл. ред.) и др.]. – Псков, 2016. – Вып. 8. – С. 211–230.

29. Космач, В. А. Вторая мировая война: история и современность / В. А. Космач // Европа во Второй мировой войне: история, уроки, современность: материалы международ. науч.-теорет. конф., 5–6 мая 2005 г. / ВГУ им. П. М. Машерова; [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. – Витебск, 2005. – С. 5–8.

30. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у палітыцы вядучых дзяржаў Захаду (1914–1945 гг.) / А. В. Ціхаміраў // Białoruskie Towarzystwo Historyczne. – Byalistok, 2001, – С. 168–188.

31. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.

32. Мигун, Д. А. Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и ее влияние на германо-советские отношения / Д. А. Мигун // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. – 2011. – №1. – С. 27–33.

УДК 94+930.253

С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко
Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

ПЕРЕПИСКА В. А. ФРАНЦЕВА И Е. В. СПЕКТОРСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ В 1930-Е – НАЧАЛЕ 1940-Х ГОДОВ

Проводится анализ неопубликованной переписки двух представителей русской эмиграции первой волны – филолога и историка В.А.Францева и правоведа и историка Е.В.Спекторского. Письма хранятся в фонде

Спекторского в Архиве Республики Словении в Любляне и в фонде Францева в Славянской библиотеке в Праге. Показывается важная роль писем ученых как источника по истории международных отношений межвоенного периода и первых лет Второй мировой войны.

Письма ученых – важнейший источник личного происхождения, позволяющий ярче показать, как подробности частной жизни, так и детали творческой деятельности. Не вызывает сомнения, что при воссоздании интеллектуальной истории российской эмиграции первой волны (1920–1930- гг.) письма приобретают особое значение, так как зачастую являются единственными источниками, позволяющими воссоздать отмеченные особенности биографии [1]. Но было бы неверно ограничивать роль эпистолярного наследия только как источника для характеристики особенностей частной жизни – письма нередко затрагивали важные моменты современной для авторов истории, в том числе международных событий. Таковы и письма двух русских эмигрантов, ученых-гуманитариев филолога-слависта Владимира Андреевича Францева (1867–1942) и правоведа и историка Евгения Васильевича Спекторского (1875–1951). Ученые были знакомы еще с дореволюционных времен, оба учились, а затем преподавали в русском Варшавском университете (Спекторский до 1914 г., Францев – до 1920 г.). Францев в 1921 г. был избран академиком РАН, однако к этому моменту он уже находился в эмиграции в Чехословакии, где был избран профессором пражского чешского Карлова университета. В Праге он и прожил всю оставшуюся жизнь [2, с. 288–301, 374–375]. Спекторский, переехав в 1914 г. из Варшавы в Киев, волею обстоятельств стал в 1918–1919 гг. последним свободно избранным ректором русского Университета св.Владимира. В 1920 г. он также оказался в эмиграции – до 1945 г. в Югославии (с перерывом на работу в Праге в 1924–1927 гг.), затем – через двухлетнее пребывание в лагерях перемещенных лиц в Италии – в США [3].

Близкое, с молодости, знакомство двух ученых позволяло им быть достаточно откровенными в письмах, ограничиваясь в обмене мнениями лишь знанием о военной цензуре в отдельные периоды времени. Близки они были и по политическим взглядам. Правда, Францев отличался меньшей общественной активностью, отдавая преимущественно научным исследованиям и частной жизни [2, с. 374]. Спекторский же обладал бóльшим общественным темпераментом – он участвовал в разного рода объединениях, выступал на съездах, писал в газеты на общественно-политические темы и т.п. Но стоит подчеркнуть, что в переписке эта разница отражалась мало, что, видимо, также было связано с цензурными ограничениями.

Сохранившееся количество писем неодинаково - в составе эпистолярного комплекса в фонде Спекторского в Архиве Республики Словении в Любляне [4] сохранились 23 письма Францева 1927–1941 гг. [5], в то время как в фонде Францева в Славянской библиотеке в Праге хранятся только 5 писем Спекторского 1940–1942 гг. [6]. Разные они и по стилю изложения: более многословны (при этом не всегда более информативны) письма Францева, письма же Спекторского написаны в телеграфном стиле.

Письма Францева хронологически распадаются на два блока – письма 1927–1931 и 1938–1941 гг. Уже в первом из сохранившихся писем Францев 19.XII.1927, откликаясь на присланные Спекторским вырезки из белградских газет, замечал: «Всё из области высокой политики еще раз убеждает меня, что славянская узајемност [взаимность. – *Авт.*] есть пустое слово, и что нам русичам – надо в будущем думать только о себе». Вообще, долгая жизнь в Варшаве, преподавание в русском университете если не в полностью враждебном, то, во всяком случае, в малодружеском польском окружении, вероятно, придали Францеву определенный скепсис по поводу возможности решения в будущем польского или украинского вопросов. Так, когда в начале 1930-х гг. Спекторский и его коллега по люблянской эмиграции профессор-экономист Ал. Д. Билимович задумали подготовить и издать сборник статей о будущем России в случае падения большевиков и о трудностях, с которыми может встретиться новая власть, Францев 27.01. 1931 довольно жестко заявлял в письме Спекторскому: «Относительно задумываемого Вами с А. Д. Бил[имовичем] сборника я могу пока сказать одно: лучше было бы, если бы большевики пали, тогда наши высказывания имели бы более реальную «подпочву». Вы хотите иметь статью о вопросе польском и наших буд[ущих] отношениях к Славянству. А украинский вопрос будет рассматриваться? Вот один «дьявольски - трудный» вопрос, труднее польского, ибо поляки удовлетворятся *stanem posiadania* [*польск.* Состоянием владения (тем, что есть)], а претензии украинцев тянутся даже на Амур. Мое имя настолько для поляков одиозно, что лучше мне и не выступать с моими славянскими мыслями и излияниями» [5].

Отголоски современных международных отношений заметны и в реакциях на исторические события. «Готовимся 3.III (т.е. 19 февр.) вспомнить Сан-Стефано, – писал Францев 10.II.1928 г. о 50-летнем юбилее договора о перемирии по итогам русско-турецкой войны, – Циммерман [Циммерман Михаил Артурович (1887–1935) – юрист-международник, профессор Русского юридического факультета

в Праге. – *Авт.*] произнесет речь, а я (по его просьбе) должен сделать «интродукцию» к ней. Приглашать будем *hromadně a slavnostně* [*Чешск.* массово и торжественно], – хотим напомнить миру о подлостях мадьярско-немецко-жидовской клики в 1878 г. и о величии» [5].

Письма конца 30-х – начала 40-х годов наполнены размышлениями о все более грозной текущей ситуации в Европе. 2.03.1938 Францев пишет: «У нас много треволнений ... с немцами». К сожалению, опасение цензуры приводило к осторожности суждений. После Мюнхенского сговора и начала процесса расчленения Чехословакии Францев замечал в письме от 10.XI.1938: «Вы совершенно понимаете, почему я так долго не писал. Все, нами пережитое в течение сентября и до настоящих дней, Вам хорошо известно из газет, а рассказывать об этом вновь – это значит *infandum renovare dolorem*» [*лат.зд.* беречь старые раны]. Бросивший – по собственному признанию – «всякую работу» Францев подчеркивал, что «душою я совершенно разбит, полон скорби глубокой о Славянстве, мрачно смотрю на его будущее и повторяю слова Добровского [Добровский Йосеф (1753–1829) – чешский филолог, историк и просветитель, основоположник славянского языкознания. – *Авт.*]: *Causa gentis nostrae plane desperata est, nisi Deus adiuvet!*» [*лат.* Дело нашей нации совершенно безнадежно, если только Бог не поможет ему] [5].

Большим огорчением для Францева и для Спекторского были события в Подкарпатской Руси – оккупация ее части венгерскими войсками, назначение главой оставшейся части автономного региона Чехословакии А.Волошина и начавшаяся вслед за этим украинизация. Спекторский как глава эмигрантского общественного объединения в Югославии «Русская Матица» [7, с. 527] решил было выступить с протестом от ее имени. Францев скептически отнесся к этой идее и, успокаивая коллегу, писал: «Намерение Русской Матицы в Любляне протестовать против переименования Подкарпатской Руси в Подкарпатскую Украину, совершенного главою автономной области попом Волошиным, мне представляется лишенным реального значения. Кто обратит внимание на голос из Любляны? Если выражать протест, то на более широкой базе, чем скромная Матица, и прежде всего такой протест должны заявить местные русские люди Подкарпатской Руси, исповедующие единство русское. Их есть в Подкарпатской Руси немало и при этом «твердых», крепких в своем убеждении, достаточно образованных для того, чтобы с надежным оружием в руках выступить на защиту древнего имени Руси. Чехи тут много повредили делу своей неясной, путаной политикой, особенно в языковом вопросе.

Подождем, как разовьются дела в части Подкарпатской Руси, отошедшей к Венгрии, какую линию займут мадьяры. Конечно, теперь мадьяризация русского населения пойдет усиленным темпом, и это обстоятельство может иметь неожиданное эхо в автономной части (в пределах ČSR)» [5].

Преобразование Подкарпатской Руси в венгерско-украинскую территорию оказывалось проблемой и для выпускников Русского юридического факультета в Праге – Прикарпатье было едва ли не единственным местом, где они могли устроиться со своим дипломом в рамках Чехословакии. Теперь же он становился нелегитимным. Францев замечал, что последний декан прекратившего к тому времени работу факультета А. А. Вилков «сообщил о большой тревоге в среде наших юристов, кое-как было устроившихся в Подкарпатской Руси и ожидающих наше изгнание мадьярами из Ужгорода, Мукачева и других мест». Еще одна часть бывшей Чехословакии, ставшая формально независимой Словакия также не оказалась спокойным местом для русских эмигрантов. Известный славист, преподававший в Братиславе, О. О. Марков «вне ярости от бушующих словаков», поскольку Университет в Братиславе, «очевидно, в нынешнем году жить не будет» [5].

Боязнь цензуры вмешалась и в письмо Францева от 15.1.1939: «О наших делах ничего отрадного сообщить не могу, – о них лучше беседовать», – писал он. Францев начал готовиться к запланированному на сентябрь съезду славистов в Белграде, но вмешалась война и съезд не состоялся. Первую половину августа 1939 г. Францев провел на озере Блед в словенской части Югославии и вернулся в Прагу за 10 дней до нападения Германии на Польшу. Реакция его в письме Спекторскому опять вынужденно сдержанная и в условиях немецкой оккупации Праги иной и не могла быть. 20.IX.1939 г. он написал другу, что «конец безумию поляков наступил быстро, но последствий их действий будет еще много ... О себе могу сказать, что весь погружен в тяжкие переживания, ничего не могу делать» [5]. Двумя месяцами позже, в письме от 27.11.1939, реагируя на вхождение Западной Украины в состав СССР, Францев описал реакцию украинской эмиграции – «українці оплакують уход Львова, вместе с поляками: upadek kultury polskiej!» При этом «университет закрыт, а с ним и библиотека (в нем и славянская); к своим книгам не имею доступа» [5]. Дальше это настроение усиливается – 25 декабря 1940 г., констатируя в очередной раз, что «у нас ничего нового и радостного», Францев заметил, тем не менее, что «живем тихо и мирно и следим за ходом Вашего благоденствия», намекая на остававшуюся пока еще вне войны

балканскую страну. «Книг и журналов югославских тоже не получаем. Прага потеряла свое значение средоточия. Скучно без всей текущей литературы!» – с горечью заключал он [5]. 25 марта 1941 г., за две недели до нападения на Югославию стран Оси Францев констатировал: «давно Вам не писал, столько же времени воздерживались и Вы. Причина совершенно ясна и проста: *inter arma silent Musae*» [лат. Когда говорят пушки, музы молчат] [5]. В апреле 1941 г. Югославия была оккупирована немецко-итальянско-венгерскими войсками. Переписка прервалась, но летом вновь возобновилась. Письма Спекторского написаны телеграфным стилем, в них нет размышлений. Автор четко отвечает на вопросы Францева, кратко перечисляет новости об общих знакомых из русской диаспоры. Но война не могла не повлиять и на письма Спекторского. 25 июня 1941 г. он писал Францеву: «Пользуясь восстановлением почтовых сообщений, уведомляю Вас, что мы живы и здоровы. Наш университет продолжает работать по-прежнему. Пишу свои воспоминания, что и Вам советую» [6, с. 4826] (Любляна была оккупирована Италией, проводившей на первых порах более мягкую оккупационную политику, чем оккупировавшая северную часть Словении Германия). 5 октября 1941 г. опять нейтральное сообщение: «Мы здесь живем по-прежнему. Уже начались экзамены. Скоро должны начаться лекции». И вдруг война врывается в текст письма, показывая расслоение среди русской эмиграции: «У Копыловых по их желанию живет с семьей глава карабинеров». А с другой стороны – «М. Н. Тарановская живет у сына Киры. Другой сын в плену возле Дрездена» [6, с. 4827] (Младший сын друга Спекторского, к тому времени покойного Ф. В. Тарановского и М. Н. Тарановской Никита был офицером военно-морского флота югославской армии и попал в плен).

Последнее письмо Спекторского датировано 4 февраля 1942 г. Спекторский, расстроенный известиями о болезни Францева, в итоге через месяц с небольшим сведшей его в могилу, делился также нерадостными новостями из оккупированной Югославии: «Мы с Елизаветой Михайловной [жена Спекторского. – *Авт.*] по очереди болели гриппом. Ввиду больших холодов сосредоточили свою жизнь в кухне. Семестр благополучно закончился на всех факультетах, кроме технического, которого еще не открыли. Из Белграда пишут, что жизнь очень вздорожала». И далее Спекторский перечисляет новости об общих знакомых – профессорах Белградского университета геолога В. Д. Ласкарева и юриста Г. В. Демченко, а также бывшего посланника России в Сербии В. Н. Штрандмана: «Сестра Ласкарева В. Д. Соловская очень тяжело больна. Дочь Г. В. Демченко и старшая племянница В. Д. Ласкарева убиты при бомбардировке Белграда. Штрандман

бедствует. Белградский университет закрыт. Профессора оставлены «на расположении» и пока получают жалованье» [6, с. 4828].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что переписка В. А. Францева и Е. В. Спекторского является важным источником общественных настроений русской эмиграции первой волны, позволяющая ярче представить ее отношение к международным событиям 1930–1940-х гг.

Подготовлено при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00505.

Источники и литература

1. Измозик, В. С. Письма российских эмигрантов середины двадцатых годов как исторический источник / В. С. Измозик // Из истории российской эмиграции. – СПб.: Третья Россия, 1992. – С. 48–52.

2. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в конце XX – первой трети XX века / Л. П. Лаптева. – М.: Индрик, 2012. – 840 с.

3. Михальченко, С. И. Евгений Васильевич Спекторский / С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко // Вопросы истории. – 2013. – №1. – С. 31–53.

4. Михальченко, С. И., Ткаченко Е. В. Личные фонды русских эмигрантов в архиве Республики Словении / С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко // Вестник архивиста. – 2018. – № 4. – С. 1217–1230.

5. Arhiv Republike Slovenije. SI AS 1901/I/1.

6. Slovanska knjižhona. Sbirka T-A 1010.

7. Спекторский, Е. В. Воспоминания / Е. В. Спекторский. – Рязань: П. А. Трибунский, 2020. – 660 с.

УДК 94(430).087

И. И. Ковяко

Белорусский государственный университет

«ПРЯНИК» ПРЕВЫШЕ ВСЕГО: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОЮЗНИКОВ В ГЕРМАНИИ ПО МАТЕРИАЛАМ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Целью статьи является анализ одного из направлений англо-американской историографии германского вопроса – экономической политики

союзников в отношении побежденной Германии, а также ее последствий. Источниковую базу исследования составили публикации британских и американских ученых, изданные во второй половине XX–XXI вв. Структура статьи обусловлена выявленными тематическими полями, которые оказались наиболее популярны в зарубежной академической среде при изучении данного вопроса.

После оккупации Германии союзники столкнулись с непростой задачей. С одной стороны, им предстояло наказать побежденного врага. С другой стороны, наказание не должно было спровоцировать «эффект Версаля» или заложить основу для возрождения реваншистских настроений. Это поставило победителей перед нелегким выбором между методами «кнута» и «пряника». Наиболее наглядно это проявилось при реализации экономической политики союзников.

Экономическая ситуация в Германии в условиях оккупации и раздела на четыре зоны стремительно ухудшалась. Великие державы осознавали объективную необходимость восстановить производство и вернуть население к мирной жизни. Однако если для СССР германский вопрос имел, в первую очередь, геостратегическое значение и был тесно связан с вопросами безопасности, то для США он стал проблемой сугубо экономического характера.

У США и СССР были различные представления о функционировании мировой экономики. В условиях нарастания противоречий СССР воздержался от присоединения к новым международным экономическим структурам – МВФ, ГАТТ – которые создавались по инициативе других держав-победительниц. В 1945 г. США не одобрили кредит на восстановление советской экономики, что повлекло серьезное охлаждение в отношениях союзников и вынудило СССР искать дополнительные источники восстановления страны в побежденных государствах, в первую очередь, в Германии. Одновременно американская экономика, «перегретая» за годы войны, остро нуждалась в восстановлении европейского рынка. Курс США и Великобритании на использование ресурсов Германии в целях восстановления Европы напрямую противоречил репарационным договоренностям, лишал СССР доступа к производственным мощностям западной части Германии, в итоге привел к провалу репарационной политики и резкому обострению в отношениях союзников. По мнению американского исследователя С. Льюис, главные противоречия между США и СССР возникли именно по вопросам послевоенной модели мировой экономики [1, с. 53].

Экономическая политика союзников в оккупационных зонах: нелегкий выбор между «кнутом» и «пряником». Как показал анализ историографии, большинство авторов придерживались мнения, что на

начальном этапе экономическая политика западных союзников в Германии преследовала, главным образом, сугубо экономические цели. Однако с середины 1947 г. к ним добавились и политические задачи. Основой нового общественно-политического строя Германии должна была стать экономика. В противном случае отчаявшиеся немцы и другие европейцы могли поддержать коммунистическую идеологию, которая предлагала им спасение. Опыт Германии 1930-х годов указывал на то, что глубокие экономические проблемы могут приводить к возникновению опасных явлений в политической жизни [2, с. 21; 3, с. 3–4; 4, с. 66]. Выбор в пользу «пряника» поддерживал и глава американской оккупационной администрации генерал Л. Клей, отмечая, что экономический вакуум в Германии препятствовал восстановлению Европы. Он поддерживал увеличение объемов помощи Германии, полагая, что «демократия может вырасти только там, где есть экономические возможности» [2, с. 63].

Альтернативная точка зрения и в историографии, и в политическом дискурсе была представлена сторонниками линии Morgenthau, которые считали необходимым сосредоточиться на применении «кнута». Г. Моргентхау – в прошлом глава Казначейства США – выступал за полную ликвидацию немецкой тяжелой промышленности, называя ее главным источником опасности. Он утверждал, что тезис о незаменимости тяжелой промышленности Германии для европейской экономики – не более, чем «миф, который долгие годы поддерживался немецкой пропагандой» и теми, кто сотрудничал с немецкими промышленными гигантами [5, с. 30].

На рубеже 1947–1948 гг. заметно выросли опасения в связи с возможным приходом к власти левых сил во Франции, Италии. Восстановление Германии, которое прежде являлось экономической задачей, приобрело политическую составляющую и стало рассматриваться как условие сдерживания коммунизма и советского влияния. По выражению П. Неттла, стало очевидно, что «у демократии и пустых желудков мало общего» [6, с. 165]. Принятие плана Маршала имело не только экономическую, но и политическую цель – предотвратить вхождение европейских стран в советскую сферу влияния. Реализация плана Маршала значительно ухудшила отношения между США и СССР, сделав раздел Европы еще более очевидным [7, с. 41; 8, с. 164; 9, с. 267]. По выражению Г. Тетенса, Западная Германия должна была превратиться в главного «укротителя советского медведя» в Европе. Однако автор был согласен с Г. Моргентхау в том, что идея выдвижения немцев на роль «стражей демократии» могла возникнуть лишь на «фантастических высотах безумства» [10, с. 91; 5, с. 98]. Другие авторы спешили

отметить, что впоследствии США проводили политику сдерживания не только СССР, но и ФРГ, о чем свидетельствовало развитие евроинтеграции, включение Западной Германии в НАТО и поддержание раскола Европы [11, с. 92].

Окончательный выбор западных стран в пользу «пряника» и общий поворот вправо обозначил свертывание программ денацификации в западных зонах и пересмотр отношения к немецкому бизнесу. Крупные предприниматели рассматривались как невольные спутники Третьего рейха, главным мотивом которых было получение прибыли, а не идейная поддержка национал-социализма. По мере нарастания кризисных явлений в европейской экономике укреплялось мнение, что восстановить Германию смогут лишь те, кто уже сделал это в 1930-е гг. Авторы отмечали, что отказ от поддержки предпринимателей и технических специалистов, которые в прошлом являлись членами НСДАП, мог лишь усилить экономический хаос и привести к формированию правительства левых сил [12, с. 130; 13, с. 16].

В историографии, как и в политических кругах, активно обсуждалась перспектива создания единой нейтральной Германии. Большинство авторов пришли к выводу, что ресурсы Германии, а также ее географическое положение делают такой сценарий нежелательным, а в условиях противостояния Запада и Востока – даже опасным. Критики линии Моргентау отмечали, что закрытие заводов и шахт не приведет к исчезновению угля из недр немецкой земли, рано или поздно кто-то захочет получить доступ к полезным ископаемым. Следовательно, необходимо было поставить эти ресурсы на службу общеевропейской экономике [14, с. 38; 15, с. 135]. Страх европейцев перед единой Германией обусловил разработку планов по включению немецкого потенциала в общеевропейские проекты, что позже привело к созданию ЕОУС и ЕЭС [16, с. 128; 17, с. 162]. Впоследствии развитие европейской интеграции позволило включить Германию в единое сообщество, нарушить статус-кво которого было нелегко. Американский исследователь К. Гувер назвал одним из главных результатов послевоенной политики союзников европеизацию немецкой экономики согласно формуле «один за всех и все за одного» [18, с. 44].

Первые результаты «пряничной» политики: экономическое чудо и Новая восточная политика. Дальнейшее развитие экономической системы ФРГ рассматривалось авторами как производная процессов и реформ, произведенных в оккупационных зонах. В связи с началом экономического подъема в ФРГ заметно вырос интерес к исследованиям ее экономической политики. Особое внимание было обращено

на влияние немецкого экономического чуда на общеевропейские процессы. Возрастающая мощь ФРГ стимулировала реализацию Новой восточной политики и развитие торговли с социалистическими странами – традиционными экономическими партнерами. Этому дополнительно способствовало снижение антигерманских настроений в регионе ЦВЕ и нормализация отношений по линии Восток–Запад. Глобальная экономическая рецессия сер. 1970-х гг. дополнительно обозначила потребность ГДР и других социалистических стран в развитии отношений с ФРГ. Авторы прогнозировали дальнейшее усиление немецкого экономического влияния как в ЦВЕ, так и в Западной Европе [19, с. 339; 20, с. 375]. Вместе с тем отмечалось, что возможное установление гегемонии ФРГ может иметь негативные последствия для развития евроинтеграции [21; 22].

Экономическая мощь Западной Германии неизбежно увеличивала ее политический вес в интеграционных объединениях. На рубеже 1970-х–1980-х гг., в период нового кризиса советско-американских отношений, это привело к росту противоречий внутри западных структур. Американский профессор А. Стент отмечала, что к началу 1980-х гг. экономические связи составляли основу отношений ФРГ с социалистическими странами. Бонн не хотел ухудшения отношений ни с ГДР, ни с СССР, что привело к разногласиям с США по вопросу введения торговых санкций. Авторами выражались опасения, что в перспективе регулирование отношений по линии Запад–Восток окажется под контролем ФРГ и СССР. Становилось очевидным, что Бонн использует финансовые ресурсы для решения политических задач, а торговля с социалистическими странами, особенно с ГДР, характеризовалась как «политизированная». Ученые обращали внимание на то, что ФРГ влияла на внешнеполитический курс ГДР, используя экономические рычаги, а также стремилась европеизировать германский вопрос. При таком подходе сохранение результатов разрядки и Новой восточной политики становилось для немцев важной национальной задачей, поскольку улучшение отношений между Востоком и Западом рассматривалось как еще один шаг к объединению Германии [23, с. XIV; 24, с. 275].

Триумф экономической стратегии: объединение Германии и трансформация ЦВЕ. При изучении объединения Германии британские и американские авторы уделяли особое внимание экономическим причинам данного события. С одной стороны, они указывали на финансовую зависимость ГДР от ФРГ, которая сформировалась за годы Новой восточной политики. С другой стороны, отмечали глубокие

кризисные явления в экономике социалистических государств, включая СССР. В сложившейся на рубеже 1980-х–1990-х гг. ситуации социалистические государства все чаще рассчитывали на финансовую помощь и поддержку со стороны ФРГ. Именно в этот момент Западная Германия смогла направить свой потенциал на решение национального вопроса, используя экономические трудности восточных соседей для достижения политических целей. В конечном итоге, на немецкую помощь сделало ставку и советское руководство. Профессор Гарварда Ч. Майер отмечал, что германская политика СССР к концу 1989 г. оказалась в затруднительном положении: с одной стороны, Москва имела возможности замедлить или даже предотвратить объединение Германии; с другой стороны, в Кремле понимали, что ФРГ может увязать вопросы кредитования советской экономики с прогрессом на пути к германскому единству. В англо-американской историографии объединение Германии рассматривалось не как прямой результат падения Берлинской стены, а как следствие общего кризиса, который охватил социалистическую систему, включая экономику СССР [25, с. 271–273].

После объединения Германии ее статус, по мнению исследователей, обрел двойственность. США и Великобританию насторожило оперативное признание Словении и Хорватии в 1991 г., а также призывы оказать масштабную помощь бывшим социалистическим странам в Европе. Политическая и экономическая экспансия ФРГ на восток не встретила однозначной поддержки у партнеров. Авторы отмечали, что после распада СССР объединенная Германия заняла место Москвы в регионе ЦВЕ. Экономическая зависимость бывших социалистических государств представлялась основой неизбежного усиления немецкого влияния [26, с. 262; 27, с. 44]. Вместе с тем, по мнению исследователей, экономическая мощь объединенной Германии имела и свои преимущества. Она позволила бывшим социалистическим государствам совершить переход к рыночной экономике и способствовала их включению в евроатлантические структуры. Авторы приходили к выводу, что экономическая реформа в западных зонах и последующие мероприятия правительства Л. Эрхарда позволили создать в ФРГ устойчивую социально-экономическую модель, крайне привлекательную для восточных соседей. Стремление достичь подобного уровня жизни являлось одной из основных причин выбора стран ЦВЕ в пользу Запада в 1990-х гг. [28, с. 17].

В заключение следует отметить, что в англо-американской историографии 1990-х гг. часто подчеркивалась взаимосвязь экономического благосостояния ФРГ и отсутствия реваншистских настроений

в обществе. Анализируя вероятность возрождения ультраправых настроений в объединенной Германии, авторы выражали уверенность, что окончательное поражение нацизму нанесло именно экономическое чудо, которое лишило революционные идеи массовой поддержки [29, с. 109]. Профессор Т. Бергер назвал Германию и Японию американскими «союзниками поневоле» [30, с. 604]. Вместе с тем, пройдя через экономическое чудо, эти государства в полной мере оправдали (а в случае с Германией – даже превзошли) возложенные на них ожидания как в период холодной войны, так и после ее завершения.

Источники и литература

1. Lewis, S. Filling the political vacuum: the United States and Germany, 1944–1946 / S. Lewis. – Williamsburg: College of William and Mary, 1990. – 59 p.
2. Clay, L. Germany and the fight for freedom / L. Clay. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1950. – 83 p.
3. Cowan, M. The political and economic aspects of American military government in Germany / M. Cowan. – Boston: Boston University, 1948. – 168 p.
4. Heller, W. Economic policy and political equilibrium in postwar Germany // Germany and the future of Europe / Ed. by H. Jr. Morgenthau. – Chicago: University of Chicago, 1951. – P. 58–75.
5. Morgenthau, H. Germany is our problem / H. Jr. Morgenthau. – New York; London: Harper&Brothers, 1945. – 239 p.
6. Nettl, J.P. A decade of post-war Germany / P. J. Nettl // Political Quarterly. – 1956. – Vol. 27. – №2. – P. 162–175.
7. Dockrill, M.L. The cold war. 1945–1963 / M. L. Dockrill. – Atlantic Highlands: Humanities Press, 1988. – 108 p.
8. Gimbel, J. The American occupation of Germany. Politics and the military, 1945–1949 / J. Gimbel. – Stanford: Stanford University Press, 1968. – 335 p.
9. Roseman, M. Defeat and stability: 1918, 1945 and 1989 in Germany // Three postwar eras in comparison. Western Europe 1918–1945–1989 / Ed. by C. Levy, M. Roseman. – Basingstoke: Palgrave, 2002. – P. 257–275.
10. Tetens, T.H. Germany plots with the Kremlin / T. H. Tetens. – New York: H. Schuman, 1953. – 294 p.
11. Hanrieder, W.F. German-American relations in the postwar decades // America and the Germans. An assessment of a three-hundred-

year history / Ed. by F. Tommler and J. McVeigh. Vol. 2: The relationship in the twentieth century. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1985. – P. 91–116.

12. Eisenberg, C. Drawing the line. The American decision to divide Germany, 1944–1949 / C.W. Eisenberg. – Cambridge: Cambridge University, 1996. – 522 p.

13. Fulbrook, M. Interpretations of the two Germanies, 1945–1990 / M. Fulbrook. – London: Macmillan, 2000. – 114 p.

14. Middleton, D. The struggle for Germany / D. Middleton. – Indianapolis: Bobbs-Merill, 1949. – 304 p.

15. Johnson J. Soviet foreign policy and the reunification of Germany / J. Johnson. – Norman: University of Oklahoma, 1957. – 143 p.

16. Moyer, E. The post-World War II American policy toward Germany, particularly as it culminated in the entrance of the Federal Republic of Germany in NATO / E. Moyer. – Denton: University of North Texas, 1965. – 199 p.

17. Hill, R. Struggle for Germany / R. Hill. – New York; London: Harper&Brothers, 1947. – 260 p.

18. Hoover, C. Germany: the economic problem // Germany and the future of Europe / Ed. By H.J. Morgenthau. – Chicago: University of Chicago, 1951. – P. 40–50.

19. Edinger, J.L. Politics in Germany. Attitudes and processes / Lewis J. Edinger. – Boston: Little, Brown and Co., 1968. – 360 p.

20. Croan, M. Germany and Eastern Europe // The Columbia history of Eastern Europe in the twentieth century / Ed. by J. Held. – New York: Columbia University, 1992. – P. 345–393.

21. Walter, J. Ludwig Erhard's German Neo-Liberalism / J. Walter. – Denton: University of North Texas, 1965. – 276 p.

22. Hohnstein, W. West Germany's role in the Common Market / W. Hohnstein. – Norman: University of Oklahoma, 1966. – 121 p.

23. Stent, A. From embargo to Ostpolitik. The political economy of West German-Soviet relations, 1955–1980 / A. Stent. – Cambridge: Cambridge University, 1981. – 328 p.

24. Clemens, C. Reluctant realists: the CDU/CSU and West German Ostpolitik, 1969–1982 / C. Clemens. – Durham; London: Duke University, 1989. – 369 p.

25. Maier, C.S. Dissolution: the crisis of communism and the end of East Germany / C. Maier. – Princeton: Princeton University, 1997. – 440 p.

26. Ketterer, C. German liberalism and foreign policy: the FDP's Ostpolitik under Hans-Dietrich Genscher, 1974–1990 / C. Ketterer. – London: University of London, 1995. – 309 p.

27. Erdinger, L.J., Nacos, B.L. From Bonn to Berlin: German politics in transition / L. J. Erdinger, B. L. Nacos. – New York: Columbia University, 1998. – 301 p.

28. Bark, D.L. The American-European relationship. Reflections on half a century, 1947–1997 // Reflections on Europe / Ed. by D.L. Bark. – Stanford: Stanford University, 1997. – P. 1–44.

29. Crawford, S. The mouse that roared? Pro-Nazi resistance in U.S.-occupied Germany, 1945-1949: a view from the American archives / S. Crawford. – Victoria: University of Victoria, 1997. – 114 p.

30. Berger, T. America's reluctant allies: The genesis of the political military cultures of Japan and West Germany / T. Berger. – Cambridge (Mass.): MIT, 1992. – 753 p.

УДК 94(438:430)"1991"

Л. В. Гавриловец

Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

ДОГОВОР О ДОБРОСОСЕДСТВЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ: НОВЫЙ ЭТАП В ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье анализируется содержание Договора о добрососедстве и сотрудничестве между Польшей и ФРГ. В контексте содержания договора польско-германские отношения рассматриваются как ключевой фактор безопасности в Европе. Отдельные статьи договора продолжают играть важную роль во взаимоотношениях Польши и ФРГ, но в то же время остаются проблемные, спорные моменты в сотрудничестве двух стран, которые до сих пор не потеряли своей актуальности.

17 июня 1991 г. был подписан Договор о добрососедстве и сотрудничестве между ФРГ и Польшей, который гарантировал признание немецкого меньшинства в Польше и соблюдение его прав. По мнению польского историка Е. Сулека, это было обязательным условием со стороны западногерманского правительства при подписании договора о границах [1, s. 44]. Документ подписали: с польской стороны – премьер-министр Я. К. Белецкий и министр иностранных дел К. Скубишевский, а с немецкой стороны – канцлер Г. Коль и министр иностранных дел

Г.Д. Геншер. Договор о границе от 14 ноября 1990 г. и договор о добрососедстве и сотрудничестве вступили в силу 16 января 1992 г. после ратификации Сеймом и бундестагом. Нерушимость западной польской границы была обеспечена поддержкой со стороны СССР и отказом от территориальных претензий к Польше со стороны ГДР.

Правительства ФРГ и Польши, убежденные в необходимости окончательно преодолеть разделение Европы и создать справедливый и мирный европейский порядок, заключая договор 1991 г. подчеркнули, что основой для регулирования их отношений являются принципы международного права, содержащиеся в Уставе ООН, Заключительном акте Сопровождающего совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Парижской хартии для новой Европы от 21 ноября 1990 г. и в документах с последующих заседаний СБСЕ (статья 2). Основной целью двух государств является мирное сотрудничество во всех областях на основе партнерства (статья 1). Для оказания содействия в развитии двустороннего сотрудничества была создана институциональная основа в форме межправительственных консультаций и совместных комитетов (статья 3). Содержание положений договора охватывало практически все сферы двусторонних отношений. Среди областей, регулируемых договором, есть положения, касающиеся, в частности, экономического сотрудничества (статьи 9, 10), трансграничного (статьи 12, 13), научно-технического сотрудничества (статья 15), сотрудничества в области охраны окружающей среды (статья 16), защиты культурного наследия (статья 28), а также поддержка и развитие личных контактов между гражданами двух государств (статья 29).

Однако исходя из статьи 5 договора можно увидеть некоторое недоверие между двумя государствами в тот период. Так, в нем говорилось о том, что «стороны будут воздерживаться от применения силы или угрозы ее применения, направленной против территориального единства или политической независимости другой стороны».

Договор также включал вопросы, связанные с международной безопасностью. Польша и ФРГ разделяли чувство общей ответственности за поддержание стабильности в Европе, что должно было внести конструктивный вклад в построение концепции европейской безопасности. Это нашло отражение в статье 6, в которой говорится, что «общая цель договаривающихся сторон заключается в том, чтобы совместно содействовать укреплению стабильности и повышению безопасности». В текст договора также была включена декларация «Об укреплении мира путем создания совместных структур безопасности».

для всей Европы» (статья 5) на основе документов СБСЕ, а также положения о поддержке дальнейшего сокращения вооружений и усилении мер укрепления доверия и стабилизации (статья 6). Таким образом, данные статьи договора 1991 г. свидетельствовали о наличии общности интересов договаривающихся сторон на международной арене. Также ключевое значение для внешней политики Польши имели положения, касающиеся международных вопросов. В статье 8 содержалось предложение о поддержке Германией ассоциации, а затем об интеграции Польши с Европейским сообществом. В то время это была лишь политическая декларация, поскольку немецкая дипломатия боялась дальнейших обязательств, главным образом из-за баланса сил в европейском сообществе. Таким образом, можно отметить, что договор регулировал двусторонние отношения в европейском контексте [2, с. 4–6].

Премьер-министр Я.К. Белецкий признал договор о добрососедстве важнейшим актом в тысячелетней польско-германской истории, а Г. Коль назвал его «гигантским шагом» на пути к примирению между двумя государствами и народами. СМИ же подчеркнули, что никогда раньше между Польшей и Германией не было такой договоренности и что это открывает новую эру во взаимоотношениях. Оба договора представляли собой прорыв в польско-германских отношениях, поскольку, с одной стороны, они окончательно урегулировали спорный пограничный вопрос, а с другой стороны, они юридически сформулировали и определили области сотрудничества между государствами. В дополнение к этим договорам был подписан ряд других соглашений: 29 июля 1992 г. об упрощении пограничного движения и 6 ноября 1993 г. о создании новых пограничных переходов. Эти подробные двусторонние договора свидетельствовали о развитии нового этапа в польско-германских отношениях. Германия стала стратегическим экономическим партнером для Польши, и действующее постоянное политическое соглашение должно было приблизить польское государство к вхождению в западноевропейские структуры. Однако соглашение от 16 октября 1991 г. о гуманитарной помощи, особенно жертвам нацистских преследований в Польше, было разочарованием для польской стороны. В соответствии с этим соглашением власти Германии перевели 500 млн марок в польско-немецкий фонд примирения. В ответ министр иностранных дел Польши К. Скубишевский заявил о том, что предполагали немецкая сторона будет гораздо более щедрой в этом вопросе [3, с. 27].

Необходимо также отметить, что договор о добрососедстве встретил резкую критику как со стороны Польши, так и Германии. В дебатах перед его ратификацией в польском парламенте часть депутатов, не согласных с договором, прежде всего подчеркнула, что он не регулирует вопрос о компенсации жертвам военных преступлений в Польше. После окончания Второй мировой войны это была одна из самых острых проблем, тем более что жертвы нацистского режима были еще живы и для них получение даже частичной компенсации за понесенные потери было бы символическим. Несомненно, тогда было выдвинуто много правильных аргументов, хотя некоторые из заявлений, особенно наиболее эмоциональные, были частью избирательной кампании того времени. Через неделю после ратификации договора, которая состоялась 18 октября 1991 г., в Польше прошли первые свободные парламентские выборы [4, с. 145].

Договор о добрососедстве, безусловно, был хорошо выработанным компромиссом. Несомненно, многие вопросы не могли быть решены в то время. Один из них – вопрос о компенсации. Однако попытка разрешить его в тот момент могла привести к тому, что подписание документа было бы отложено на неопределенное время. Сложившееся общее мнение, одобренное многими современными политиками, как польскими, так и германскими, заключается в том, что Германия взяла на себя обязательство по договору поддержать вступление Польши в европейские структуры. Внимательное прочтение данного документа не позволяет сделать столь однозначные выводы. Это связано с тем, что Германия заявила о своем одобрении только такого процесса, и только при условии, что будут созданы соответствующие «условия». Так, в договоре говорилось, что «Федеративная Республика Германия положительно относится к перспективе присоединения Польши к Европейскому сообществу, как только для этого будут созданы условия». Однако существует фундаментальная разница между позитивным отношением и обязательством предпринимать определенные действия.

В декабре 1991 г. на встрече министров иностранных дел трех стран был подписан договор о постоянных консультациях Польши, Германии, Франции, так называемый «Веймарский треугольник». Начиная с января 1990 г. было заключено свыше 120 различных договоров и соглашений, касающихся польско-германских взаимоотношений. Среди них особое значение имели договор о польско-германском молодежном сотрудничестве, соглашение о региональном и приграничном сотрудничестве, договор о создании польско-германского Совета об охране окружающей среды, договор о сотрудничестве в культурной сфере и другие

[5]. В 1991 г. также была создана польско-германская международная комиссия, регулирующая вопросы регионального и трансграничного сотрудничества двух государств на правительственном уровне.

Идея молодежного сотрудничества нашла отклик как со стороны польских, так и германских властей. Формально обмен студентами между двумя государствами происходил еще в конце 1980-х гг. на основе заключенного договора от 1 ноября 1989 г. между правительствами ПНР и ФРГ об обмене молодежью. Однако данный договор вступил в силу только 29 мая 1991 г., а 17 июня 1991 г. был подписан новый договор между правительствами Польши и ФРГ о польско-германском молодежном сотрудничестве. Затем на этой основе был создан Польско-германский Союз молодежи с двумя бюро, первое, немецкое в Потсдаме, второе – польское в Варшаве. Целью данной организации является осуществление образовательных программ, организация экскурсий к местам памяти периода Второй мировой войны [6, s. 174–175; 7, s. 12]. Деятельность Союза финансируется совместно как польским, так и германским правительствами.

Важным вопросом в польско-германских отношениях являлось определение статуса меньшинства – немца в Польше и поляка в Германии. В 1990 г. количество проживающего немецкого населения в Польше по разным данным составляло от 300 тыс. до 1 млн человек. Совет Министров Польши принимает постановление № 142 от 7 сентября 1990 г. по вопросу о правах немецкого меньшинства в Польше и созывает комиссию, в обязанности которой входило сформулировать предложения, связанные с реализацией прав национальных меньшинств Польши, их охрана и популяризация среди польского общества данной проблемы. Урегулирование проблемы национальных меньшинств остается актуальным вопросом для польской стороны, так как немецкое меньшинство в Польше получило данный статус, а польское меньшинство в Германии – не получило. Министрами иностранных дел двух государств К. Скубишевским и Г. Д. Геншером также рассматривались вопросы материальной компенсации выселенным немцам после Второй мировой войны, двойного гражданства, которое де-юре правительством ФРГ не признавалось [8, s. 44–46; 9, s. 33]. Необходимо отметить, что данные вопросы так и не были решены. Двойное гражданство фактически существует, а материальная компенсация за собственность немцам, выселенным из Польши так и не выплачена. Что же касается компенсации полякам, принудительно работавшим в нацистской Германии, то в конце 1990-х гг. данная проблема была решена вне рамок договора 1991 г.

Положительное воздействие на положение немцев в Польше оказали польско-западногерманская декларация и Договор о добрососедстве и сотрудничестве. Статьи 20-22 договора содержали точные определения национальных меньшинств в отдельных странах, а затем подробно был представлен перечень прав, на которые они могли рассчитывать. Необходимо отметить, что в основном положения договора предоставляли правовой статус национального меньшинства только немцам, проживающим в Польше. В это время изменилась позиция многих деятелей немецкого меньшинства, связанных с Союзом изгнанных в ФРГ и высказывавшихся ранее за пересмотр границ, возвращение немцев на прежние места жительства. Их позиция изменилась, они стали лояльно относиться к польским властям, активно сотрудничать и участвовать в местном самоуправлении. В этом была немалая заслуга Комиссии национальных и этнических меньшинств Сейма. Предоставленные меньшинствам льготы позволили кандидатам от немцев пройти в 1991 г. на выборах в Сейм и организовать там «круг немецких послов» [10, с. 91].

Таким образом, объединенная Германия в начале 1990-х гг. гарантировала дружественные отношения со своим восточным соседом и должна была содействовать реализации польских национальных интересов. Без единства германского государства процесс европейской интеграции также не имел бы шансов на успех, тем более что именно Германия должна была сыграть значительную роль в реформирующейся Европе. Благодаря польско-германскому договору 1991 г. в отношениях двух стран была заложена стабильная общественно-политическая основа сотрудничества как на двустороннем уровне, так и в рамках различных европейских структур.

Источники и литература

1. Sułek, J. Historia powstania Traktatu dobrosąsiedzkiego PR–RFN z 17 czerwca 1991 roku / J. Sułek // Przegląd Zachodni. – 2011. – Nr. 2. – S. 3–45.

2. Jankowski, D. Wspólnota wartości i «oświecony egoizm»? Stosunki polsko-niemieckie 20 lat po Traktacie o dobrym sąsiedztwie i przyjaznej współpracy – aspekty bezpieczeństwa / D. Jankowski, A. Ignaciuk // Bezpieczeństwo narodowe. – 2011. – Nr. 19. T. III. – S. 1–16.

3. Barbasiewicz, O. Pamięć w procesie pojednania polsko-niemieckiego. Teoria, historia i refleksje / O. Barbasiewicz, J. Turek // Pamięć i polityka wobec dziedzictwa kulturowego w Polsce i w Niemczech; pod redakcją K. Ziamera. – Warszawa : Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015. – S. 13–43.

4. Kącka, K. Historia, normalizacja, pojednanie, dialog, czyli medialny bilans dwudziestolecia stosunków polsko-niemieckich / K. Kącka // Po obu stronach Odry Polska, Niemcy i ich wzajemne relacje w XX i XXI wieku – wybrane problemy ; pod redakcją K. Kąckiej. – Toruń, 2011. – S. 138–162.

5. Jarząbek, W. W cieniu problemu granicznego. Polska a proces jednoczenia Niemiec w latach 1989–1990 / W. Jarząbek [Electronic resource]. – Mode of access: <http://czasopisma.isppan.waw.pl/index.php/rpn/article/download/911/735>. – Date of access: 22.01.2021.

6. Hołub, A. Stosunki polsko-niemieckie / A. Hołub // Polska wobec sąsiadów. Współczesne stosunki polityczne / Red. W.T. Modzelewski. – Olsztyn, 2009. – S. 171–189.

7. Pamięć i polityka wobec dziedzictwa kulturowego w Polsce i w Niemczech / pod red. K. Ziemiera. – Warszawa: Uniwersytet Kardynała S. Wyszyńskiego, 2015. – 132 s.

8. Cziomer, E. Historia Niemiec 1945–1991 Zarys rozwoju problemu niemieckiego od podziału do jedności / E. Cziomer. – Kraków : Uniwersytet Jagielloński, 1992. – 265 s.

9. Reiter, J. Bilans polsko-niemieckiego Traktatu o dobrym sąsiedztwie i przyjaznej współpracy z 17.06.1991 / J. Reiter // Polacy i Niemcy. Trudne kontakty – dobre perspektywy / red. H. Dmochowska, K. Koracki. – Warszawa : Fundacja Konrada Adenauera, 2011. – S. 31–49.

10. Ганцкая, О. А. Проблемы меньшинств в государственной политике Польши (1945–1997 гг.) / О. А. Ганцкая // Этнос. Общество. Государство. – 2000. – № 1. – С. 88–100.

УДК 375 (476:4-470)“2007/2012”

В. М. Бароўская
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

ВЫЗНАЧЭННЕ І ХАРАКТАРЫСТЫКА КЛЮЧАВЫХ АКТАРАЎ І ПРАКТЫК ГІСТАРЫЧНАЙ ПАЛІТЫКІ Польшчы Ў 2007–2012 ГАДЫ⁴

У артыкуле сцвярджаецца, што прапагандысцкае выкарыстанне гісторыі мінулага для фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці

⁴ Даследаванне праведзена пры падтрымцы БРФФД у рамках праекта “№Г23 ИП-021”

і апраўдання сучаснай палітыкі шырока выкарыстоўваецца польскімі ўрадавымі коламі. Партыя «Права і справядлівасць» у аснову сваёй палітычнай дзейнасці ставіла задачу стварэння моцнай польскай дзяржавы, якая апеліруе да канкрэтных гістарычных традыцый; настойвала на неабходнасці дакладнага размежавання традыцый барацьбы за незалежнасць і традыцый польскага сацыялізма, які звязаны, ва ўяўленні ідэолагаў партыі, са здрадай польскіх нацыянальных інтарэсаў.

Прапагандысцкае выкарыстанне гісторыі мінулага для фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці і апраўдання сучаснай палітыкі шырока выкарыстоўваецца польскімі ўрадавымі коламі. Аднак «войны памяці», якія Польшча вядзе апошнія некалькі год з суседнімі дзяржавамі Усходняй Еўропы, у дапаўненне да існуючых напружаных адносінаў паміж Варшавай, Масквой, павышаюць актуальнасць аналізу польскага палітычнага дыскурса, які ў апошнія гады таксама трансліраваўся на міжнародным узроўні праз СМІ. Пры перадачы гістарычнай памяці важную ролю адыгрываюць эмацыйныя механізмы эмпатыі, звязаныя з навейшымі мультымедычнымі тэхналогіямі фарміравання вобразу мінулага. Трэба ўказаць, што «асноўныя ўстаноўкі медыятэхналагічнай апрацоўкі масавай свядомасці шляхам дыскурсаў постпраўды і постпамяці нацэлены на замяшчэнне рацыянальна-лагічных кампанентаў у мысленні публікі эфектамі эмацыйных узрушанняў і пачуццёвых перажыванняў. У выніку вытворчасць уражанняў становіцца для тэхнолагаў постпраўды і постгісторыі больш значымымі фактарамі, чым навуковае вывучэнне рэальнай даказальнай базы» [1].

Развіццё сучаснай Польскай Рэспублікі з'яўляецца яскравым пацвярджэннем актыўнага выкарыстання гістарычнай палітыкі ў міжнародных адносінах. Менавіта тут была сфармулявана тэорыя гістарычнай палітыкі (палітыкі памяці) як асобай галіны дзяржаўнага кіравання, распрацаваны асноўныя яе паняцці і створана развітая інфраструктура з адміністратыўных органаў і грамадскіх арганізацый для яе правядзення. Такая палітыка ў яе польскай трактоўцы накіравана на фарміраванне гістарычнай самасвядомасці – як грамадзян сваёй краіны, так і замежных дзяржаў, з тым каб карысна выкарыстоўваць зацверджаныя трактоўкі падзей мінулага. Яе можна разглядаць як адзін з інструментаў прасоўвання пажаданага іміджа дзяржавы. Па вызначэнні аднаго з ранніх спецыялістаў, М. Чыхоцкага, яна заключаецца ва «ўмацаванні грамадскага дыскурса аб мінулым як унутры краіны, так і па-за ёй, шляхам розных форм яго інстытуцыяналізацыі», што «пры неабходнасці павінна ўключаць дзяржаўныя інстытуты ў працэс стварэння і перадачы гістарычных ведаў».

Можна прывесці шмат прыкладаў выкарыстання сучасных піар і медыя-тэхналогій, характэрных для эпохі постпраўды, якія падмяняюць сур'ёзныя навуковы і гісторыка-палітычны дыскурсы праблемы памяці ў міждзяржаўных адносінах. Найбольш яўным прыкладам з'яўляецца маніпуляцыя гістарычнымі падзеямі, якія адбыліся пасля падпісання пакта Молатава-Рыбентропа, і пры гэтым свядомае замоўчванне Мюнхенскай змовы. Пры гэтым у такой канфрантацыі гістарычная памяць часта выкарыстоўваецца як інструмент для змены ментальнасці і раз'яднання.

Пры гэтым сучасныя практыкі камерацыі трэба будаваць на прынцыпах беражлівага звароту да мінулага і пабудове якасна іншай мемарыяльнай палітыкі, якая дазволіць своєчасова знайсці прымальныя для ўсіх зацікаўленых бакоў адказы на актуальныя пытанні сучаснасці. Гэта, у прыватнасці, датычыцца паніжэння ўзроўня канфліктнасці ў міжкультурнай камунікацыі па пытаннях, звязаных з супярэчлівымі старонкамі як айчыннай, так і сусветнай гісторыі, паляпшэння міжкраінавых адносін, умацавання палітычнай стабільнасці ў краіне і свеце. Палітыка гістарычнай памяці ў апошнія дзесяцігоддзі стала неад'емнай часткай гісторыка-палітычнага дыскурса ў краінах былога посткамуністычнага блока. Палітычныя ўзрушанні, войны і рэпрэсіі, якія абрынуліся ў XX ст., пакінулі пасля сябе незгладжальны след і мноства пытанняў, на якія да гэтага часу няма адназначных адказаў.

Сёння многія краіны выкарыстоўваюць гісторыю як зброю супраць іншых у спробе атрымаць ад гэтага палітычныя выгады, а заканадаўчыя органы прымаюць часта супярэчлівыя законы аб памяці, вызначаючы, што можна, а што нельга казаць аб мінулым, выклікаючы шмат міжнароднай крытыкі. Па меры таго, як палітычныя інстытуты фарміруюць ўсеахопліваючыя наратывы нацыянальнай памяці, грамадзяне гэтых краін з усіх сілаў імкнуцца запоўніць прабелы ў разуменні сваёй гісторыі, якая вельмі часта афарбована складанымі і трагічнымі падзеямі мінулага.

Пасля выбараў 2005 г. у Польшчы стала ясна, што на польскай палітычнай сцэне адбыліся сур'ёзныя перамены: не посткамуністы (у асобе сацыял-дэмакратаў), а іх супернікі (у асобе правых партый) сталі галоўнымі супрацьборчымі бакамі, а дзве правыя партыі – Грамадзянскай платформай (ГП) і партыяй «Права і справядлівасць» (ПіС). Непаспяховае, хоць і нядоўгае (з мая 2006 г. да жніўня 2007 г.), кааліцыйнае праўленне ПіС і папулісцкіх партый «Самаахова» і «Ліга польскіх сямей» суправаджалася сапраўдным «паляваннем на ведзьмаў» у асяродку апазіцыі, а таксама скандаламі з удзелам членаў урадаў, што прывяло да самароспуску сейма. У праграме, прынятай перад

выбарамі 2007 г., Д. Туск заклікаў выбаршчыкаў выбіраць паміж заходнеёўрапейскім узроўнем жыцця, дэмакратычнымі стандартамі і «сваркамі, балаганам і ўсходнеёўрапейскай мадэллю дэмакратыі». Пры спробах зразумець логіку электаральных пераваг палякаў неабходна ўлічваць, што гэта логіка дастакова складана і неадназначна. Сацыялагічны аналіз польскага электарата сведчыць аб тым, што палітычны выбар вызначаюць перш за ўсё сацыякультурныя фактары, хоць з цягам часу ў свядомасці польскіх выбаршчыкаў усё большае значэнне набываюць фактары эканамічныя і сацыяльныя. У сваім дастаткова кароткім і дакладным выступленні ў сейме Д. Туск па сутнасці сфармуляваў асноўную задачу ўрада: стварэнне «інтэлігентнай сістэмы рэагавання» на выклікі рэчаіснасці [4; 5]. Гэта сістэма не павінна быць абцяжарана ніякай ідэалогіяй, ніякай прадвызначанасцю. Прыярытэтам, па ўяўленні Д. Туска з'яўляецца бяспека краіны. Яна можа быць забяспечана за кошт умацавання пазіцый Польшчы ў Еўропе і свеце, і ўмацавання польскай дзяржавы як інстытута ўлады. Спыніўшыся на пастаноўцы канкрэтных эканамічных задач, прэм'ер застаўся верны сабе ў сваім прагматызме і адмове ад «вялікіх мэт». Пры ўсіх праблемах Д. Туска і Польшчы наогул дасягненні ўрада Д. Туска бясспрэчны. Ва ўнушальным і па памерах (каля 200 старонак), і па змесце рапарце, падрыхтаваным ГП, «Пяць гадоў стабільнага развіцця. Грамадзянская платформа 2007–2012 гг.» адзначаецца, што Польшча за гэтыя гады значна апярэджвае многія краін ЕС, дасягнуўшы ў 2008 г. акумуляванага эканамічнага росту ў 18,5%, тады як у сярэднім па ЕС – 0,7%. Краіна займае другое месца ў ЕС па ўзроўні інвестыцый. Пры гэтым грошы, якія атрымоўваюцца з фонда ЕС, выдаткоўваюцца вельмі эфектыўна: з прадугледжаных Польшчы на 2007–2013 гг. 68 млрд еўра да 2012 г. асвоена 80%. Гэтыя грошы пайшлі на стварэнне 250 тыс. працоўных месцаў, пабудову 6,5 тыс. км новых дарог і многае іншае. Польшча стала адзінай краінай у Еўропе, якая атрымала згоду Еўрапейскай камісіі на рэалізацыю буйных інвестыцыйных праектаў у галіне культуры: стварэнне навуковага цэнтра «Капернік» у Варшаве (скончана ў 2012 г.); Еўрапейскага цэнтра «Салідарнасць» у Гданьску; Нацыянальнага форуму культуры ў Вроцлаве; будынка оперы і філармоніі ў Беластоку; будынкi для нацыянальнага аркестра Польскага радыё ў Катавіцэ; музея Пілсудскага ў Сулеўцы, дзе ён правёў некалькі гадоў жыцця і напісаў свае асноўныя працы, музея Другой сусветнай вайны ў Гданьску, музея гісторыі польскіх яўрэяў у Варшаве.

Аднак, трансфармацыя прынесла жыццёвы поспех многім палякам, але гэта не адзначае, што можна забываць аб сур'ёзных прабле-

мах. Гэта перш за ўсё беспрацоўце і бедната, нероўныя шансы жыхароў розных рэгіёнаў Польшчы. Краіна яўна падзялілася на дзве часткі: Польшчу паспяховую і перспектыўную, і Польшчу бедную, асуджаную на марненне і безнадзейнасць. Небяспека для краіны, лічыць Я. Качыньскі, утрымліваецца і ў міжнароднай сферы: уступіўшы ў ЕС, Польшча ў поўнай меры адчула небяспеку страты нацыянальнай ідэнтычнасці, бо «новая еўрапейская ідэнтычнасць» на справе з'яўляецца пагрозай «навязвання слабым народам ідэнтычнасці народаў больш моцных». Небяспека для Польшчы заснавана і на неспрыяльнай дэмаграфічнай сітуацыі, скарачэнні нараджальнасці, старэнні грамадства. Міграцыі з краіны самых дынамічных і здольных палякаў. Усе вышэй пералічаныя фактары, калі не спыніць іх дзеянне, могуць пераўтварыць Польшчу ў глыбокую еўрапейскую правінцыю [6].

Задачамі першачарговай важнасці, на думку ідэолагаў ПіС, з'яўляецца карэнная перабудова дзяржавы, пераарыентацыя польскай сацыяльна-эканамічнай палітыкі, наданне ёй «маральнага вымярэння». Для дасягнення гэтых мэт неабходна згода. Згода ўсіх палякаў, якія жывуць і будуць жыць паміж Бугам і Одэрам. Канцэпцыя гэтай згоды ўтрымліваецца ў адной асноўнай ідэі: «Здабыткамі эканамічнага росту павінны скарыстацца ўсе палякі, а не толькі вузкая група самых багатых людзей». Для дасягнення пастаўленых мэт неабходна перш за ўсё выпраўленне дзяржавы, што прадугледжвае ачышчэнне і ўмацаванне апошняй. Ачышчэнне прадугледжвае збаўленне ад спадчыны ПНР. Умацаванне – стварэнне моцнага дзяржаўнага апарата, здольнага рэалізаваць сваю асноўную функцыю – забяспечыць шырокую беспэку грамадзян. «Мы верым, што такія словы, як Айчына, Польшча, палякі, блізкія, чалавечая годнасць, для большасці з нас не проста пустыя словы. Мы верым у адраджэнне пачуцця агульнасці, духа салідарнасці і хрысціянскай любові да бліжняга. Таму мы спадзяемся, што палякі падтрымаюць нашу ідэю грамадскай згоды, што яны захочуць захаваць духоўную спадчыну, якая завецца Польшчай» [2].

Партыя ў галаву вугла сваёй палітычнай дзейнасці ставіла задачу стварэння моцнай польскай дзяржавы, якая апеліруе да канкрэтных гістарычных традыцый. Гэта традыцыі «I Рэчы Паспалітай, барацьбы за незалежнасць у перыяд падзелаў; II Рэчы Паспалітай, барацьбы супраць нямецкіх і савецкіх акупантаў у гады Другой сусветнай вайны, а таксама гісторыя барацьбы супраць камуністычнага ўраду ў Польшчы, у прыватнасці барацьбы «Салідарнасці» [3, s. 56].

ПіС настойвала на неабходнасці дакладнага размежавання традыцый барацьбы за незалежнасць і традыцый польскага сацыялізма, які звязаны, ва ўяўленні ідэолагаў партыі, са здрадай польскіх нацыянальных інтарэсаў. Праўда, простыя людзі, якія пражылі сваё жыццё пры сацыялізме і якія працавалі на дабрабыт краіны, могуць ганарыцца сваім жыццём. Але не таму, што яны будавалі сацыялізм, а таму, што яны будавалі Польшчу і захавалі польскія традыцыі. Дабрабыт Польшчы непарыўна звязаны са служэннем усяму народу. Ш Рэч Паспалітая павінна стаць дзяржавай менавіта ўсяго народу, і палітыкі прызначаны думаць катэгорыямі народу, а не асобных сацыяльных груп [6; 7].

Аздараўленне, санацыя Польшчы, павінна пачацца з ачышчэння эліт. Менавіта ачышчэнне свету палітыкі – першая і асноўная ўмова выпраўлення дзяржавы. Дасягненне гэтай мэты магчыма на шляху забеспячэння празрыстасці даходаў дзяржаўных чыноўнікаў, абмежавання іх права на прадпрымальніцтва, рашучай барацьбы з карупцыяй. «Выпраўленне дзяржавы» прадугледжвае забяспячэнне кантролю за дзейнасцю адміністрацыі і органаў самакіравання. Гэта абумоўлена той абставінай, што ў Польшчы акрамя афіцыйнага механізму кіравання дзяржавай існуе і іншы, неафіцыйны механізм. Дзякуючы яго дзеянню, мясцовыя эліты дзейнічаюць выключна для асабістага дабрабыту і зусім бескантрольна. ПіС прапаноўвала дэталёва прапрацаваную праграму ўдасканалення ўсёй сістэмы органаў адміністрацыйнага кіравання, судаводства, пракурорскага нагляду, паліцыі. Партыя лічыла неабходнай мерай узмацнення жорсткасці пры барацьбе са злачынствам і ўвядзенні ў практыку судаводства больш суровых пакаранняў, асабліва за цяжкія злачынствы.

У якасці асноўнага фактара знешнепалітычнай дзейнасці дзяржавы ПіС разглядае прыналежнасць Польшчы да НАТО і саюз з ЗША. Іншым вызначаючым фактарам з'яўлялася ўваходжанне Польшчы ў ЕС, але толькі на прымальных для краіны ўмовах, якія забяспечваюць ёй захаванне нацыянальна-дзяржаўных інтарэсаў. Пазіцыя Польшчы як у НАТО, так і ў ЕС у многім вызначаецца яе роллю ў рэгіёне. Таму паспяховае знешняя палітыка, адзначалася ў праграме, немагчыма без добрасуседскіх адносін з прыбалтыйскімі рэспублікамі, а таксама Украінай, Беларуссю і Расіяй. Адносна апошняй, ПіС падкрэслівала неабходнасць пераадолення цяжкай гістарычнай спадчыны. Эканамічны раздзел праграмы ПіС засноўваўся на дэклараванні імкнення пабудаваць у Польшчы «народны капіталізм», г.зн. капіталізм усіх, хто дзякуючы сваёй шчырай і ўпартай працы, імкнецца забяспечыць дабрабыт сабе і сваім сем'ям [8].

ПіС думае, што ў перыяд пасля 1989 г., палякі паказалі сваю незвычайную прадпрымальнасць і многія, пачаўшы з дробнага вулічнага гандлю, дабіліся сур'ёзных поспехаў у арганізацыі асабістай справы. Менавіта дробны і сярэдні бізнес павінен ляжаць у аснове развіцця польскай эканомікі. ПіС рашуча выступае супраць неабгрунтаванага развіцця сеткі супермаркетаў, якія падрываюць дробны гандаль. Дастаткова падрабязна былі распрацаваны ў праграме ПіС раздзелы, якія датычацца культуры, навукі, адукацыі. Па меркаванні ідэолагаў партыі, у сферы развіцця апошняй неабходна вялікая сур'ёзная праца, так як разам з павелічэннем колькасці вышэйшых навучальных устаноў, у краіне мае месца падзенне агульнага ўзроўня адукацыі, знішчэння інфраструктуры культуры і адукацыі. Ліберальны падыход да арганізацыі сістэмы адукацыі не апраўдаў сябе. Неабходна нейкая адзіная канцэпцыя, адзіны мінімум ведаў, абавязковы для ўсіх адукацыйных праграм. Вельмі жорстка ПіС настойвала на тым, што школа абавязана выходзіць дзяцей у духу несумненнага прызнання годнасці дэмакратычнай дзяржавы і адначасова асэсавання «злачынага характару талітарных рэжымаў – камунізма і фашызма. З гэтых пазіцый павінна быць прадстаўлена гісторыя ПНР» [3, s. 116]. У раздзеле «Сацыяльная палітыка» ў якасці асновы такой разглядаецца барацьба з беспрацоўем, эфектыўная сістэма аховы здароўя і жыллёвая палітыка.

Праграму ПіС правамоцна ацэньваць як дастаткова супярэчлівую, якая злучае ў сябе і ліберальныя, і кансерватыўныя, а часткова хрысціянска-дэмакратычныя каштоўнасці. У адрозненні ад краін былога ўсходняга блока, дзе для вырашэння многіх праблем, звязаных з гістарычнай памяццю, былі створаны асобныя нацыянальныя інстытуты памяці, вуліцы і гарады былі перайменаваны, што часта было супраць волі некаторых іх жыхароў, старыя помнікі зносілі, а таксама адбылося ўзвялічванне новых нацыянальных герояў, што выклікала крызіс у міжнародных адносінах. Пры гэтым сучасныя практыкі камерацый з'яўляюцца стратэгічным інструментам падтрымання палітыкі памяці як асновы захавання яго нацыянальнай ідэнтычнасці і пераемнасці перадачы гістарычнай памяці паміж рознымі пакаленнямі.

Крыніцы і літаратура

1. Горнова, Г. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности / Г. Горнова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные исследования». – 2017. – № 2. – С. 18–21.

2. Prawo i sprawiedliwość: Sprawiedliwość dla wszystkich: Program 2005. Arhiwum partii politycznych JSP PAN. – W-wa. – 2005. – S. 13.

3. Wybory 2001: Partie i ich programy. – W-wa, 2001.

4. Красильникова, Е. И., Вальдман, И. А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. / Е.И. Красильникова, И.А. Вальдман // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. – 2020. – № 26 (1). – С. 47–54.

5. Лейман, И. И. Историческая память как объект информационной атаки / И. И. Лейман // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: сб. тр. Всерос. науч. конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. В. Ш. Сабирова; СибГУТИ. – Новосибирск, 2018. – С. 407–414.

6. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – М.: Полит. энциклопедия, 2015. – 207 с.

7. Малинова, О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа / О. Ю. Малинова // ПОЛИТИЯ. – 2017. – № 4 (87). – С. 6–22.

8. Миллер, А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века / А.И. Миллер // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А. Миллера, – М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.

УДК 94:327(476):327.7(4-11+4-15+4-17)«199/201»

А. А. Валодзькін
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

БЕЛАРУСЬ **І РАДА ДЗЯРЖАЎ БАЛТЫЙСКАГА МОРА (РДБМ)** **У 1990-Я – 2010-Я ГАДЫ**

У артыкуле разглядаецца гісторыя ўзаемадзеяння паміж Беларуссю і Радай дзяржаў Балтыйскага мора ў 1990-я – 2010-я гады. Адзначаны асаблівасці гэтай арганізацыі, што ўплывалі на характар яе адносін з Бе-

ларуссю, і фактары, якімі была абумоўлена цікаўнасць Беларусі да супрацоўніцтва з ёй. Адлюстраваны найбольш значныя падзеі і накірункі развіцця супрацоўніцтва паміж Беларуссю і РДБМ напрацягу вызначанага перыяду. Зроблены высновы аб дасягнутым у гэты час ўзроўні адносін.

5 сакавіка 1992 г. на канферэнцыі міністраў замежных спраў Даніі, Швецыі, Нарвегіі, Фінляндыі, Эстоніі, Латвіі, Літвы, Польшчы, Германіі, Расіі і прадстаўніка Еўрапейскай камісіі ў Капенгагене была створана новая міжрадавая субрэгіянальная арганізацыя пад назвай Рада дзяржаў Балтыйскага мора (РДБМ). Асноўнымі мэтамі стварэння гэтай арганізацыі абвешчаліся: развіццё ў рэгіёне Балтыйскага мора дэмакратычных інстытутаў; ахова экалогіі Балтыйскага мора і прылеглых тэрыторый; фарміраванне балтыйскай рэгіянальнай ідэнтычнасці на аснове агульнай культурнай спадчыны; стварэнне вакол Балтыйскага мора рэгіёну Еўропы, што будзе вылучацца дынамічным развіццём і высокімі тэмпамі росту [1].

Характарызуючы РДБМ трэба адзначыць некалькі істотных асаблівасцяў гэтай арганізацыі, што маюць важнае значэнне для разумення характару яе адносін з Беларуссю. Па-першае, РДБМ ніколі не прэтэндавала на нейкія асаблівыя наднацыянальныя паўнамоцтвы. Яе фармат не прадугледжвае заключэння міждзяржаўных дамоў са строгімі абавязальніцтвамі бакоў. Больш за тое, арганізацыя не мае нават свайго паўнаважнага бюджэту (за выключэннем невялікіх унёскаў дзяржаў-удзельніц на фінансаванне дзейнасці нешматлікага Сакратарыяту, створанага ў 1998 г.). Фактычна, РДБМ з'яўляецца прадстаўнічым міжнародным форумам для абмену думкамі, распрацоўкі і абмеркавання канкрэтных праектаў і праграм рэгіянальнага супрацоўніцтва і каардынацыі намаганняў усіх актараў, што дзейнічаюць у рэгіёне, для іх здзяйснення.

Па-другое, арганізацыя прынцыпова устрымліваецца ад абмеркавання пытанняў «жорсткай бяспекі» («hard security») і ваеннай абароны рэгіёну, пакідаючы іх іншым еўрапейскім і еўраатлантычным структурам (АПАД, АБСЕ, ЕС).

Па-трэцяе, РДБМ не прэтэндуе на эксклюзіўнасць і самадастатковасць, наадварот, усяляк падкрэслівае сувязь рэгіянальнага супрацоўніцтва вакол Балтыйскага мора з больш шырокім кантэкстам еўрапейскай інтэграцыі і неабходнасць шчыльнага супрацоўніцтва з іншымі міжнароднымі структурамі, найперш, з Еўрапейскім Саюзам. Праз афіцыйны ўдзел Еўракамісіі арганізацыя адпачатку мела пэўную камплементарнасць з ЕС. Яна ўдзельнічала ў рэалізацыі праграм ЕС

«Паўночнае вымярэнне» і «Стратэгія ЕС для рэгіёна Балтыйскага мора» і дапамагала сваім дзяржавам-удзельніцам, такім як краіны Балтыі і Польшча, падрыхтавацца да ўступлення ў ЕС.

Па-чацьвёртае, РДБМ вельмі хутка стала парасонавай арганізацыяй, пад эгідай якой быў створаны цэлы шэраг іншых субрэгіянальных структур: Парламенцкая канферэнцыя Балтыйскага мора, Канферэнцыя па субрэгіянальным супрацоўніцтве, Саюз балтыйскіх гарадоў, Асацыяцыя гандлёвых палат і Кансультатыўная рада дзелавых колаў балтыйскіх краін – вось толькі некаторыя, самыя вядомыя з іх.

Цікаўнасць Беларусі да РДБМ была абумоўлена наступнымі фактарамі. Па-першае, ў вызначаны перыяд у гэту арганізацыю уваходзілі чатыры з пяці суседзяў Беларусі. Па-другое, Балтыйскае мора з'яўляецца для Беларусі найбліжэйшым і найбольш зручным выхадам да сусветных марскіх камунікацый. А па-трэцяе, заснавальнікамі гэтай арганізацыі сталі краіны Паўночнай Еўропы, што вылучаюцца найбольш высокімі ў свеце паказчыкамі ўзроўню жыцця, эканамічнага і навукова-тэхналагічнага прагрэсу, таму партнёрства з імі ўяўлялася для Беларусі вельмі прывабным і перспектыўным.

Першая заява аб намеры Беларусі далучыцца да дзейнасці гэтай арганізацыі «спачатку ў якасці назіральніка, а затым, магчыма, і паўнапраўнай удзельніцы» [2] была зроблена падчас сустрэчы прэзідэнтаў Літвы і Беларусі А. Бразаўскаса і А. Р. Лукашэнкі напярэдадні міжнароднай канферэнцыі «Суіснаванне народаў і дабрасуседскія адносіны – гарантыя бяспекі і стабільнасці ў Еўропе», што адбылася 5 – 6 верасня 1997 г. у г. Вільнюс, Літва.

У 1999 г. для іншых краін, што праяўляюць цікаўнасць да дзейнасці арганізацыі, у РДБМ быў уведзены дадатковы статус назіральніка. Першымі на 8-й сустрэчы міністраў замежных спраў РДБМ у Паланзе, Літва, у чэрвені 1999 г. гэты статус атрымалі ЗША, Францыя і Украіна. Пасол Беларусі ў Літве В. Г. Гаркун, які удзельнічаў у гэтай сустрэчы ў якасці гасця, абвясціў намер Беларусі дабівацца гэткага ж статусу [3]. У тым жа годзе па запрашэнні літоўскага старшынства ў РДБМ прадстаўнікі Беларусі прынялі ўдзел у канферэнцыі гэтай арганізацыі пад назвай «Дзяржаўная мяжа і грамадзянская бяспека» (г. Паланга, Літва), 4-й канферэнцыі міністраў культуры дзяржаў-удзельніц РДБМ (г. Гданьск, Польшча). А ў кастрычніку 1999 г. Беларусь таксама звярнулася з просьбай аб наданні ёй статусу назіральніка ў праграме «Паўночнага вымярэння» ЕС, якая на той момант яшчэ знаходзілася ў стадыі распрацоўкі і ўдакладнення яе праграмных дакументаў, што пра-дэманстравала не толькі хуткую рэакцыю беларускіх дыпламатаў, але

і сур'ёзны намер кіраўніцтва краіны падключыцца да супрацоўніцтва ў рэгіёне Балтыйскага мора. Аднак, як паказалі далейшыя падзеі, дасягненне гэтай мэты ва ўмовах уведзеных Еўрасаюзам у 1997 г. абмежаванняў на палітычныя кантакты з афіцыйным Мінскам і шчыльнай каардынацыі РДБМ з ЕС было вельмі складанай справай.

У 2001 г. Гродзенская і Віцебская вобласці атрымалі статус назіральнікаў у Арганізацыі субрэгіянальнага супрацоўніцтва дзяржаў Балтыйскага мора (АССДБМ). Прадстаўнікі гэтых абласцей былі запрошаны на штогадовае пасяджэнне Канферэнцыі АССДБМ, што адбылася ў кастрычніку 2001 г. у Рызе [4]. Апроч таго, ў лютым і сакавіку 2001 г. прадстаўнікі краіны прынялі ўдзел у трох міжнародных канферэнцыях пад эгідай РДБМ, у тым ліку ў берлінскім форуме па пытаннях эканамічнага супрацоўніцтва ў рэгіёне Балтыйскага мора [5].

У 2003 г. працягам субрэгіянальнага трэку супрацоўніцтва стаў прыём г. Гродна ў афіліяваны з РДБМ Саюз балтыйскіх гарадоў па выніках сустрэчы пасла Беларусі ў ФРГ В. Скварцова, з віцэ-старшынёй РДБМ А. Пёкерам [6]. Актывізавалася ўзаемадзеянне і правахоўных ведамстваў Беларусі і краін РДБМ. 10–11 лютага таго ж году прадстаўнікі Міністэрства ўнутраных спраў і шэрагу іншых міністэрстваў Беларусі прынялі ўдзел у канферэнцыі «Дзеці без суправаджэння з дзяржаў рэгіёну Балтыйскага мора», што адбылася ў Стасгольме. А ў кастрычніку 2003 г. падчас візіту ў Мінск дэлегацыі Сакратарыята РДБМ прадстаўнікі Міністэрства замежных спраў (МЗС) Беларусі правялі перамовы з дырэктарам гэтай структуры Х. Халіненам па пытанні ўключэння Беларусі ў сістэму аказання падтрымкі дзецям, што знаходзяцца ў зоне рызыкі ці пакінулі сваю краіну ў пошуках лепшага жыцця, якая стваралася дзяржавамі-удзельніцамі РДБМ [7].

У снежні 2003 г. падчас сустрэчы Х. Халінена з беларускім паслом у Швецыі А. Ермаловічам былі дасягнуты дамоўленасці аб пашырэнні ўдзелу Беларусі ў Аператыўнай групе РДБМ па барацьбе з арганізаванай злачыннасцю. Раней Беларусь удзельнічала ў яе працы толькі на экспертным узроўні. Па выніках гэтых дамоўленасцяў ад Беларусі быў прызначаны нацыянальны кантактны афіцэр па праблемах дзяцей, якія засталіся без апекі бацькоў ці сталі ахвярамі гандлю людзьмі ў рэгіёне Балтыйскага мора. Акрамя таго на гэтай сустрэчы былі абзначаны перспектыўныя напрамкі супрацоўніцтва РДБМ і Беларусі да якіх былі аднесены: ахова здароўя, узаемадзеянне мытных службаў, транспарт, энергетыка і ўстойлівае развіццё [8].

У другой палове 2000-х гг. значныя намаганні былі скіраваны на атрыманне Беларуссю статусу назіральніка ў РДБМ. Пэўную глебу

для гэтага падрыхтаваў візіт дэлегацыі Сакратарыяту РДБМ на чале з яго дырэктарам Г. Кётшау, які адбыўся ў маі 2007 г. з мэтай вывучэння і ацэнкі магчымасцяў пашырэння практычнага супрацоўніцтва з Беларуссю [9]. У межах гэтага візіту адбыліся сустрэчы дэлегацыі ў міністэрствах замежных спраў, унутраных спраў, лясной гаспадаркі, па надзвычайных сітуацыях, прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя, культуры, энергетыкі, ў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Дзяржаўным камітэце памежных войск, Дзяржаўным мытным камітэце, Беларуска-дзяржаўным універсітэце, Беларуска-дзяржаўным саюзе жанчын. Дэлегацыяй быў падрыхтаваны агляд для кіруючых органаў РДБМ. Па выніках яго разгляду ў Аб'яднаным камюніке 14-й міністэрскай сесіі РДБМ абвешчалася, што Рада «прыкладае ўсе намаганні для пашырэння экспертных кантактаў з Беларуссю ў галінах, якія прадстаўляюць узаемную зацікаўленасць» [10].

Асобным накірункам беларускай дыпламатыі адносна РДБМ стала выкарыстанне двухбаковых кансультацый паміж МЗС Беларусі і краін-удзельніц гэтай арганізацыі, каб паскорыць атрыманне Беларуссю афіцыйнага статусу ў ёй. Напрыклад, 14 снежня 2007 г. у Мінску адбыліся кансультацыі паміж МЗС Беларусі і Нарвегіі, падчас якіх акрамя двухбаковага супрацоўніцтва з гэтай краінай абмяркоўвалася і больш шырокае ўключэнне Беларусі ў дзейнасць РДБМ [11]. Тая ж тактыка была скарыстана беларускім бокам у 2009 г. 29 студзеня былі праведзены беларуска-дацкія, а 5 сакавіка – беларуска-эстонскія кансультацыі паміж МЗС, у межах якіх асобным пытаннем абмяркоўвалася менавіта атрыманне Беларуссю статусу назіральніка ў РДБМ. Гэтыя намаганні мелі поспех. У чэрвені 2009 г. падчас 15-й міністэрскай сесіі РДБМ у г. Элсінор, Данія, было прынята адзінагалоснае рашэнне аб наданні Беларусі статусу назіральніка з 1 ліпеня 2009 г. [12]. Беларусь атрымала гэты статус адначасова з такімі далёкімі ад Балтыйскага мора краінамі, як Румынія і Іспанія [13].

Як вядома, адным з важнейшых прыярытэтаў для краін Паўночнай Еўропы з'яўляюцца пытанні экалогіі, што знайшло сваё адлюстраванне і ў дзейнасці РДБМ. Беларусь таксама прымала ўдзел у гэтай галіне рэгіянальнага супрацоўніцтва на Балтыцы. Так, у лістападзе 2008 г. яна падключылася да прыродаахоўнага праекта РДБМ “Балтык-21” [14]. А яшчэ раней, 28 – 29 мая 2008 г. у г. Рыга, Латвія, падчас штогадовых кансультацый паміж МЗС Беларусі і Латвіі на ўзроўні намеснікаў міністраў беларускі бок спрабаваў заручыцца падтрымкай РДБМ дзеля ратыфікацыі беларускай папраўкі ў Дадатак В Кіёцкага пратакола да Рамачнай канвенцыі ААН аб змяненні клімату. Прыняцце гэтай папраўкі дало магчымасць Беларусі стаць удзельнікам

продажу квот на выкіды парніковых газаў і ўдзельнічаць у праектах па прыцягненню рэсурсаў, неабходных для мадэрнізацыі вытворчасці ў мэтах зніжэння іх выкідаў [15]. Фактычна, гэтая сустрэча пазначыла яшчэ адзін вектар дзейнасці МЗС Беларусі ў дачыненні РДБМ – выкарыстанне Рады ў якасці канала для лабіравання нацыянальных інтарэсаў на міжнароднай арэне.

З сярэдзіны 2010-х гг. адзначаецца таксама істотная актывізацыя ўзаемадзеяння Беларусі з балтыйскімі рэгіянальнымі структурамі ў адукацыйнай сферы. Так, у сакавіку 2014 г. пры падтрымцы РДБМ на базе БДУ быў праведзены семінар аб перспектывах рэалізацыі праекта «Еўрафакультэт» з удзелам прадстаўнікоў Сакратарыяту РДБМ, Праграмы Балтыйскага ўніверсітэту і некалькіх універсітэтаў з краін рэгіёна Балтыйскага мора. Маладыя выкладчыкі з Беларусі неаднаразова ўдзельнічалі ў Балтыйскіх моладзевых дыялогах, арганізаваных РДБМ пры падтрымцы Інстытута Аляксандра (г. Хельсінкі, Фінляндыя), Асацыяцыі «Нордэн» і МЗС ФРГ [16]. У тым жа 2018 г. РДБМ ухваліла выдаткаванне гранта ў 65 тыс. еўра на праект «Інтэграцыя выкладання бізнес-дысцыплін у беларускіх ВНУ ў сістэму вышэйшай адукацыі рэгіёну Балтыйскага мора» [17]. У развіццё гэтага напрамку ў сакавіку 2019 г. прадстаўнікі кафедры бізнес-адміністравання Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта прынялі ўдзел у працы канферэнцыі Балтыйскай навуковай сеткі ў г. Рыга, Латвія [18].

Акрамя таго інстытуты РДБМ у супрацоўніцтве з МЗС Беларусі праводзілі актыўную папулярызацыю праграмы ААН «Мэты ўстойлівага развіцця 2030». Прыкладам рэалізацыі гэтага напрамку можа служыць удзел супрацоўнікаў Навукова-даследчага эканамічнага інстытута Міністэрства эканомікі Рэспублікі Беларусь у красавіку 2019 г. у арганізаванай РДБМ у г. Рыга, Латвія, першай сесіі праграмы «Балтыйскае лідэрства 2030». Яна была прысвечана пытанням адаптацыі «Мэт устойлівага развіцця 2030» да ўмоў рэгіёну Балтыйскага мора і выпрацоўцы на іх аснове канкрэтных стратэгіяў і планаў дзеянняў [19].

Напрыканцы 2010-х гг. некаторая актывізацыя назіралася і ў плане палітычнага дыялогу. Так, 3 чэрвеня 2019 г. адбыўся працоўны візіт намесніка міністра замежных спраў Беларусі А. Краўчанкі ў Латвію для ўдзелу ў сесіі РДБМ. Ён выклаў пазіцыю Беларусі адносна ўзаемадзеяння дзяржаў рэгіёну Балтыйскага мора, падкрэсліў наяўнасць супольных прыярытэтаў і абмеркаваў пытанні супрацоўніцтва Беларусі і РДБМ з міністрамі замежных спраў Латвіі, Літвы,

Швецыі, Польшчы і намеснікам міністра замежных спраў Расіі [20]. А 23 кастрычніка 2018 г. пасол Беларусі ў Швецыі Д. Мірончык прыняў удзел у кансультацыях Камітэта старэйшых службовых асоб РДБМ з краінамі-назіральнікамі. У сваім выступе ён ухваліў тое, што ў дакладзе «групы мудрацоў» РДБМ па рэгіянальным развіцці пасля 2020 г. сцвярджалася прыналежнасць Беларусі да рэгіёну Балтыйскага мора пацвердзіў гатоўнасць дзяржавы ўдзельнічаць у праектах тэхнічнага супрацоўніцтва ў сферах навукі і адукацыі, умацавання патэнцыялу мясцовага самакіравання, а таксама дасягнення «Мэт устойлівага развіцця» [21].

Такім чынам, нягледзячы на досыць марудныя тэмпы развіцця, напрацягу вызначанага перыяду адносіны Беларусі і РДБМ ўсё ж вызначаліся станоўчай дынамікай і, асабліва напрыканцы 2010-х гг., мелі значныя перспектывы далейшага развіцця. Аднак шчыльная каардынацыя дзейнасці РДБМ з ЕС ставіла гэтае супрацоўніцтва ў залежнасць ад агульнай дынамікі адносін афіцыйнага Мінска з Брусэлем. Яна мела вырашальнае значэнне пры пазбаўленні Беларусі афіцыйнага статусу назіральніка пры РДБМ у сакавіку 2022 г.

Крыніцы і літаратура

1. Conference of the Foreign Ministers of the Baltic Sea States. Copenhagen Declaration [Electronic resource] // Council of the Baltic Sea States. – Mode of access: <https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/05/1992-CBSS-1st-Ministerial-Session-Communique.pdf>. – Date of access: 19.01.2023.

2. Паведамленне МЗС Рэспублікі Беларусь аб удзеле беларускай дэлегацыі на чале з Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкам у міжнароднай канферэнцыі «Суіснаванне народаў і добрасуседскія адносіны – гарантыя бяспекі і стабільнасці у Еўропе», якая адбылася у вільнюсе 5–6 верасія 1997 г. // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 8: (1996–2000 гг.) / М-ва замежных спраў РБ, БДУ; [склад. У. Е. Снапкоўскі і інш.; рэдкал.: С. М. Мартынаў (старшыня) і інш.] – Мн.: Выд. цэнтр БДУ, 2008. – С. 137.

3. Выступленне посла Рэспублікі Беларусь в Литве Гаркуна В.Г. на 8-й встrecе министров иностранных дел СГБМ (14–15 июня 1999 г., Паланга, Литва) // Материалы текущего архива Министерства Иностранных дел Рэспублікі Беларусь. – Минск, 2004 г. – л. 1.

4. Халиманович, Н. Д. Белорусско-балтийские отношения в региональном контексте [Электронный ресурс] / Н.Д. Халиманович. //

Белорусский журнал международного права и международных отношений 2003 – № 3. – Режим доступа: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/2003-3/2003-3-halimanovich>. – Дата доступа 28.03.2023.

5. Беларусь и Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) и «Северное измерение» Европейского союза // Материалы текущего архива Министерства Иностранных дел Республики Беларусь. – Минск, 2004 г. – 1 л.

6. О поездке Посла Беларуси в г. Росток [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/b194c35c189ce7ef.html. – Дата доступа: 06.02.2023.

7. Материалы брифинга начальника управления информации – пресс-секретаря МИД А.В.Савиных, проведенного для представителей СМИ 2 октября 2003 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/a25cf0f9b09f4770.html. – Дата доступа: 06.02.2023.

8. О встрече Посла Беларуси с Директором Секретариата Совета государств Балтийского моря [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/fc6d3edafcf9750b.html. – Дата доступа: 06.02.2023.

9. О визите делегации Секретариата Совета государств Балтийского моря в Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/aa83add98f583796.html. – Дата доступа: 06.02.2023.

10. CBSS Joint ministerial communique of the 14th Session of the Council of the Baltic Sea States, in Malmö, Sweden on 12-13 June 2007 [Electronic resource] // Council of the Baltic Sea States. – <https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/05/2007-CBSS-14th-Ministerial-Session-Joint-Communique.pdf> – Date of access: 04.02.2023.

11. О белорусско-норвежских межмидовских консультациях [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/ebe1263c9901bdfb.html. – Дата доступа: 22.02.2023.

12. О предоставлении Республике Беларусь статуса наблюдателя в СГБМ [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/cacf360f5ecbbd41.html. – Дата доступа: 06.02.2023.

13. Declaration of the 15th CBSS Ministerial Session, Elsinore 4 June 2009 [Electronic resource] // Council of the Baltic Sea States. – <https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/05/2009-CBSS-15th-Ministerial-Session-Declaration-Elsinore.pdf>– Date of access: 04.02.2023.

14. Балтийское измерение во внешней политике Республики Беларусь: потенциал и перспективы [Электронный ресурс] // Институт философии НАН Беларуси. – Режим доступа: http://www.philosophy.by/belarus-eu/a_396_r.html. – Дата доступа: 06.09.2023.

15. В Риге состоялись межмидовские белорусско-латвийские консультации 28–29 мая 2008 года Росток [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/b681547f3c5de0df.html. – Дата доступа: 06.02.2023.

16. Baltic Sea Youth Dialogue [Electronic resource] // Council of the Baltic Sea States. – Mode of access: <https://cbss.org/projects-cbss/baltic-sea-youth-dialogue>. – Date of access: 22.02.2023.

17. Совет государств Балтийского моря [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/b9986455d1926730.html>. – Дата доступа: 22.02.2023.

18. Устинович И.В. приняла участие в работе конференции Балтийской научной сети [Электронный ресурс] // TIMES.BNTU.BY. – Режим доступа: <https://times.bntu.by/news/4744-ustinovich>. – Дата доступа: 26.10.2023.

19. 11–12 апреля 2019 года сотрудники института приняли участие в работе первой сессии, организованной программой Совета государств Балтийского моря «Балтийское лидерство 2030» [Электронный ресурс] // ГНУ НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://niei.by/ru/news-ru/view/11-12-aprelja-2019-goda-sotrudniki-instituta-prinjali-uchastie-v-rabote-pervoj-sessii-organizovannoj-programmoj-28/>. – Дата доступа: 26.10.2023.

20. О визите заместителя Министра иностранных дел Беларуси О. Кравченко в Латвию [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/eba04c66b2ad01ab.html. – Дата доступа: 26.10.2023.

21. 23 октября 2018 г. Посол Беларуси в Швеции Дмитрий Мирончик принял участие в ежегодных консультациях Комитета старших должностных лиц Совета государств Балтийского моря со странами-наблюдателями [Электронный ресурс] // Пасольства Беларусі ў Швецыі – афіцыйная старонка ў Facebook. – Режим доступа: https://facebook.com/permalink.php?id=505511896619051&story_fbid=506485883188319. – Дата доступа: 17.06.2023.

А. А. Челядинский
Институт истории НАН Беларуси

СТАНОВЛЕНИЕ БРАЗИЛЬСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1992–2010 ГОДЫ)

Материал посвящен генезису бразильского вектора внешней политики Республики Беларусь в период развития ее национальной государственности и поиска приоритетных партнеров в международных отношениях. В статье проанализирован опыт белорусско-бразильских контактов в 1992–2010 гг., заложивших основу перспектив превратиться в полноценные отношения. Особый акцент сделан на развитие торгово-экономических связей двух государств с учетом проявленного взаимного интереса, как на межправительственном, так и на региональном уровнях сотрудничества (штат Гояс и др.).

Отмечая 115-летие со дня рождения Андрея Андреевича Громыко необходимо подчеркнуть, что он, в качестве министра иностранных дел СССР, сделал все возможное для восстановления дипломатических отношений с Федеративной Республикой Бразилия, прерванных в 1947 г. в самом начале «холодной войны» [1]. Эти отношения сохранялись вплоть до распада СССР. Для бразильцев этот распад означал, по словам министерства иностранных дел Бразилии Ф. Резека «исчезновением альтернативного полюса мировой политики, который несмотря на череду опасных кризисов эпохи холодной войны все же обеспечивал определенный баланс в международных отношениях» [2, с. 398].

Появление новых независимых государств на территории СССР стал полной неожиданностью для политической и экономической элиты Бразилии. Бразильцы ничего не знали о Беларуси, как и белорусы о Бразилии, если не принимать во внимание 3 волны эмиграции наших соотечественников с конца XIX в. до 1991 г. [3, с. 127]. Тем не менее Бразилия, вслед за странами Запада, стремившихся за столбить сферы влияния в постсоветских республиках, решила принять активное участие в этом процессе. 28 февраля 1992 г. были установлены дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Бразилия [4, с. 288]. Но в обстановке той политической нестабильности, которая тогда была в нашей стране, только-

только становления независимой дипломатической службы говорить о каких-то серьезных отношениях двух государств не приходилось. До 1994 г. присутствовала у нас эйфория по поводу сотрудничества со странами Запада: США, ФРГ, Францией, Польшей, Италией. Такая же эйфория была до 2000 г. и у тогдашнего российского руководства. Считалось, что только с помощью западных стран, их советов, добьемся быстро успехов в своем развитии. Какая там Бразилия, где по словам главного героя фильма «Здравствуйте, я ваша тетя» «очень много обезьян»?! Дистанцирование у бразильцев от стран Запада началось уже в середине 90-х годов, где президентом Бразилии Э. Кардозу была высказана мысль о формировании многополярного мира и необходимости поиска партнеров за пределами Западного полушария, в том числе на постсоветском пространстве [5, с. 3].

На контакты и связи Беларуси и Бразилии ушло более 15 лет. Достаточно отметить, что в 1992 г. торговые отношения между Беларусью и Бразилией составляли только около 15 млн. долларов, причем импорт из Бразилии был равен нулю [6, с. 53]. Обе страны стали предпринимать первые шаги по исправлению такого положения. Первой это сделала бразильская сторона. В конце 1998 г. правительство Бразилии приняло решение о применении в отношении Беларуси Соглашения о торговле и платежах между СССР и Бразилией 1963 г. Фактически оно означало отмену 3% таможенной пошлины на поставляемые белорусские калийные удобрения, действовавших с 1992 г. и приводивших к значительным потерям производственного объединения «Беларуськалий» [7, с. 104].

17–26 апреля 1999 г. делегация Республики Беларусь во главе с Министром предпринимательства и инвестиций А. Сазоновым находилась в Федеративной Республике Бразилия с ознакомительным визитом. Основной целью поездки белорусской делегации, организованной по линии ООН/ПРООН, было ознакомление с опытом формирования инфраструктуры государственной поддержки и развития малого предпринимательства в Бразилии. Встречи и переговоры, состоявшиеся в министерствах иностранных дел, развития промышленности и торговли, науки и технологий, ряде негосударственных организаций Бразилии подтвердили наличие большого потенциала сотрудничества двух стран в различных сферах. В ходе пребывания в Рио-де-Жанейро делегация приняла участие в первом заседании Бразильско-белорусской торгово-промышленной палаты (ББТПП), созданной в рамках Федерации палат внешней торговли Бразилии при содействии Министерства иностранных дел Беларуси. Начало деятельности

ББТПП, призванной активизировать прямые торговые белорусско-бразильские связи, было реальным шагом на пути расширения экономических связей между двумя странами [8, с. 43]. Связи двух государств стали развиваться после открытия в 2001 г. Генерального консульства Беларуси в Рио-де-Жанейро и аккредитацию посла Бразилии по совместительству в Минске [9, с. 291].

Выбор данного мегаполиса, а не столицы страны – г. Бразилиа был не случайным. Рио-де-Жанейро является центром самого развитого региона Бразилии – Юго-Восточного (42% населения) и 56% ВВП страны, производства общего и электронного машиностроения, автомобильной и авиационной промышленности, центр финансовой и транспортной сети страны [10, с. 450]. Анализ мероприятий, проводимых Генеральным консульством Беларуси в период с 2001 по 2010 гг. показал, что его основная задача состояла в том, чтобы посредством визитов субъектов двух стран и их знакомства с потенциалом друг друга, добиться результатов в торговле, а также в гуманитарных областях. Например, в 2007 г. консульство оказало содействие в организации визита в Беларусь ректора Центра славянской культуры М. Коэлью. Центр организовал в Бразилии стенд о Беларуси, рекламирующий образовательные услуги вузов нашей страны [11, с. 30]. Этому должны были способствовать прямые контакты с партнерами, осуществление информационного сопровождения продвижения белорусских предприятий. Как отметил В. Пшенко, консул Генерального консульства Беларуси «большинство бразильских предпринимателей, с которыми Генеральное консульство установило и поддерживало деловые отношения, только с 2001 г. начало открывать для себя Республику Беларусь, ее индустриальный и научный потенциал. Значительный интерес проявлялся к продукции химической, радиоэлектронной и легкой промышленности, машиностроения и нефтепереработки. Одновременно существовали реальные возможности по организации прямых закупок на местном рынке таких традиционно импортируемых Беларусью товаров, как сахар, соевый шрот, кожа, кофе, какао-бобы, соки и многое другое» [12, с. 62]. Безусловно, работа на рынке Бразилии требовала приложения значительных усилий, отхода от привычных стереотипов и схем хозяйствования. Создание соответствующих потенциальным возможностям двух государств взаимоотношений отвечало бы интересам не только конкретного предприятия или учреждения, но и в целом интересам белорусского и бразильского народов. Проблема состояла и в том, что компании США, КНР, Индии, Японии, России, стран ЕС инвестировали огромные средства в экономику Бразилии 200 млн. На бразильском рынке были размещены

их производственные мощности, успешно работала сфера услуг, представлены предприятия с мировым именем. Тем не менее анализ по итогам 2002 г. выявил положительную динамику развития связей и существенный рост экспортных показателей Беларуси. Например, по итогам 2002 г. Бразилия заняла 10-е место среди основных торговых партнеров Беларуси вне СНГ. На долю Бразилии пришлось 71,4% товарооборота Беларуси со странами Южной Америки и 78,6% белорусского экспорта. В 2002 г. товарооборот с Бразилией составил 193,9 млн. долл. США, вырос в сравнении с 2001 г. на 41,1%. Экспорт составил 89,4 млн. долл., увеличился на 16,6%. Импорт составил 104,5 млн. долл., вырос на 72%. Сальдо для белорусской стороны сложилось отрицательное в размере 15,1 млн. долл. США. В 2002 г. основу экспорта (99,2%) составили калийные удобрения (РУП «Беларуськалий»). Увеличились объемы поставок других основных экспортных товаров: подшипников (ОАО «Минский подшипниковый завод»), льняных тканей (Оршанский льнокомбинат), стекловолокна (ПО «Полоцкое стекловолокно»). Усиливалась тенденция диверсификации экспорта. В структуре экспорта появились новые товарные группы: шины, оборудование для термической обработки, синтетические нити, посуда. В импортных поставках наибольший удельный вес занимал тростниковый сахар (85%). Другими главными статьями импорта были жмыхи из соевого масла, электронные лампы и трубки, кожа из шкур крупного рогатого скота, экстракты кофе, чая. Интерес бразильских предпринимателей был проявлен к продукции машиностроения (тракторы, колесные тягачи, карьерные самосвалы, дорожно-строительная техника, кормоуборочные комбайны), оптике, продукции / химической промышленности. Одним из наиболее перспективных направлений при продвижении белорусских товаров на рынке Бразилии явилось бы открытие представительств белорусских предприятий, налаживание совместного сборочного производства и развертывание сервисной сети.

Генеральное консульство Беларуси совместно с белорусскими субъектами хозяйствования в рамках усилий по диверсификации экспорта вели проработку проектов продвижения на бразильский рынок продукции ПО «Минский тракторный завод», РУП «Белорусский металлургический завод», ПО «Интеграл», РУП «Минск-Кристалл», РУП «Гомсельмаш» [13, с. 293].

К началу 2004 г. уже были достигнуты определенные успехи в развитии не только экономики, но и политических связей. При поддержке Бразилии Беларусь стала членом Движения неприсоединения, установила диалог с Группой Рио и ОАГ. Национальное собрание Республики стало членом Межправительственного Союза [14, с. 289].

Тем не менее, переломным моментом в белорусско-бразильском сотрудничестве стало выступление Президента республики А. Г. Лукашенко в июле 2004 г. перед дипломатическим корпусом Беларуси: «Главным субъектом наших внешнеполитических усилий должна стать Бразилия. У нее, как у лидера Южной Америки хранятся ключи, которыми Республика Беларусь может открывать двери политического и экономического сотрудничества с другими странами региона» [15, с. 438]. Бразильская сторона выразила удовлетворение выступлением в сентябре 2004 г. министра иностранных дел Беларуси С. Мартынова на общеполитической дискуссии в ООН, в котором он поддержал инициативу Президента Бразилии Луиса Инасиу Лулы да Силва по борьбе с голодом и нищетой. Но основным содержанием сотрудничества оставалась все же торговля. К концу 2004 г. торговый оборот составил уже 252 млн. долларов США. Экспорт Беларуси – 155,5 долларов, импорт – 97 млн. долларов [16, с. 55].

Официальный первый визит С. Мартынова в Бразилию состоялся 26 октября 2004 г. и положил начало интенсивному **политическому** диалогу двух государств и переговоры с министром иностранных дел Бразилии С. Аморимом. Собеседники отметили близость позиций двух стран по большинству вопросов международного сотрудничества, обсудили перспективы развития политического взаимодействия, подчеркнули необходимость активного наращивания сотрудничества в сфере экономики. С. Мартынов передал послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко Президенту Бразилии Л. И. Луле да Силва. После завершения беседы министры иностранных дел подписали межправительственное соглашение об отмене визового режима для владельцев дипломатических и служебных паспортов [17, с. 33–34].

В ходе переговоров белорусской делегации с министром развития, промышленности и внешней торговли Бразилии Л. Фурланом обсуждались пути активизации торгово-экономического взаимодействия. В структуре экспорта появились товарные группы – станки и столовая посуда. Увеличились поставки шин. Визиту предшествовал целый ряд мер, направленных на развитие двустороннего экономического развития. Удалось, например, наладить прямые связи между бразильскими компаниями и белорусскими субъектами хозяйствования. Тем самым было выбрано стратегическое направление в работе по долгосрочному закреплению товаропроизводителей на бразильском рынке.

Необходимо отметить сотрудничество **законодательных органов** двух стран. В 2005 г. бразильская делегация парламентариев во главе с председателем Комиссии по международным связям и обороне

А. де Оливейрой впервые посетила Беларусь. В декабре 2006 г. палата депутатов Национального конгресса Бразилии приняла резолюцию о создании парламентской группы «Бразилия–Беларусь» [18, с. 29]. В марте 2008 г. белорусские парламентарии посетили Бразилию. **Аккордом**, подведшим черту становления отношений двух государств, стал официальный визит Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Бразилию и подписание с президентом этой страны 22 марта 2010 г. Совместной декларации. В белорусских официальных документах встреча двух президентов была названа **исторической** [19, с. 399]. Для этого были все основания.

Главы государств согласились с тем, что Беларусь и Бразилия имеют общие взгляды относительно таких ценностей, как уважение международного права, укрепление демократии, защита прав человека, борьба за мир и международную безопасность.

Официальный визит Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко свидетельствовал о взаимной готовности углублять политический диалог между двумя государствами на высшем уровне и содействовать активизации двусторонних отношений в торгово-экономической, научно-технической, культурной и образовательной областях. В этой связи Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва приветствовал заявление Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко о намерении Беларуси открыть в ближайшее время Посольство в г. Бразилиа. Бразилия, следуя принципу взаимности, также откроет Посольство в г. Минске.

Подчеркивая важность создания обширной договорно-правовой базы двусторонних отношений, Главы государств договорились начать переговоры для скорейшего подписания международных договоров о сотрудничестве в области торгово-экономического взаимодействия, сельского хозяйства, инвестиций, науки и технологий, культуры, образования, спорта и туризма. Кроме того, Главы государств договорились создать в ближайшее время двустороннюю комиссию по торгово-экономическому сотрудничеству.

Президенты договорились относительно необходимости расширения и диверсификации двусторонней торговли и инвестиций, развития промышленной кооперации, а также условились активизировать взаимный обмен визитами делегаций деловых кругов. В этой связи они приветствовали создание сборочного производства белорусской сельскохозяйственной техники в штате Гояс. Луис Инасиу Лула да Силва подчеркнул интерес своей страны к наращиванию и диверсификации экспортных поставок продуктов питания в Беларусь, включая сою и мясо, и увеличению объемов торговли удобрениями.

Главы государств отметили важность развития связей между штатами Бразилии и областями Беларуси и в этом контексте подчеркнули значение визита Правительства штата Гояс в Беларусь 18–20 февраля 2010 года, а также визит белорусской делегации, возглавляемой Первым заместителем Премьер-министра Республики Беларусь В. Семашко, в штат Гояс 18–19 марта 2010 года. Делегация Республики Беларусь провела встречи с губернатором Алсидесом Родригесом Филью, деловыми кругами, посетила ряд предприятий по производству сахара и этанола, а также сои и биодизельного топлива.

Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко и Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва подтвердили интерес своих государств к сотрудничеству в глобальном масштабе, несмотря на различия государств.

Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко и Президент Федеративной Республики Бразилия Луис Инасиу Лула да Силва выразили удовлетворение результатами, достигнутыми во время визита, подтвердили намерение продолжать двусторонний диалог и активизировать отношения между Беларусью и Бразилией в различных сферах в целях дальнейшего сближения народов двух государств [20].

Таким образом, подводя итог можно сделать вывод, что опыт контактов, связей, которые приобрели Беларусь и Бразилия в 1992–2010 гг. заложил основы хороших перспектив превратиться в полноценные отношения.

Источники и литература

1. Правда, 1961, 25 ноября.
2. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI в. / под ред.: Т. Л. Шаклеиной, А. А. Байкова. – М. : Аспект-Пресс, 2022. – 520 с.
3. Антошин, А. В. Белорусская эмиграция в странах Латинской Америке: советская историография проблемы / А. В. Антошин, М. К. Мосейкина // Вопросы истории. – 2023. – № 12. – С. 124–131.
4. Знешняя палітыка Беларусі : Зб. дакументаў і матэрыялаў (2001–2005 гг.). – Мінск : БДУ. – 2013. – Т. 9. – 688 с.
5. Чернышева, Н. В. Внеконтинентальные направления внешней политики Бразилии на современном этапе : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Н. В. Чернышева. – М., 2008. – 25 с.

6. Андриевский, К. П. Торговые отношения Республики Беларусь со странами Латинской Америки (1992–2008 гг.) / К. П. Андриевский // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 2. – С. 50–57.

7. Республика Беларусь // Вестник Министерства иностранных дел. – 1998. – № 1. – С. 165

8. Республика Беларусь // Вестник Министерства иностранных дел. – 1999. – № 2. – С. 144

9. Знешняя палітыка Беларусі : Зб. дакументаў і матэрыялаў. – С. 293.

10. Энциклопедия Латинская Америка / Гл. ред.: В. М. Давыдов : НПО «Экономика» ; Институт Латинской Америки РАН. – М., 2013. – 950 с.

11. Пшенко, В. Расширение взаимодействия с Бразилией / В. Пшенко // Веснік Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь. – 2007. – № 4. – С. 30.

12. Пшенко, В. Страна далекая и близкая / В. Пшенко // Вестник МИД Республики Беларусь. – 2003. – № 1. – С. 134.

13. Знешняя палітыка Беларусі. – С. 293.

14. Там же. – С. 289.

15. Там же. – С. 438.

16. Внешняя торговля Республики Беларусь. – 2005. – № 5. – С. 87.

17. Веснік Міністэрства замежных спраў. – 2004. – № 4. – С. 132.

18. Пшенко, В. Расшырэнне ўзаімоўздзействія з Бразіліяй / В. Пшенко // Веснік Міністэрства замежных спраў. – 2007. – № 4. – С. 100.

19. Знешняя палітыка Беларусі : Зб. дакументаў і матэрыялаў (2001–2005 гг.). – Мінск : БДУ. – 2014. – Т. 10. – 607 с.

20. Совместная декларация Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко и Президента Федеративной Республики Бразилия Луиса Инасиу Лулы да Силва [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/sovместnaja-deklaratsija-prezidenta-belarusi-aleksandra-lukashenko-i-prezidenta-brazilii-luisa-inasiu-luly-da-5894>. – Дата доступа: 04.04.2024.

В. А. Космач
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РУСОФОБСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА (РОССИИ И БЕЛАРУСИ)

Статья посвящена раскрытию причин и перспективам русофобской политики современной Германии в отношении России и Союзного государства (России и Беларуси). Русофобская политика Берлина является составной частью внешней политики и геополитики англо-саксонского Запада в отношении Москвы и Минска. Она не имеет серьезных перспектив, что заставит ФРГ снова развернуться к России и «наследию Бисмарка» в германо-российских и германо-белорусских отношениях.

В 2004 г. состоялась пятая волна расширения НАТО на восток. К НАТО присоединились Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония. Это было самое крупное расширение НАТО за всю историю альянса, причем, за счет бывших социалистических стран и в сторону границ России [1, с. 235]. Одновременно расширялся Европейский Союз (ЕС). Именно в это время, как отмечает белорусский историк-германист А.В. Русакович, обозначилась «необходимость полного включения Беларуси в систему политических и экономических отношений в Европе» [2, с. 45].

Первая атака Запада, где первую скрипку и сегодня играет Германия, на Беларусь была предпринята во время выборов Президента в декабре 2010 г. На совещании 20 января 2011 г. по внутривластным вопросам Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил, что «против нашего государства был организован заговор..., все программы и огромная часть денег шли из Германии и Польши или через Германию и Польшу. Там же писались программы свержения конституционного строя» [2, с. 49]. Проиграв первую партию открытого свержения власти в Беларуси, Берлин не успокоился. Федеральное правительство Германии в 2011 г. выделило 6,6 млн евро на «поддержку демократии» (!) в Беларуси и на стипендии и другие мероприятия для белорусской молодежи. Расчет строился на то,

чтобы перетянуть побольше белорусов на свою сторону. С этой целью Берлин в том же 2011 г. ввел для граждан Беларуси бесплатные национальные визы, озаботившись расширением «гражданского общества» (!) в Беларуси [2, с. 49–50]. Вместе с тем, торговля между двумя странами не прекращалась. С учетом всего этого, период 2001–2010 гг. А. В. Рукавич называет временем «критического взаимодействия» в государственно-политических отношениях и активного сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической и культурно-гуманитарной сферах. При этом «российский фактор» в германской внешней восточной политике и геополитике Берлина в «белорусском вопросе» постоянно учитывался. Однако ключевая цель и задача в отношении Беларуси у Германии не изменилась. Все возможности и большие деньги Берлин выделял не просто на поддержку «демократии и гражданского общества» (!) в Беларуси, а на то, чтобы оторвать Беларусь от России, включить ее в конечном итоге в состав ЕС и НАТО. Берлин после 1991 г., и особенно после 2004 г., активно работал над созданием Черноморско-Балтийского союза государств (ЧБС), но опасался, что ЧБС возглавит Польша.

Вторая атака на Беларусь с целью оторвать ее от России и включить в зону влияния ЕС и НАТО вплоть до образования ЧБС состоялась в 2020 г. После Украины 2014 г. на очереди стояла Беларусь. По словам экс-советника по национальной безопасности при президенте США Д. Трампе Дж. Болтона, НАТО планировалось расширить в очередной раз за счет Молдавии, Украины и Беларуси. Для этого Дж. Болтон приезжал в Минск в 2019 г. и встречался с А.Г. Лукашенко. «Я поехал на встречу с Лукашенко, – говорил он позже, уже не скрывая, – чтобы оценить, сможем ли мы заставить его отвернуться от Москвы». Но белорусский Президент не дрогнул и не стал метаться между Западом и Москвой как в свое время это делал В. Янукович на Украине. Тогда в ответ на отказ А. Г. Лукашенко «отвернуться от Москвы», коллективный Запад организовал и профинансировал «белорусский майдан» в 2020 г. [3, с. 51].

Таким образом, «ползучая атака» на Россию и Беларусь (Союзное государство) в форме расширения НАТО и ЕС на восток, попытка захвата Украины англосаксами, что вызвало в ответ СВО со стороны Москвы в феврале 2022 г. стали ключевыми факторами и причинами нарастания напряженности и вражды в треугольнике Берлин–Москва–Минск. Германия открыто изменила «наследию Бисмарка» и стала прямым соучастником коллективного Запада по уничтожению России, захвату и оккупации исторических территорий российской цивилизации и «русского мира».

Что заставило Берлин пойти на такие шаги? Не только демонстративная верность политике «атлантической солидарности», союзническим отношениям с США, НАТО и ЕС и вдруг проявившаяся озабоченность «независимостью Украины», ее защиты от «агрессивной Москвы». Есть еще несколько причин разворота Берлина на запад, свертывания восточного вектора германской внешней политики и геополитики.

1. Во-первых, это «канцлер-акт» 1949 г., который установил контроль США над Германией до 2099 г. Согласно ему, вся внутренняя и внешняя политика ФРГ, а также весь золотой запас Германии находится в руках США. Согласно «канцлер-акту» Берлин обязан находиться в фарватере внешней политики и геополитики США [4, с. 196–198].

2. Во-вторых, это польский фактор. Польша сегодня – один из самых верных вассалов и союзников США и одновременно давний соперник Германии. С согласия и при поддержке США Варшава стала оттеснять Берлин с лидирующих позиций в ЕС. Поляки не случайно требуют сегодня от Германии уплаты Польше 1,6 трлн евро в качестве компенсации за Вторую мировую войну. Немцы пока парируют и утверждают, что этот вопрос закрыт и за все давно уплачено, в том числе немецкими территориями и имуществом, отошедшими к Польше в 1945 г. Отношения Берлина и Варшавы сегодня сложные. И не исключено, что на этом фоне Германия демонстрирует своему хозяину (США), что в «русском вопросе» она круче и решительнее, чем Польша [4, с. 199].

3. Третья причина – существование и возрождение на генетическом и, к сожалению, на политическом, уровнях наследия и традиций «третьего рейха». А. Меркель была тайной русофобкой. Канцлер О. Шольц этого не скрывает, как и министр обороны ФРГ Б. Писториус. Более того, в правительстве О. Шольца есть министры, близкие родственники которых воевали в вермахте и верно служили А. Гитлеру и национал-социализму (германскому фашизму). Прежде всего, это министр иностранных дел Германии Анналене Бербок, которая является внучкой полковника гитлеровского вермахта Вальдемара Бербока, о чем написало издательство «Бильд». Вальдемар Бербок служил инженером по ремонту зенитных установок и был убежденным нацистом. В 1944 г. был награжден крестом «За военные заслуги». Вальдемар Бербок умер в 2016 г. в возрасте 103 лет. МИД Германии заявил, что Анналене Бербок якобы не знала о нацистском прошлом своего деда. Она сегодня является наиболее оголтелой русофобкой в правительстве Германии и фанатично поддерживает бандеровский режим в Киеве. Российский МИД, словами Марии Захаровой, не так давно справедливо заявил, что режим Зеленского на Украине поддерживают потомки нацистов.

Еще два примера. Немецкое семейство Квандт – крупнейшие акционеры «BMW» в сегодняшней Германии. Состояние Штефана Квандта достигает 24,6 млрд долларов, у его сестры Зузанны – 27,6 млрд долларов. Патриарх их семейства, немецкий промышленник Гюнтер Квандт – один из крупнейших спонсоров нацистской партии, за что в 1937 г. получил от Гитлера звание «вождя военной экономики». Наши дни. СМИ сообщают, что впервые после 1945 г. крупная группировка немецких войск (бундесвера, 5 тыс. солдат и офицеров) появится у российских границ в Литве. Первых солдат и офицеров бундесвера из этой группировки в аэропорту Берлина 8 апреля 2024 г. провожал министр обороны ФРГ Борис Писториус, который назвал этот день «великим и важным для бундесвера».

Что может остановить Германию и развернуть ее снова в сторону России (Москвы)? На наш взгляд, следующие события и факторы:

1. Военная мощь России и ее победа в СВО и тем самым в Украинской войне НАТО против России.

2. Формирование мощного антизападного геополитического блока государств в составе России, Китая, Ирана и Северной Кореи.

3. Ослабление США по причине катастрофического госдолга (более 34 трлн долларов) и угрозы гражданской войны внутри страны, а также весьма вероятная победа республиканцев во главе с Д. Трампом на президентских выборах в ноябре 2024 г.

4. Продолжающаяся дороговизна американских и европейских источников энергии и сырья (прежде всего, газа и нефти), что уже удорожало уровень жизни немцев и разорило целый ряд промышленных отраслей и сельского хозяйства ФРГ.

5. Тяжелое бремя военной и другой помощи Украине, а это уже не один десяток миллиардов евро. Финансы ФРГ, как главного локомотива ЕС, могут не выдержать.

6. Усиление Польши, в том числе за счет Украины.

Так что «Северные потоки» и «наследие Бисмарка» в отношениях с Россией придется восстанавливать, тем более что именно этого требует сегодня большое число немцев и парламентская оппозиция Германии в лице Сары Вагенкнехт и «Альтернативы для Германии».

Источники и литература

1. Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018: учебное пособие для вузов / под ред. А.Д. Богатурова. – М., 2020. – 362 с.

2. Русакович, А. В. Беларусь – Германия: новая парадигма политических отношений / А.В. Русакович // Журнал международного права и международных отношений. – 2011. – № 1. – С. 45–52.

3. Космач, В. А. Украинская война НАТО против России и украинский фашизм (нацизм) / В.А. Космач // Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований: сб. научных статей. – Псков, 2023. – С. 47–65.

4. Космач, В. А. Крах внешней политики ФРГ в духе «реалполитик»: причины и ключевые факторы русофобской политики в отношении Москвы и Минска (наши дни, авторское видение) / В.А. Космач // Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований: сб. научных статей. – Псков, 2023. – С. 196–201.

УДК 327(5–12)(265.72)+327.56(5–12)

Яо Цзэни

Белорусский государственный университет

МОРСКОЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

В представленной статье анализируется развитие морской политики Китая. Автором обозначено, что у Китая морская политика становится более динамичной по той причине, что страна заинтересована в расширении сотрудничества в морском пространстве, продвижении проекта Морского шелкового пути XXI века по ранее не развитым направлениям. На формирование морской политики Китая оказывают влияние территориальные споры за острова в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, нестабильность на корейском полуострове, вмешательство внерегиональных государств в вопросы безопасности Северо-Восточной Азии.

Современный этап трансформации международных отношений во многом связан с восходящим превосходством Китая. На фоне дестабилизации международной ситуации сразу в нескольких регионах мира позиция Китая направлена на формирование действенной системы безопасности. В создании региональной подсистемы международных отношений нового формата в Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай с особым упором уделяет внимание морскому вопросу.

Реагирование на возникающие угрозы национальной безопасности в морском пространстве рассматривается в Китае как насущная необходимость. Нестабильность политического союзничества на корейском полуострове, неразрешенные территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, расширение военного присутствия США в Тихом океане составляют прямую угрозу мирному возвышению Китая в международных отношениях.

Помимо этого, морская политика Китая становится более взвешенной и продуманной по той причине, что страна заинтересована в расширении сотрудничества в морском пространстве, продвижении проекта Морского шелкового пути XXI века по новым направлениям.

С точки зрения обеспечения всеобъемлющей безопасности морская политика Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе развивается, становится более диверсифицированной. Это связано, в частности, с развитием морской политики также и соседей Китая. Китайский эксперт в области морской политики Чжан Чживэнь назвал XXI столетие веком океана: «Океан стал стратегическим и безопасным пространством для глобального экономического развития и конкуренции между странами. Крупнейшие морские государства мира сформулировали стратегии развития, чтобы конкурировать в океане, пытаюсь сформулировать более широкий перечень национальных интересов в океане. Не только традиционные морские державы, такие как США и Япония, но и такие страны, как Вьетнам и Малайзия, также выдвинули морские стратегии национального уровня» [1, с. 84]. Многие современные государства придают важное значение морской политике. Чтобы не отставать от своих соседей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Китай должен реагировать на политику региональных государств, учитывать фактор внерегиональных держав, которые рассматривают АТР в качестве новых направлений для собственного развития.

С целью оценки роли морского фактора во внешней политике Китая на современном этапе трансформации международных отношений объективно необходимо обозначить последовательность развития интереса правительства страны к морской политике. В конце XX и даже в первые годы XXI в. Китай рассматривал развитие морской политики преимущественно с опорой на экономические вопросы. Но уже в 2012 г. Китай заявил о намерении превратиться в морскую державу с сильным военно-морским флотом, способным отстаивать национальные интересы в морском пространстве.

Превращение в морскую державу – это долгий путь изменения основ внешнеполитического курса. Китай не желает оставаться на периферии государств в регионе, отставать от своих соседей и внерегиональных конкурентов. Санкционное давление со стороны США, их

вмешательство во внутренние дела Китая заставляют китайское правительство прорабатывать новые средства сдерживания соперников в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Современная политика Китая, таким образом, нацелена на обеспечение морской безопасности. С опорой на принципы геополитики можно констатировать, что обеспечение морской безопасности входит в область первостепенных интересов любого государства, имеющего выход к морю. Военно-морской теоретик А.Т. Мэхэн разработал и раскрыл теоретическую концепцию «морской силы». А.Т. Мэхэн в своих работах выявил отдельные условия, влияющие на морскую силу государства: географическое положение, физическая конфигурация, протяженность территории, численность населения, характер народа, политическая система [2, с. 28–29]. Очевидно, что англосаксонская школа геополитики не полностью способна объяснить морскую политику Китая, но из нее можно отобрать некоторые подходы для анализа китайской концепции морской безопасности [3, с. 105–106].

Профессор международной безопасности факультета политики, философии и религии и содиректор исследовательского института безопасности Ланкастерского университета Б. Гермонд понимает морскую безопасность как концепцию, относящуюся к безопасности морских границ и территорий государств, а также как набор средств, правил, мер и операций по обеспечению безопасности морских владений [4, с. 137].

Китай всегда придерживался концепции построения гармоничного управления морским пространством, настаивал на мирном использовании морских ресурсов, сбалансированном развитии морской политики региональных государств. Китай не стремится к морской гегемонии, но создает новую морскую державу, которая будет «сильной», но не гегемонистской». Однако, чтобы лучше защитить территориальный суверенитет, морские права и интересы и построить прочную систему морской безопасности, Китай сначала должен построить мощный военно-морской флот с всеобъемлющими возможностями боевого и сдерживающего действия в океане [1, с. 85].

Обозначая морской фактор как составной элемент внешней политики Китая, необходимо указать на то, что Китай начал проведение модернизации военно-морских сил. Без мощной морской военной силы Китай не сможет справиться с давлением конкурирующих с ним государств в процессе построения великой морской державы. «Все прибрежные страны активно модернизируют военно-морские силы, опираясь либо на собственный опыт, либо на иностранную помощь.

Создавая морскую державу, Китай должен учитывать фактор национальной мощи в морском пространстве. С точки зрения защиты национальных морских прав и интересов известно, что существует три средства разрешения международных споров, а именно правовые, политические и военные средства. Из-за присущих международному праву недостатков в разрешении морских споров Китай всегда выступал за разрешение соответствующих споров посредством политических переговоров и дипломатической работы. Однако военная мощь всегда была основой защиты морских прав и интересов. Морская военная сила является мощной опорой для защиты морских прав и интересов страны, а также фундаментальной гарантией того, что она сможет справиться с наихудшим сценарием, при котором морские права и интересы Китая будут нарушены», – таким мнением поделился китайский исследователь и эксперт по вопросам морской безопасности в Северо-Восточной Азии Чжэн Ивэй [5, с. 83].

На рубеже XX и XXI вв. дискуссия среди китайского политического круга по поводу организации морской политики касалась двух вопросов: как сдерживать влияние внерегиональных государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе и каким образом обеспечить стабильный рост экономических показателей Китая. Китаем уже в первые десятилетия XXI в. был взят курс на создание дружелюбной среды вокруг своих морских границ. Об этом особенно ярко говорят несколько фактов. Китай наладил экономико-политическое сотрудничество с такой региональной структурой, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, несмотря на имеющиеся территориальные споры с некоторыми из ее участников. Китай предложил себя в качестве посредника для решения корейского вопроса, выступал за мирное сосуществование двух корейских государств (Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика).

При формировании морской политики Китай не может не учесть факт наличия территориального спора за острова в Южно-Китайском море. За острова Спратли ведут спор с Китаем такие члены АСЕАН, как Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней.

Спор за острова Спратли в Южно-Китайском море, согласно официально высказанной позиции Китая, должен решаться дипломатическими каналами, однако китайский суверенитет над этими территориями не подлежит сомнению. Китай поддерживает идею разработки Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, чтобы установить правила прохода кораблей через воды этого моря и обеспечить безопасность торговых маршрутов.

Китай для защиты своих территорий в Южно-Китайском море проводит разведывательную деятельность, укрупняет масштабы островов. В 2014 г. официальный представитель Министерства иностранных дел Китая заявил, что строительная деятельность Китая на спорных островах и рифах Южно-Китайского моря направлена главным образом на улучшение условий труда и жизни персонала, дислоцированного на островах; Китай имеет неоспоримое право собственности на этих землях, а контроль Китая над соответствующими островами, рифами Наньша и прилегающими к ним водами находится в пределах суверенитета Китая [6, с. 39–40]. В 2015 г. министр иностранных дел Китая Ван И заявил, что Китай прекратил свои проекты по освоению и строительству насыпных островов в Южно-Китайском море. Однако с начала октября 2015 г. высокопоставленные военные чиновники США часто выступали за то, чтобы американские военные корабли осуществляли так называемую «свободу судоходства» в пределах 12 морских миль от китайских островов Наньша. В то время, когда проблема Южно-Китайского моря постепенно утихала, высокопоставленные военные лидеры США фактически снова вызвали напряженность в Южно-Китайском море. В 2016 г. строительство Китаем островов и рифов на островах Наньша в Южно-Китайском море вступило в этап, на котором основное внимание уделялось установке гражданских объектов, таких как порты и доки, а также строительству необходимых военных объектов [6, с. 39–40]. В 2023 г. произошло новое обострение ситуации в Южно-Китайском море. Корабли Филиппин вошли в подконтрольные Китаю воды Южно-Китайского моря и спровоцировали столкновение кораблей двух стран. Китай был вынужден использовать водометы для сдерживания филиппинских кораблей.

В Восточно-Китайском море остался неразрешенным спор за острова Дяоюйдао, которые в Японии называются также островами Сенкаку. При выстраивании китайско-японских отношений Китай не может не учитывать проблему законной принадлежности островов Дяоюйдао. Этот спор начался достаточно давно, больше чем 100 лет назад. Япония насильственно захватила эти острова у китайской империи в конце XIX в. В середине XX в. острова были переданы Японии без учета китайских национальных интересов. Вопрос принадлежности островов Дяоюйдао категорически важен для региональной системы морской безопасности в Северо-Восточной Азии. Контроль Японии над Дяоюйдао несправедлив и угрожает национальной безопасности Китая, который в своей внешней политике дипломатическими средствами пытается решить этот вопрос.

США регулярно вмешиваются в перечисленные территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Американская позиция сводится к критике суверенных прав Китая, несогласию с доводами китайских дипломатов. США обостряют споры, не позволяют сторонам прийти к их мирному разрешению. США поддержали Филиппины, когда в 2012 г. Филиппины обратились в Постоянную палату третейского суда в Гааге с требованием рассмотреть правомерность китайских притязаний на спорные острова в Южно-Китайском море. В 2016 г. суд в Гааге стал на сторону Филиппин, однако Китай назвал данное решение неправомерным. Китай настаивать на том, что данный вопрос является внутренним делом самого китайского государства.

Таким образом, морской фактор существенно влияет на внешнюю политику Китая. Установившееся положение вещей в Азиатско-Тихоокеанском регионе не полностью устраивает Китай. Реагирование на появляющиеся угрозы национальной безопасности в морском пространстве трактуется в Китае как насущная необходимость. Нестабильность на корейском полуострове (ядерная проблема, альянс Республики Корея с США), неразрешенные территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, расширение военного присутствия США в Тихом океане составляют прямую угрозу мирному росту Китая и увеличению его влияния в международных отношениях. По настоящее время неразрешенные споры с соседями в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии дестабилизируют ситуацию в регионе. Спор за острова в Южно-Китайском море ведется между Китаем и членами АСЕАН (Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней). Китай намерен отстаивать свой суверенитет над этими территориями. Поддержка со стороны США усиливает конфронтацию, Китай вынужден усиливать военно-морскую мощь. Отношения с Японией стали другим определяющим фактором в формировании концепции морской безопасности Китая. Восстановление исторической справедливости и возвращение островов Дяоюйдао под контроль Китая стали отдельным вектором внешней политики страны.

Источники и литература

1. 张智文. 中国海洋安全形势及其对策 / 张智文 // 世纪桥. – 2016. – № 10. – 页 84–85. = Чжан Чживэнь. Ситуация с безопасностью на море в Китае и меры противодействия / Чжан Чживэнь // Мост века. – 2016. – № 10. – С. 84–85.

2. Mahan, A.T. The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783 / A.T. Mahan. – Boston: Little, Brown, and Company, 1890. – 557 p.

3. Яо Цзэни. Глобальная и региональная концепции морской безопасности Китая / Яо Цзэни // Проблемы управления. – 2024. – № 1. – С. 105–110.

4. Germond, B. The geopolitical dimension of maritime security / B. Germond // Marine Policy. – 2015. – № 54. – Pp. 137–142.

5. 郑义炜. 陆海复合型中国“海洋强国”战略分析 / 郑义炜 // 东北亚论坛. – 2018. – № 27 (2). – 页 76–90. = Чжэн Ивэй. Стратегический анализ сухопутно-морского комплекса «морской державы» Китая / Чжэн Ивэй // Форум Северо-Восточной Азии. – 2018. – № 27 (2). – С. 76–90.

6. 夏立平. 亚太海洋安全展望 / 夏立平 // 国际关系研究. – 2016. – № 1. – 页 39–43. = Ся Липин. Перспективы морской безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона / Ся Липин // Исследования в области международных отношений. – 2016. – № 1. – С.39–43.

БЕЛГОССТРАХ

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ**

Сборник научных статей

Подписано в печать 12.06.2024. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 14,18. Уч.-изд. л. 15,51.

Тираж 35 экз. Заказ 342.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий в качестве:

издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;

распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.

Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.